
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2018. Том 16, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

<i>Целищев В. В.</i> Семантика для гиперклассической логики и проблема отрицания в формальном языке	5
<i>Карпович В. Н.</i> Рациональность, логика и теория аргументации	16
<i>Хлебалин А. В.</i> Логический и математический вывод: синтаксис и семантика доказательства	28
<i>Шевченко А. А.</i> Абстракции и идеализации в нормативных моделях	38
<i>Головкин Н. В. Д.</i> Деннет и научный реализм: пессимистическая метаиндукция и аргумент от ошибки	49

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Решетников В. А.</i> Гуманистические основы человеческой истории	60
<i>Самсонов В. В.</i> От проблемного к риск-прогнозному анализу: эволюция концептуального аппарата социальных наук	70
<i>Обухов А. А.</i> Институциональные ограничения демократического подхода к элитогенезу	81
<i>Широкова М. А.</i> Индивидуализм и толерантность как принципы политической этики либерализма	89
<i>Петров В. В.</i> Развитие университетских систем в обществе знания: положительные элементы прошлого опыта	100
<i>Солодова Г. С.</i> Поликультурность Российского государства: по материалам Первой Всеобщей переписи	113

<i>Мадюкова С. А., Персидская О. А.</i> Государственно-гражданская и этническая идентичности как детерминирующие факторы этнонациональной политики	122
<i>Ерохина Е. А.</i> Возможности и риски технологических новаций в системе мониторинга межэтнических отношений	132
<i>Тарбастаева И. С.</i> Коллективные права этнических сообществ как условие сохранения этнокультурного разнообразия	143
<i>Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г.</i> Семья как детерминанта трансформации межэтнических сообществ	152
<i>Шмаков В. С.</i> Точки социально-экономического роста АПК РФ	162
<i>Зазулина М. Р.</i> Институциональная динамика аграрного сектора как фактор трансформации сельских сообществ: социально-философский анализ	173

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Останин В. В., Суботялов М. А.</i> Образ Шанкары в комментариях Бхактиведанты	185
<i>Бровкин В. В.</i> Киники и эпоха эллинизма	192
<i>Суворов В. В.</i> Рационалистический проект Николая Кузанского: концепция ума в трактате «Простец об уме»	204
<i>Седыченко Т. Ю.</i> Философия Спинозы: роль онтологии в обосновании этики целей	219
<i>Горохов П. А., Южанинова Е. Р.</i> Взгляд на глобализационные процессы сквозь призму гегелевского наследия	227
<i>Бердаус С. В.</i> Ранняя и поздняя этика Э. Гуссерля	238
<i>Санжениаков А. А.</i> Делёз: история философии как творчество	250
Сведения об авторах	258
Информация для авторов	261

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2018. Vol. 16, № 3

CONTENTS

ANALYTICAL PHILOSOPHY, EPISTEMOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

<i>Tselishchev V. V.</i> Semantics for Hyperclassical Logic and the Problem of Negation in the Formal Language	5
<i>Karpovitch V. N.</i> Rationality, Logic, and the Theory of Argumentation	16
<i>Khlebalin A. V.</i> Logical and Mathematical Inference: Syntax and Semantics of Proof	28
<i>Shevchenko A. A.</i> Abstractions And Idealizations In Normative Models	38
<i>Golovkod N. V.</i> Dennett and Scientific Realism: Pessimistic Meta-Induction and the Argument from Error	49

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Reshetnikov V. A.</i> Humanistic Foundations of Human History	60
<i>Samsonov V. V.</i> From «Problems» to «Risks»: Evolution of the Conceptual Apparatus of Social Sciences	70
<i>Obukhov A. A.</i> Institutional Restrictions of the Democratic Approach to the Genesis of Elites	81
<i>Shirokova M. A.</i> Individualism and Tolerance as the Principles of the Political Ethics of Liberalism	89
<i>Petrov V. V.</i> University Systems Development in the Knowledge Society: positive Elements of Past Experience	100

<i>Solodova G. S.</i> Multicultural Society of the Russian State – Based on the Materials of the First All-Russian Census	113
<i>Madyukova S. A., Persidskaya O. A.</i> Identification Strategies as Determining Factors of Ethnonational Policy	122
<i>Erokhina E. A.</i> Opportunities and Risks of Technological Enhancement of the Monitoring System of Inter-Ethnic and Inter-Confessional Relations and Early Prevention of Conflict Situations	132
<i>Tarbastaeva I. S.</i> Collective Rights of Ethnic Communities as the Condition of Preserving the Ethno-Cultural Diversity	143
<i>Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G.</i> Family as a Determinant of Ethnic Communities Transformation	152
<i>Shmakov V. S.</i> Points of Social-Economic Growth of the Agro-Industrial Complex of the Russian Federation	162
<i>Zazulina M. R.</i> Institutional Dynamics of the Agricultural Sector as a Factor of Transformation of Rural Communities	173

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Ostanin V. V., Subotyalov M. A.</i> The Image of Shankara in Bhaktivedanta's Purports	185
<i>Brovkin V. V.</i> Cynics and the Hellenistic Era	192
<i>Suvorov V. V.</i> Nicholas of Cusa's Rationalistic Project: the Concept of Mind in <i>Idiota De Mente: The Layman, About Mind</i>	204
<i>Sedychenko T. Yu.</i> Spinoza's Philosophy: The Role of Ontology in Justification the Ethics Of Ends	219
<i>Gorokhov P. A., Yuzhaninova E. R.</i> View of Globalization Processes through the Prism of Hegel's Heritage	227
<i>Berdaus S. V.</i> Early and Late Ethics of E. Husserl	238
<i>Sanzhenakov A. A.</i> Deleuze's History of Philosophy as Creativity	250
Our Contributors	258
Instructions to Contributors	261

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-5-15

В. В. Целищев

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

leitval@gmail.ru

СЕМАНТИКА ДЛЯ ГИПЕРКЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ И ПРОБЛЕМА ОТРИЦАНИЯ В ФОРМАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ *

Применение теоретико-игровой семантики для логики первого порядка основано на определенном роде семантических предпосылках, напрямую связанных с асимметрией определения истины и лжи как выигрышных стратегий Верификатора (Абеляра) и Фальсификатора (Элоизы). Эта асимметрия становится явной при применении GTS к IFL. Законность применения GTS при переносе ее на IFL основана на адекватности GTS для FOL. Но это обстоятельство не является основанием верить в то, что можно надеяться на такую же адекватность в случае IFL. Тогда возникает вопрос, а является ли GTS естественной семантикой для IFL. Как видно, интуитивное понимание отрицания в естественном языке может эксплицироваться в формальных языках различным образом, и результат неполного схватывания понятия в этих языках можно считать определенным роде аномалиями, ввиду кажущейся простоты эксплицируемого понятия. Сопоставление теоретико-модельной и теоретико-игровой семантик в применении к двум видам языка – языку первого порядка и дружественно-независимой логике – позволяет обнаружить причины аномалии и наметить пути ее преодоления.

Ключевые слова: теоретико-игровая семантика, отрицание, дружественно-независимая логика, семантика, полнота, гиперклассическая логика.

Теоретико-игровая семантика, являющаяся неотъемлемой частью концептуального каркаса IF-логики, существенно расширяет эпистемологические горизонты тех идей, которые легли в основание столь значимой реформы, и даже революции (!) логики. В основе рационального познания лежат несколько основополагающих принципов, которые часто полагают «законами логики», логики, которая понима-

* Исследования, нашедшие отражения в данной статье, поддержаны РФФИ (проект № 16-02-00352).

ется как нечто универсальное для человеческого мышления. Среди таких законов важное место занимает закон исключенного третьего. В применении к теоретико-игровой семантике этот закон означает, что для одного или другого игрока всегда существует выигрышная стратегия, которая и является утверждением истинности предложения, разыгрываемого участниками игры. Но, как известно из общей теории игр, обязательное существование выигрышной стратегии, по крайней мере, для одного из игроков не гарантировано, или, говоря проще, это условие часто нарушается. Технически это обстоятельство выражается в следующей форме: неверно, что несуществование выигрышной стратегии для одного участника влечет существование такой стратегии для другого участника. Все это означает, что в теоретико-игровой семантике для ИФ-логики закон исключенного третьего не соблюдается, со всеми вытекающими отсюда серьезными следствиями для эпистемологических аспектов этой логики.

Прежде всего, именно в этом моменте ИФ-логика не является «классической» логикой. В определенном смысле это является усложнением логики, потому что приходится различать эквивалентности, справедливые для истинности обеих сторон, от эквивалентностей, которые справедливы как для истинности, так и для ложности обеих сторон. Как признает сам Я. Хинтикка,

...отрицание, определенное обычными, полностью «классическими» теоретико-игровыми правилами, оказывается сильным, нарушающим закон исключенного третьего. Неясно, что отсюда следует. Тот факт, что дуальное отрицание является результатом совершенно традиционных семантических правил, предполагает, что закон исключенного третьего вероятно не является ингредиентом правильно понятой классической концепции логики вообще [Hintikka, 2002. P. 409].

Здесь находит объяснение того, почему ИФ-логика является (или называется таковой) гиперклассической логикой. С точки зрения обычной логики, скажем, логики первого порядка, нарушение закона исключенного третьего является аномалией. Но вместо преодоления аномалии Хинтикка полностью обращает ситуацию, предполагая правила теоретико-игровой семантики базисными и тем самым превращая в аномалию сам закон исключенного третьего. Рассмотрим ситуацию с законом исключенного третьего в контексте теоретико-игровой семантики. Пусть имеется формула первого порядка φ с подходящей моделью M , с обычной процедурой оценки v_φ формулы φ в M . С этой формулой ассоциируется семантическая игра двух

игроков \mathcal{E}_0 и A_1 (традиционное обозначение для двух игроков – Элоизы и Абеляра соответственно). В теоретико-модельном виде такая игра есть $G(\varphi, \nu_\varphi, k)$, где $k \in \{0,1\}$. Здесь параметр k определяет роль игроков: \mathcal{E}_k – это Верификатор, а A_{k-1} – это Фальсификатор. Верификатор \mathcal{E}_k играет с тем, чтобы добиться $(M, \nu_\varphi) \models \varphi$, а Фальсификатор A_{1-k} играет с тем, чтобы добиться противоположного. Игра $G(\varphi, \nu_\varphi, k)$ для формулы, где нет свободных переменных, имеет вид $G(\varphi, \emptyset, k)$. В этих обозначениях мы имеем следующую последовательность шагов, каждый из которых семантически эквивалентен последующему:

1. φ ложно в модели M .
2. \mathcal{E}_0 имеет выигрышную стратегию в $G_M(\varphi, \emptyset, 1)$.
3. A_1 имеет выигрышную стратегию в $G_M(\varphi, \emptyset, 0)$.
4. A_1 имеет выигрышную стратегию в $G_M(\neg\varphi)$.
5. $\neg\varphi$ истинна в M .

Применим эти схемы к случаю игры $G(\varphi \vee \neg\varphi)$. Верификатор \mathcal{E}_1 имеет выигрышную стратегию если и только если, он имеет выигрышную стратегию либо для $G_M(\varphi)$, или же для $G_M(\neg\varphi)$. Однако мы имеем контрпример такой дилемме. Легко показать, что IF-формула $(\forall x)(\exists y/x)[\neg(x=y)]$ истинна ни в одной модели. По закону исключенного третьего должно быть так, что эта формула ложна во всех моделях, т. е. Фальсификатор имеет выигрышную стратегию, что выражается формулой $(\exists n)(\forall y)[n=y]$. Но эта формула справедлива только лишь для модели с одним элементом. Если же модель содержит более одного элемента, φ не истинна, ни ложна в M , и, стало быть, $(\varphi \vee \neg\varphi)$ не истинно в M [Dechesne, 2005].

IF-логика взывает к старому различению контрадикторного и контрарного отрицаний, ассоциируя первое с законом исключенного третьего. Эпистемологическое новшество в связи с IF-логикой состоит в том, что контрадикторное отрицание является производным от более фундаментальных понятий, связанных с более общей трактовкой фундаментальных понятий логики:

В общем, мы можем видеть, что в достаточно богатых языках (естественных или формальных) должно присутствовать два различных отрицания. С одной стороны, должно быть контрадикторное отрицание, потому что по предположению это то, что мы хотим выразить нашим отрицанием. Однако контрадикторное отрицание не может стоять на собственных ногах. Для того чтобы сформулировать правила для отрицания (семантические правила, дедуктивные правила, игровые правила), мы должны также иметь сильное (дуальное) отрицание, потому что удовлетворительные правила могут быть сформулированы только для него [Hintikka, Sandu, 1997. P. 375].

Однако некоторые исследователи полагают, что отклонения IF-логики от стандартной заключаются вовсе не в том, что в ней не соблюдается закон исключенного третьего. На самом деле, с их точки зрения, ситуация имеет дело с аномалией в самой IF-логике, которая связана с поведением отрицания.

Отклонения [IF-логики] заключаются не в нарушении закона исключенного третьего, а скорее в том, что IF-язык не может предоставить предложения, чьи утверждения могли бы быть логически правильно себя ведущими отрицаниями утверждений, сделанных другими предложениями языка [Tennant, 1998. P. 107].

Другими словами, IF-логика не может выразить отрицания предложений в собственном языке. Если это и слишком сильное утверждение о дефектах IF-логики, то в любом случае оно основано на трудностях с концепцией отрицания. На самом деле проблема восходит к самому понятию ветвящегося квантора, и переход к «слэшу» делает эту проблему более ясной. Пусть мы имеем исходную структуру

$$(\forall x) (\exists y), \quad F(x, y, z, w), \quad (1)$$

$$(\forall z)(\exists w).$$

В теоретико-игровой интерпретации этой структуры, при любом выборе x можно выбрать некоторый y , и при любом выборе z можно выбрать некоторый w , так чтобы удовлетворить $F(x, y, z, w)$. Что происходит в случае отрицания такой возможности удовлетворить $F(x, y, z, w)$? Очевидно, что следует отрицать всю структуру, а именно:

$$(\forall x) (\exists y), \quad \neg: F(x, y, z, w),$$

$$(\forall z)(\exists w).$$

Но такое образование не является правильно построенным (по ряду критериев). Самое лучшее приближение состоит в том, чтобы отрицать выполнимость $F(x, y, z, w)$, т. е. интерпретировать предыдущую структуру в следующем виде:

$$(\forall x) (\exists y), \quad \neg F(x, y, z, w), \quad (2)$$

$$(\forall z)(\exists w).$$

Но является ли такая интерпретация, крайне важная для IF-логики, верной? Другими словами, действительно ли структура (2) является подлинным отрицанием структуры (1)? Н. Теннант утверждает,

что это не так [Tennant, 1998. P. 108]. При сколемизации структуры (1) мы получаем выражение

$$(\exists f) (\exists g) (\forall x) (\forall z) F(x, f(x), z, g(x)).$$

Отрицание этой формулы имеет вид

$$\neg \{(\exists f) (\exists g) (\forall x) (\forall z) F(x, f(x), z, g(x))\},$$

что равносильно

$$\{(\exists f) (\exists g) (\forall x) (\forall z) \neg F(x, f(x), z, g(x))\}.$$

Но это утверждение не эквивалентно утверждению (2), если рассмотрение идет уже в языке IF-логики. Что, собственно, проявляет IF-логика в данном случае? Она проявляет различие (1) и (2) в том отношении, что одно из них не является отрицанием другого. В самом деле, теоретико-игровая интерпретация (2) подразумевает следующее: выбирается некоторый x такой, что какой-бы y не был выбран (при использовании предшествующей информации о выборе x), и выбирается некоторый z такой, что какой бы w не был выбран (при использовании предшествующей информации о выборе z), неверно, что $F(x, y, z, w)$. Но это гораздо более сильное утверждение, чем утверждение (1).

Что означает отсутствие такой эквивалентности, которое проявляется в языке IF-логики? По сути, это означает отсутствие у нее выразительной полноты. Это обстоятельство проявляется в том, что в IF-логике невыразимо понятие контрадикторного отрицания. Является ли это обстоятельство отягчающим, и если так, то в какой степени? В конечном счете среди главных преимуществ IF-логики числится дескриптивная полнота, позволяющая этой логике быть эффективным инструментом математического теоретизирования. Является ли это в какой-то степени компенсацией отсутствия выразительной полноты? Этот вопрос признается важным и самими авторами IF-логики. Отвечая на критику Теннанта, Санду и Питаринен говорят следующее:

Есть лишь доля истины в этих [Теннанта] замечаниях, но не полная истина. Что Хинтикка пытается достигнуть в своей книге, так это разумных уступок в соотношении различных форм полноты и некоторых желательных теоретико-модельных свойств логической системы. Разумно стремиться к логике, которая удобна с теоретико-модельной точки зрения, и которая уравнивает преимущества как дескриптивной, так и выразительной полноты. В результате получается логика, обладающая свойством компактности, теоремой Левенгейма – Сколема, с определением собственного предиката истины, и достигающей дескриптивной полноты в гораздо большей степени, чем это имеет место в обычной логике первого порядка [Pietarinen, Sandu, 2000. P. 161–162].

Теннант настаивает, среди прочего, что своеобразие IF-логики состоит не в том, что в ней не соблюдается закон исключенного третьего (в конце концов, эта не такая уж новость в свете интуиционистской логики), а в гораздо большем дефекте – невыразимости контрадикторного отрицания. Однако такое обстоятельство оправдывается другими преимуществами IF-логики, о которых говорят Питаринен и Санду. Но сама постановка такого противостояния поднимает еще более глубокие вопросы о природе логических систем.

Как оказывается, проблема с введением в IF-логику выражений для отрицания является более общей, чем это казалось ранее. Коль скоро понятие отрицания управляется правилами естественного языка, его формализация в различных логических системах должна в той или иной степени учитывать эти правила. Однако вопрос, каковы эти правила до экспликации их формальными средствами, остается открытым. Самое первое приближение к ответу состоит в том, что решающую роль тут играет семантика, и поэтому понимание аномалий с выражением отрицания в IF-логике может быть достигнуто через понимание того, в какой степени теоретико-игровая семантика (GTS) является естественной для IF-логики. Этот вопрос был исследован ранее с точки зрения возможности перенесения GTS от первопорядковой логики, где она совпадает с семантикой Тарского, на IF-логику [Целищев, 2017]. Хотя в целом GTS является, можно сказать, естественной семантикой для IF-логики, анализ упомянутого процесса переноса обнаруживает трудности в понимании концептуальной структуры понятия отрицания.

Рассмотрим формулу $(\forall x) (\exists y) R(x, y)$. Семантическая игра над этой формулой (с игроками, как и прежде, Абельяром (Фальсификатор \forall) и Элоизой (Верификатор \exists) заключается в попытках Абельяра фальсифицировать формулу, а Элоизы – верифицировать ее. Другими словами, Абельяр выбирает в ходе игры индивид для x такой, что для любого выбора Элоизой индивида для y формула $R(x, y)$ будет ложной. Но это означает верификацию формулы

$$(\exists x) (\forall y) R(x, y). \quad (3)$$

Что касается Элоизы, то она стремится выбрать индивид для y такой, что для любого выбора Абельяром индивида для x формула $R(x, y)$ была истинной. Это означает верификацию формулы

$$(\forall x) (\exists y) R(x, y). \quad (4)$$

Каковы условия истинности $R(x, y)$? С точки зрения GTS речь идет о двух кванторных предложениях, (3) и (4), истинность которых

определяется существованием выигрышной стратегии либо для Элоизы, либо для Абельяра. А вот с точки зрения семантики Тарского истинностное значение определяется соответствующим атомарным предложением, где переменные заменены индивидами, $R(a, b)$. Такое различие GTS и семантики Тарского важно, потому что в случае семантики Тарского речь идет об истинности и ложности атомарных последователей формул (3) и (4), в GTS речь идет об установлении истинности обеих кванторных формул.

Это обстоятельство Санду использует для значительной ревизии понятия фальсификации формулы, что имеет важное значение для понимания отрицания [Hintikka, 1973]. Ревизия состоит в обращении порядка в паре «кванторное предложение – семантическая игра». Хинтиikka в своей классической работе об игровой концепции кванторов [Ibid.] предложил такой порядок: от кванторного предложения к определению семантической игры над ним. Но сама идея трактовки кванторов с теоретико-игровой точки зрения включает неясность: речь идет о самом понятии квантора (например, в качестве предиката высшего порядка, как у Г. Фреге), или же речь идет о некотором алгоритме при выборе ходов в семантической игре.

Ложность кванторного предложения в некоторой модели у Хинтиikka определяется как существование выигрышной стратегии для фальсификатора в игре для этой модели. Но это означает, что существует такая кванторная формула, которая говорит об истинности стратегии Абельяра. Интуитивно мы должны полагать, что эта формула как-то соотносится с ложностью того предложения, которое противоположно условию истинности в стратегии Элоизы. Но в GTS нет никаких намеков на то, что это утверждение и формула эквивалентны.

Теперь приходит очередь рассмотреть более внимательно, что мы имеем в виду под «кванторным» выражением во втором смысле, как алгоритме в игре. Ясно, что само предложение $(\forall x) (\exists y) R(x, y)$ отлично от набора инструкций, как ходить для получения истинности этого предложения. Проблема состоит в том, что определение Хинтиикой ложности в GTS в виде существования выигрышной стратегии для Абельяра встречается с аномалией. Это аномалия может рассматриваться как более общая проблема с выражением концепции отрицания.

Действительно, ложность $(\forall x) (\exists y) R(x, y)$ подразумевает его эквивалентность $(\exists x) (\forall y) \neg R(x, y)$. Но такая эквивалентность свойственна логике первого порядка, а в самой идее GTS нет никакого намека, почему эти выражения эквивалентны. В этом смысле оказы-

вается, GTS не дает по настоящему условий ложности кванторных предложений, и различие между кажущимися симметричными условиями для истинностных значений для Элоизы и Абельяра обнаруживается через различение двух смыслов кванторных предложений. Все это пока имеет отношение именно к случаю FOL с семантикой GTS.

При переходе к языку IF-логики возникает вопрос о семантике для него. Интуитивно есть полная уверенность в том, что такая семантика «внутренне присуща» IF-языку. Но теперь мы должны полагать, что в этом языке игра понимается не как игра над кванторными выражениями в обычном смысле, а как алгоритм для совершения ходов. Роль слэша «/» сводится к определенным ограничениям на стратегии поиска подходящих индивидов, что является выражением зависимости кванторов. Для понимания условий ложности предложений в IF-логике с GTS мы должны рассмотреть пару предложений, аналогичных (3) и (4), теперь уже со слэшем:

$$(\exists x) (\forall y) \neg R(x, y) \quad (5)$$

и

$$(\forall x) (\exists y) R(x, y). \quad (6)$$

Как и в предыдущем случае, мы имеем условия истинности для двух различных формул (5) и (6). Но ранее было показано, что в основе определения ложности для выражений FOL с семантикой GTS лежит неявное предположение об эквивалентности двух соответствующих формул из первой пары – (3) и (4). Иначе говоря, фактически речь идет об условии истинности одного предложения вместо двух. Однако в случае IF-логики с GTS два выражения (5) и (6) остаются различными выражениями, поскольку они не эквивалентны. Все это означает, что в самой GTS нет никаких мотивов считать, что $\neg(6) \Leftrightarrow (5)$. В этом случае мы не можем считать, что условия для истины и для ложности в GTS относятся к одному и тому же предложению, над которым предположительно ведется игра. В действительности мы имеем дело с двумя неэквивалентными предложениями. При этом нарушается интуитивное представление о дуальности истины и лжи. В этой связи упреки Теннанта можно понимать как указание на то обстоятельство, что ни Абельяр, ни Элоиза могут не иметь выигрышной стратегии в некоторой игре, и значит, эта формула не истинна, ни ложна в определенной модели.

Применение теоретико-игровой семантики для логики первого порядка основано на определенном рода семантических предпосылках, напрямую связанных с асимметрией определения истины

и лжи как выигрышных стратегий Верификатора (Абеляра) и Фальсификатора (Элоизы). Эта асимметрия становится явной при применении GTS к IFL. Законность применения GTS при переносе ее на IFL основана на адекватности GTS для FOL. Но это обстоятельство не является основанием верить в то, что можно надеяться на такую же адекватность в случае IFL. Тогда возникает вопрос, а является ли GTS естественной семантикой для IFL. В нашей статье [Целищев, 2017] мы давали утвердительный ответ на данный вопрос, отмечая при этом некоторые аномалии. Похоже, что аномалия определения отрицания или, более обще, лжи в IFL с GTS, не может быть преодолена без радикальных модификаций, цель которых состоит в установлении правил соотнесения теоретико-модальных и теоретико-игровых правил семантики. Нынешняя ситуация с семантикой имеет скорее метафорический характер. Действительно

Мы не можем позволить игровой метафоре взять верх. Процедура Хинтикки заключается в том, чтобы использовать адекватную метафору для семантики FOL, и затем грубо применить метафору к IFL, как будто метафора более важна, чем семантика. Но оказывается, что метафора подходит к языку в случае FOL, но не в случае IFL. Это не значит, что теория игр не является полезной для понимания языка, но это явно не тот случай в применении GTS к IFL ¹.

Как видно, интуитивное понимание отрицания в естественном языке может эксплицироваться в формальных языках различным образом, и результат неполного схватывания понятия в этих языках можно считать определенного рода аномалией, ввиду кажущейся простоты эксплицируемого понятия. Сопоставление теоретико-модельной и теоретико-игровой семантик в применении к двум видам языка – языку первого порядка и дружественно-независимой логике – позволяет обнаружить причины аномалии и наметить пути ее преодоления.

Список литературы

Целищев В. В. Является ли теоретико-игровая семантика «естественной» для дружественно-независимой логики? // Философия науки. 2017. № 3 (74). С. 31–45.

¹ *Bazzoni A.* Is Hintikka's Independent-Friendly Logic a Revolutionary NonClassical First-Order Language? URL: <https://www.unilog.org/contest2013/bazzoni.pdf>. P. 9 (дата обращения 23.02.2017).

Dechesne F. Games, Sets, Math: Formal Investigations into Logic with Imperfect Information. Tilburg: Tilburg Univ. Press, 2005.

Hintikka J. Language-Games for Quantifiers // Logic, Language Games and Information. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 53–82.

Hintikka J. Hyperclassical Logic (a.k.a. IF Logic) and its Implications for Logical Theory // The Bulletin of Symbolic Logic. 2002. Vol. 8. No. 3. P. 404–423.

Hintikka J., Sandu G. Game-Theoretical Semantics // Handbook of Logic and Language / Eds. J. van Benthem, A. ter Muelen. London: Elsevier Science B.V., 1997. P. 361–410.

Pietarinen A., Sandu G. Games in Philosophical Logic // Nordic Journal of Philosophical Logic. 2000. Vol. 4. No. 2. P. 143–173.

Tennant N. Games Some People Would Have All of Us Play // Philosophia Mathematica (3). 1998. Vol. 6. P. 90–115.

Материал поступил в редколлегию 13.06.2018

V. V. Tselishchev

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

leitval@gmail.com

**SEMANTICS FOR HYPERCLASSICAL LOGIC
AND THE PROBLEM OF NEGATION
IN THE FORMAL LANGUAGE**

The application of game-theoretic semantics for first-order logic is based on a certain kind of semantic assumptions, directly related to the asymmetry of the definition of truth and lies as the winning strategies of the Verifier (Abelard) and the Counterfeiter (Eloise). This asymmetry becomes apparent when applying GTS to IFL. The legitimacy of applying GTS when it is transferred to IFL is based on the adequacy of GTS for FOL. But this circumstance is not a reason to believe that one can hope for the same adequacy in the case of IFL. Then the question arises if GTS is a natural semantics for IFL. Apparently, the intuitive understanding of negation in natural language can be explicated in formal languages in various ways, and the result of an incomplete grasp of the concept in these languages can be considered a certain kind of anomalies, in view of the apparent simplicity

of the explicated concept. Comparison of the theoretical-model and game theoretic semantics in application to two kinds of language – the first-order language and friendly-independent logic – allows to discover the causes of the anomaly and outline ways to overcome it.

Keywords: game-theoretic semantics, negation, friendly-independent logic, semantics, completeness, hyperclassical logic.

References

Tselishchev V. V. Javljaetsya li teoretiko-igrovaja semantika «estestvennoi» dlya družhestvenno-nezavisimoi logiki? [Is the game theoretic semantics «natural» for a friendly-independent logic?]. *Filosofiya nauki [Philosophy of Science]*, 2017, no. 3 (74), p. 31–45. (In Russ.)

Dechesne F. *Games, Sets, Math: Formal Investigations into Logic with Imperfect Information*. Tilburg, Tilburg Univ. Press, 2005.

Hintikka J. Language-Games for Quantifiers. *Logic, Language Games and Information*. Oxford, Clarendon Press, 1973, p. 53–82.

Hintikka J. Hyperclassical Logic (a.k.a. IF Logic) and its Implications for Logical Theory. *The Bulletin of Symbolic Logic*, 2002, vol. 8, no. 3, p. 404–423.

Hintikka J., Sandu G. Game-Theoretical Semantics. *Handbook of Logic and Language*. J. van Benthem, A. ter Muelen (eds.). London, Elsevier Science B.V., 1997, p. 361–410.

Pietarinen A., Sandu G. Games in Philosophical Logic. *Nordic Journal of Philosophical Logic*, 2000, vol. 4, no. 2, p. 143–173.

Tennant N. Games Some People Would Have All of Us Play. *Philosophia Mathematica* (3), 1998, vol. 6, p. 90–115.

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-16-27

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

kkvvn@gmail.com

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ЛОГИКА И ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

Теория аргументации предположительно должна быть связана с рациональностью. Традиционно рациональность определялась в связи с логикой, и в то же время была частью теории аргументации. Таким образом, через логику аргументация приобретала признак рациональности, в то время как риторическая составляющая обеспечивала успешность коммуникации. Однако возможности разной логики и особенности практической рациональности предполагают другую последовательность родовидовых отношений: рациональность, аргументация, логика

Ключевые слова: аргументация, логика, рациональность, истина, форма, содержание.

Понятие аргументации и представления об ее функциях и сущности составляют важную часть культуры общества. Практика аргументации характеризует общества в различных его сферах, где аргументация применяется как средство обоснования. Очевидным образом, использование риторических приемов с целью убеждения публики в необходимости согласиться с определенной точкой зрения тоже представляет собой аргументацию, вплоть до приемов умолчания и эмоционального воздействия. Это хорошо понимают политические деятели. По некоторым свидетельствам, в архиве Черчилля якобы нашли черновик одной из его речей с пометкой возле одного места со словами: «Аргументация слаба, повысить голос»¹. Другой пример

¹ Достоверных свидетельств этому нет, но достаточно «погуглить» по имени и слову «аргумент» или «довод» в сети, можно увидеть ссылки на тексты, пересказывающие эту историю; в конце концов, неважно, достоверен ли сам факт. Такая фраза может оказаться и английской поговоркой. Важно, что она верно отражает расхожее представление о соотношении логики и риторики с их особыми задачами.

своеобразного понимания сути аргументации дает распространение в современном политическом дискурсе особого употребления слова «опровержение»: опровержение сводится к голому отрицанию представленных фактов – в ответ на сообщение, что дело обстоит так-то и так-то (сопровождающееся свидетельствами или нет), просто говорится «Нет», без всяких дальнейших комментариев. Ясно, что речи о логике в обоих приведенных примерах нет, поскольку в упомянутой пометке на полях явно игнорируется вопрос об истинности или ложности комментируемых мест доклада, а пример отрицания без рассуждения – это не аргументация, «это уход в отказ». Наконец, хочется напомнить речь Сократа в тексте Платона «Апология Сократа», которая сразу начинается с различия между «красноречием» и стремлением к правде. Сократ здесь удивляется тому, что выступавшие прежде него обвинители считают его искусным оратором, и поэтому призывают присутствующих «остерегаться, как бы он не провел их своим ораторским искусством». Сам же он сообщает о себе, что «во все не силен в красноречии», оговариваясь при этом, что обвинители может быть и правы, но только при условии, что они «считают сильным в красноречии того, кто говорит правду». В этих словах противопоставляются риторика с ее главной целью убеждения любыми средствами, как у софистов, и аргументация, цель которой состоит в познании истины.

С другой стороны, понятия аргументации и логики хотя и не совпадают, зачастую трудно различимы. Исторически общим словом «софизм» в практике учителей красноречия того времени назывались учебные примеры аргументации, среди которых были не только уловки, но и правильные умозаключения. Фактически логика в широком смысле трактуется как наука об аргументации и ее законах, а приведенные примеры стремления к убедительности просто выводятся за рамки логики как науки. Как известно, трактат Аристотеля «О софистических опровержениях» был посвящен критериям правильности аргументирования. Опять-таки, в самом начале указывается, что опровержения могут быть как правильными умозаключениями, так и паралогизмами. Действительно, «опровержение – это умозаключение с выводом, противоречащим заключению [собеседника]», а некоторые из них «не осуществляют этого (опровержения. – В. К.), но кажутся осуществляющими это» [Аристотель, 1978. С. 535]. Сама идея обоснования мнений и точек зрения путем аргументации доминировала в культуре того времени. При этом софистические школы трактовали аргументацию как науку о споре и способах победы в нем, в частности, в дебатах на политические темы, и тогда понятие истины

уходило на второй план. Известно, что название «софист» применялось к учителям красноречия и философским школам, утверждавшим относительность истины – чем и объясняются слова Сократа. Некоторые из софистов прямо отрицали даже возможность истинного знания в своих философских учениях, и по этой причине единственной целью аргументирования считали убеждение слушателя или оппонента в необходимости принять предлагаемую ими точку зрения.

В противоположность софистическим взглядам и в борьбе с ними Аристотель придерживался философской теории истины как соответствия. В дальнейшем в философии такое понимание истины стали обозначать словосочетанием «корреспондентная теория истины», потому что ее главное положение состояло в том, что истина заключается в соответствии (корреспонденции) теорий, мнений или убеждений реальному положению дел в мире. Безусловно, все главные положения такой теории истины требовали философского обоснования, поскольку все входящие в нее концепты – реальность, соответствие, знание, познание – представляли собой философские категории, а значит, могли трактоваться по-разному. В качестве примера технической реализации идеи в логике можно сослаться на то, что у самого Аристотеля буквального определения истины как соответствия реальности нет. Оно выражено несколько иначе, а именно так: «истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное связанным, а ложное – тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами». В этом заключается основная идея, как она представлена вместе с примерами в гл. 10 кн. 9 «Метафизики» [Аристотель, 2006].

Ясно, что по сути речь идет о корреспондентной теории истины², но интересен сам способ изложения этого философского учения – сопоставление высказывательных форм с разновидностями фактов, утвердительных и отрицательных. Объяснение такого построения текста заключается в особой философской трактовке знания, реальности и обоснования. Напомним, что элементарное знание о мире Аристотель представлял в форме так называемого «простого категорического суждения», которое должно состоять из двух понятий (терминов), субъекта и предиката, и связи, которая может быть утвердительной

² Можно даже сказать, что А. Тарский в его знаменитой работе «Определение истины для формализованных языков» эту идею сформулировал буквально этими же словами, когда представлял условия «формальной корректности и материальной адекватности» для своего «семантического» определения истины. Более того, сама техника построения формального определения строилась как реализация такого «материального» представления об истине.

или отрицательной. Субъект, посредством отсылки к признакам, выделяет тот класс реальных предметов, о котором говорят, предикат – что именно, какая реальная характеристика, приписывается субъекту в суждении. В результате мы получаем четыре типа элементарных суждений о мире: общеутвердительное, общеотрицательное, частноутвердительное, частноотрицательное. Если категории предметов связаны, а суждение при этом отрицательное, то оно ложно; наоборот, если суждение утвердительное, то отсутствие какого-либо отношения между составляющими понятиями и представляемыми в нем категориями предметов делает его ложным. Связь терминов выражается парой утвердительных логических связок «Некоторые / Все... являются ---» и парой отрицательных «Некоторые / Все... не являются ---», что при подстановках вместо пропусков соответствующей пары терминов (понятий) как раз дает четыре варианта простых суждений, которые и составляют знание (мнение, истинное или ложное) об элементарных фактах – и это те самые четыре варианта, которые фигурируют в тексте в качестве разъяснения того, как следует употреблять слова «истинно» и «ложно».

Дальше теория строится комбинаторно. Простые суждения фиксируют исходное знание, самое простое, состоящее из отношения двух понятий. Соединение простых суждений в аргументе (умозаключении) представляет собой текст, который ставит истинность одного суждения (заключения) в зависимость от истинности других (посылок). Это уже учение о так называемом «простом категорическом силлогизме», состоящем, соответственно, из простых категорических суждений. Хотите доказать, что все греки брюнеты? Строим силлогизм: «Все греки люди, все греки брюнеты, значит, некоторые люди брюнеты». Такое умозаключение – это один из способов аргументации. Из двух исходно принимаемых суждений выводится третье. Отдельно мы имеем откуда-то сведения, что все греки брюнеты, возможно, об этом нам сообщил некий авторитетный источник, или мы никогда не встречали других греков, и поэтому решили, что все они брюнеты. Отдельно, на каких-то основаниях, мы убеждены, что все греки люди, хотя бы потому, что по определению греки – это разновидность людей, и мы это знаем в силу языковой конвенции – греками в собственном смысле слова можно называть только людей. Понятно, что кличку «Грек» можно дать и животному, но это будет не понятие, а собственное имя отдельного предмета, не отражающее его свойств, кроме случайного обстоятельства связи с особым сочетанием букв или звуков, а значит, существенного отношения между значением и обозначаемым не будет. Тогда, собирая эти два знания

(мнения) о реальности в посылках силлогизма, мы приходим к третьему знанию (мнению), истинность которого зависит от истинности наших посылок и представляет собой заключение силлогизма.

Цель теории заключается в том, чтобы дать обоснованный метод выделить правильные из всех возможных, правильных и неправильных разновидностей (модусов) силлогизма. Всего разновидностей простых категорических силлогизмов (модусов) 256, а вот правильные модусы, т. е. сохраняющие истину от посылок к заключению, считают по-разному. Традиционно насчитывают 19, но это только так называемые «сильные» модусы, в которых переходят от общего в посылках к общему заключению во всех случаях, когда это возможно. Если включить ослабленные модусы, с общими посылками, но частным заключением, то получим 24, по шесть правильных модусов на каждую из четырех фигур – и вот здесь уже возникает проблематика существования тех категорий предметов, о которых идет речь. Самый проблемный модус в этом отношении – это *darapti* по третьей фигуре, и он как раз намеренно использован в примере силлогизма выше, с частным заключением «Некоторые люди брюнеты» и двумя общими посылками. Наконец, если исключить модусы с так называемыми «экзистенциальными предпосылками», т. е. предполагающие непустоту содержащихся в модусе терминов (т. е. говорящих о несуществующих предметах), то правильных модусов останется 15. Философская проблема предпосылок существования в исходных суждениях, а значит, возможности пустых терминов и их особой логике возник позже, в конце XIX в., с появлением новой логической теории. До этого вопрос обсуждался, даже по той простой причине, что различались сильные и ослабленные модусы, но по умолчанию считалось, что если термин используется, то он обязательно указывает на какие-то объекты, и эта установка как традиция тоже шла от Аристотеля и составляла часть философии логики как теории аргументации.

Суммируя предыдущие рассуждения, можно сказать, что суть такого теоретического (или логического) представления об аргументации состоит в следующем. Понятия представляют группы (категории) реальных предметов, соединение категорий в простом суждении – это элементарное знание о мире, истинное или ложное, умозаключение – это соединение простых суждений в текст, который репрезентирует умозаключение. Аргументация представляет собой переход от (предполагаемой) истинности одних суждений к истинности других посредством силлогизмов и их соединения в определенную логическими правилами последовательность, называемую доказательством, если

переход от посылок к заключению состоит более чем из одного умозаключения. Когда этот путь пройден, легко определиться с тем, какие простые категорические умозаключения следует назвать правильными. Это в точности те умозаключения, которые в процессе аргументации сохраняют истинность при переходе от знания, содержащегося в посылках, к знанию, выраженном в заключении. Учение о дедукции (буквально *выводе*, *вытаскивании*) – это и есть основное ядро учения Аристотеля о *правильной* аргументации, и часть этого учения была изложена и «Риторике», и другой теории дедукции не было вплоть до XIX столетия. Суть логического опровержения софистических (неправильных) аргументов состоит в том, чтобы показать, что при истинности посылок заключение может быть ложным, т. е. в приведении контрпримера. Допустим, кто-то утверждает, что если на улице мокро, то это значит, что там идет (или шел) дождь. Легко придумать контрпример: например, вполне возможно, что на видимой из окна части улицы мокро, однако не из-за дождя, а из-за того, что прошла поливальная машина. Это говорит о том, что указание на один факт (на улице мокро) не является достаточным аргументом для заключения об истинности утверждения о другом событии (дожде). На самом деле подразумеваемое логическое отношение между двумя фактами другое, а именно, это эмпирический закон «если идет дождь, то на улице мокро», и представленный переход от «мокро» к «дождю» будет неправильным. Утверждение следствия (мокро) не гарантирует истинности основания (дождь), и поэтому в целом аргументация по следующей схеме неправильна, это формальная ошибка «утверждение следствия»:

Когда дождь, на улице мокро. На улице мокро. Значит, на улице дождь.

Понятно, что у события «мокро», кроме события «дождь», могут быть и другие причины. В приведенном примере это заметить легко, хотя на самом деле многие ошибаются, и этому есть прагматическое объяснение. Придумать опровергающий пример, особенно для простого категорического силлогизма, не всегда легко. Нужно было придумать теорию, а значит, систему правил, нарушение которых сразу квалифицирует умозаключение как недостоверное. Именно это и сделал Аристотель.

В результате редукции аргументации к логике возникает представление о правильной или неправильной аргументации как прикладной логики. Риторические приемы, особые лингвистические конструк-

ции и эмоциональная напряженность и «заряженности» речи тоже могут быть частью теории аргументации, но выходят за рамки обоснования в разряд способов достижения убедительности в коммуникативных актах, имеющих отношение в лучшем случае к приемам распространения истины, а не к способам ее обоснования. Недаром учебники риторики, где речь идет об убедительности, часто содержат логические правила в качестве риторических правил, позволяющих в некоторых случаях убедить аудиторию в истинности выдвигаемого положения.

Особенностью обоснования, благодаря логике, становится рациональность. Совершенно элементарные, базовые суждения о реальности – это простые категорические суждения, получившие обоснование прямое (наблюдением) или косвенное (авторитетное мнение, достоверное свидетельство, протокольное предложение, формальное свидетельство под присягой – тестимония). Следует особо отметить, что *при связке логики и аргументации идея рациональности заключается в том, что умозаключения относятся к рациональному, а не чувственному познанию*. Все элементы доказательства, с точки зрения логики представляющего собой связанную цепочку умозаключений, включают в себя только формы рационального познания – понятия, суждения, умозаключения. Правильность или неправильность доказательств не важна, важны составляющие аргумента и их связи. Кстати, следует обратить внимание на слово «доказательство» в этом контексте. Предложить доказательство еще не значит доказать. Доказательство в логике – термин описательный, это цепочка умозаключений, *предположительно* ведущая от допущения истинности посылок к утверждению истинности заключения – тоже предположительной, потому что зависит уже не только от посылок, но и правильности или не правильности составляющих умозаключений. То же самое относится тогда и к аргументации, она может быть правильной или неправильной, приемлемой или неприемлемой. Знаменитая формула «клянусь говорить правду, только правду и ничего кроме правды» при формальных свидетельствах о фактах прекрасно это отражает, причем главным признаком правильности становится (предполагаемая) истинность доказываемого, а не коммуникативная (суггестивная) убедительность. Известны и признаки аргументации в формальных обстоятельствах, тоже восходящие к Аристотелю, – допустимость (в частности, документальное, процессуально оформленное подтверждение приводимых фактов), относимость (связь с рассматриваемыми по делу фактами, часто при этом в логике говорят «релевантность»), хотя здесь есть трудности трактовки терминов),

достоверность (опять формула – «за пределами разумного сомнения»). Суду этого должно быть достаточно для вынесения решения по делу, даже если адвокаты воздействуют или пытаются воздействовать на аудиторию и судей посредством риторических приемов внелогического, и в особенности паралогического характера, когда умозаключение похоже на правильное, но правильным не является. Пример паралогизма дает «ошибка утверждения следствия», о которой говорилось выше.

Напомним, что о логике Аристотеля речь зашла лишь в связи с теоретическим различием форм чувственного (с пятью знаменитыми органами чувств и тремя формами чувственного познания) и рационального (с тремя формами мышления) познания. На этой основе потом выстроена силлогистика как логика простых суждений, и логика высказываний как правил для операций со сложными суждениями, в особенности условными и соединительными. *Целью было показать, что рациональность понималась особым образом, как характеристика аргументов по их форме, с целью их дальнейшей классификации и выделения правильных форм в отличие от неправильных. При этом и правильность понималась особым образом, логически, как сохранение истины от посылок к заключению. Особо отметим, что всякое умозаключение, правильное или неправильное, относилось к рациональному познанию (синоним – мышлению, с его тремя формами). В принципе примерно к концу XIX столетия теория логики изменилась, субъект как предмет высказывания перестал быть понятием, он стал отдельным предметом, а термин «предикат» остался за характеристикой таких отдельных предметов либо в виде свойства, либо в виде отношения к другим предметам. Такая логика получила название «логики предикатов», в отличие от «традиционной логики», и соответственно изменилось представление об аргументации в ее логическом аспекте. Следовательно, изменились некоторые логические черты аргументов, хотя идея логической сущности аргументации осталась.*

И вот здесь опять возникает вопрос о том, что такое рациональность. Понятно, что мышление – это рациональная, а не чувственная форма познания. Это теоретическая форма познания. Но она может быть связана с практикой. Уже у Аристотеля есть учение о практическом силлогизме. Отличие состоит в том, что этот вид силлогизмов относится к действиям в конкретных обстоятельствах, в связи с чем в рассуждении появляются ссылки на требуемые действия и фактические обстоятельства. Приведем примеры.

1. Пусть известно, что согласно нормам права всякий водитель, проехавший на красный свет, должен быть оштрафован. Это установленное конвенционально (юридически) правило. Зафиксирован факт: водитель Петров проехал на красный свет (показания с камер наблюдения имеются). Отсюда следует, что водитель Петров должен быть оштрафован. Такая аргументация в пользу определенного поведения (поступка) будет считаться *практическим силлогизмом*, поскольку относится к практике (деятельности).

2. Пусть известен закон природы, что вода закипает при 100 градусах Цельсия. Имеем конкретный сосуд с водой, а именно *этот, определенный сосуд*, и цель состоит в том, чтобы вскипятить воду. Значит, нужно нагреть воду в этом сосуде до 100 градусов. Опять получаем аргументацию в пользу определенного действия с определенным предметом.

Оба примера показывают, в чем суть практических силлогизмов. Они обосновывают определенные поступки в определенной ситуации в силу наличия в ней признаков, которые позволяют подвести ее под некоторый общий закон. Главный признак даже не наличие закона (законы могут быть и эмпирические), а наличие конкретных обстоятельств. В теоретических силлогизмах рассуждают «вообще», о предметах, к которым относятся составляющие силлогизм понятия. В обе посылки входят только нарицательные имена, рассуждают о признаках (сущности, определении) представленных категорий предметов. В практических силлогизмах законы и правила, природные или общественные, применяются к установленным фактам, единичным событиям, на что указывает вхождение собственных имен и указательных местоимений. И еще: они обосновывают поступки, определенные действия в данной ситуации. Поступок может быть эффективным или не эффективным, заключение практического силлогизма – предписание, которое не характеризуется как истинное или ложное, а как полезное в большей или меньшей степени. Поэтому рациональность практического силлогизма заключается в двух обстоятельствах: во-первых, он представляет мыслительную деятельность (рациональность); во-вторых, он может вести к успеху или неудаче в достижении цели, в зависимости от правильности применения теоретического знания (инструментальность).

В принципе последнее обстоятельство позволяет характеризовать даже теоретические силлогизмы с точки зрения их значения для поведения. Практическую значимость может иметь объяснение или предсказание, а аргументация вообще и силлогистические структуры в частности могут применяться для определенных целей, сход-

ных с практическими. Например, объяснение и предсказание – это эпистемические цели, которые могут быть реализованы посредством силлогистических структур. Именно эта идея положена в основу объяснений с «охватывающим законом». Простой пример дает распространенный часто приводимый в учебниках логики силлогизм: «Все люди смертны, Сократ человек, значит, Сократ смертен». Это может быть и объяснением события «пост фактум», и предсказанием того, что когда-нибудь обязательно произойдет. Вопрос в том, зачем предъясняются подобные силлогизмы. Такая аргументация в каких-то ситуациях полезна, но в других ситуациях оказывается бессмысленной. В случае объяснения смерти Сократа ссылка на то, что все люди смертны, не очень значима как объяснение этого конкретного события. Или вот в повести А. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» описан мучительный вопрос главного персонажа: какое отношение рассуждение про смерть Гая, который человек, и про которого он узнал из курса логики в гимназии, имеет к нему, Ивану Ильичу? Ему же важно знать, почему именно ему выпала такая доля, а все рассуждения по поводу смерти Гая или других людей к нему не имеют никакого отношения. Все подобные коллизии по поводу логики и аргументации обсуждаются как возможность использовать в науке аргументацию о фактах, которые уже случились или которые могут случиться, соответственно для объяснения произошедшего или предсказания будущего. Когда и как возможно считать объяснения через охватывающий закон в аргументации? Каковы условия такого применения логики? Этим вопросам посвящены многие исследования, в частности, в литературе, посвященной методологии истории и социальных наук, например в сборнике статей по методологии истории [1977]. Из подобных вопросов о применении логики в науке становится ясно, что приложения логических структур в практике аргументации могут оцениваться как полезные или бесполезные, эффективные или неэффективные.

Такое может иметь место не только в случае теоретической (эпистемической) полезности логики, но и в случае приложений любой другой науки к вненаучной практике. *И здесь рациональность – это эффективность теоретических методов познания в их практических применениях.* Экономисты, часто имеющие дело с абстракциями математики в их применении к реалиям хозяйственной жизни общества, именно так понимают рациональность. При ошибках в применении приходится утешаться тем, что «древо жизни вечно зеленеет», тогда как «теория суха», что и приводит якобы к неэффективности принимаемых и «теоретически обоснованных» оптимизационных мер.

Зафиксируем теперь результат. Рациональность в классической традиции – это способ реализации аргументации, она существует в форме аргументации. Поскольку аргументацию исторически трудно отделить от логики в ее теоретической форме, рациональность как предпосылка логики должна предшествовать аргументации. Теория дедуктивных рассуждений, считавшаяся органом познания со времен Античности, опиралась на рациональность как теорию необходимой связи между посылками и заключением и объясняла рациональность как правильность операций, выполняемых в мыслительной деятельности, при построении умозаключений. Умозаключение понималось как особая структурная связь между его элементами. Другими словами, умозаключение трактовалось статически, а не динамически, как результат мышления, представленный в доказательстве, сохраняющем истинность в процессе рассуждения. Единственным исключением были практические рассуждения, когда заключение не оценивается на истинность или ложность, будучи командой, предписанием к поведению, полезным или бесполезным в различной мере. В каком смысле практические рассуждения могут характеризоваться как рациональные – это особый вопрос, и при его решении меняется трактовка самого термина. Она уже связывается с эффективностью практической деятельности, и *последовательность категорий меняется* – сначала теория аргументации, потом критерии ее рациональности, и лишь затем вопрос о роли логики в аргументации.

Список литературы

Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 535–593.

Аристотель. Метафизика / Пер. с греч. П. Д. Перлова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.

Философия и методология истории / Под ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. 336 с.

Материал поступил в редколлегию 04.07.2018

V. N. Karpovitch

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

kkvvn@gmail.com

RATIONALITY, LOGIC, AND THE THEORY OF ARGUMENTATION

The theory of argumentation is supposed to be connected to rationality. Traditionally, rationality was defined in terms of logic, and at the same time considered as an essential part of the theory of argumentation. Thus argumentation acquired the property of rationality, while the rhetorical component ensured the success of communication. However, the possibilities of different logics and the existence of practical rationality assume a different order of categories by their generality: rationality, argumentation, logic.

Keywords: argumentation, logic, rationality, truth, form, content.

References

Aristotle. O sofisticheskikh oproverzheniyakh [On sophistical refutations]. *Aristotle. Sochineniya [Works]*: In 4 vols. Moscow, 1978, vol. 2, p. 535–593. (In Russ.)

Aristotle. *Metafizika [Metaphysics]* / Transl. from the Greek P. D. Pervov i V. V. Rozanov. Moscow, Institut filosofii, teologi i istorii sv. Fomy, 2006. (In Russ.)

Filosofiya i metodologiya istorii [Philosophy and Methodology of History]. I. S. Kon (ed.). Moscow, Progress Publ., 1977. (In Russ.)

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-28-37

А. В. Хлебалин

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sasha_khl@mail.ru

ЛОГИЧЕСКИЙ И МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫВОД: СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Рассматривается соотношение математического и логического вывода в математике. Анализируется онтологический подход к объяснению неустранимости семантического содержания математического вывода. Обосновывается, что такой подход влечет серьезные метафизические обязательства, на основании чего делается вывод о перспективности эпистемологического подхода в объяснении природы различия формально логического и математического вывода.

Ключевые слова: семантика, онтология математической теории, эпистемология математического доказательства.

Одним из обстоятельств, которое подчеркивается в связи с эпистемологическими характеристиками математического доказательства, является ставшее привычным указание на то, что в самом идеале доказательства слиты нормативный и дескриптивный элементы, которые на протяжении уже более чем столетия расходятся в практике математики. Если нормативный компонент на протяжении этого времени приобрел в рамках метаматематики невиданную прежде строгость и четкость, прежде всего, в концепции формализма, то дескриптивный компонент определяется многообразием практик доказательства. Таким образом, нормативный идеал и практика доказательства все более отдаляются друг от друга.

Представляя доказательство как пошаговое применение заранее установленных правил манипуляции символами, делая доказательство проверяемым на каждом этапе вывода, формалистская доктрина достигает апогея обоснования дедуктивного вывода как единствен-

ного законного средства построения математического доказательства. То, что нормативный идеал весьма далек от практики, стало понятным фактически сразу: «существует конфликт между математической практикой и доктриной формализма» [Kreisel, 1969. P. 39]. Нельзя сказать, что формалистская концепция доказательства предполагала коренное преобразование математической практики; скорее, сторонники формализма видели в этом тяжелый грех интуиционизма. Напротив, формализм предлагает концепцию идеального математического доказательства, исключающего любые сомнения в обоснованности результата, полученного предписанным концепцией способом.

Существенным препятствием на пути формалистской концепции доказательства стало отрицательное решение проблемы разрешимости. Но даже помимо тезиса Чёрча – Тьюринга, возникало сомнение в том, что независимо от проблемы своей реализуемости, формалистская концепция доказательства не просто далека от математической практики, но и попросту нанесла бы вред математике, если была бы принята на вооружение математиками. И. Рав предлагает вообразить фантастическую реализацию формалистского идеала математического доказательства (см.: [Rav, 1999]). Допустим, – заявляет он, – что вместо отрицательного решения А. Тьюрингом и А. Чёрчем общей проблемы разрешимости, было найдено ее положительное решение. Более того, оно было воплощено в компьютере с поэтическим именем Пифагория (образованным слиянием двух примечательных имен – Пифия и Пифагор): «Подумайте, как замечательно все стало бы. Вы хотите узнать, истинна ли гипотеза Римана, просто введете ее (используя подходящий язык программирования), и за долю секунды на вашем экране появится надпись “истинно” или “ложно”. <...> Как только вы набрали формулировку проблемы Ферма, тут же долгожданный ответ появится на вашем волшебном экране, без разрушающей ваш мозг помощи со стороны Эндрю Уайлса» [Rav, 1999. P. 5–6].

Такое фантастическое развитие событий обернулось бы, по мнению И. Рава, подлинной смертью математики. Для него дело математика состоит не столько в установлении истинности или ложности математических утверждений, сколько в создании методов, понятий и средств для решения математической проблемы, которые много важнее достигаемого в итоге доказательства ответа на вопрос об истинности утверждения. Подтверждения приоритета средств решения математической проблемы над установлением истинности утверждения могут быть легко найдены в хорошо известных событиях из исто-

рии математики. Например, история многочисленных безуспешных попыток доказательства проблемы Гольдбаха оказывается зачастую историей создания необычайно мощных методов и концептуальных средств, позволивших получить важные результаты в теории чисел. Аналогичной является история поиска решения очень многих известных проблем математики ¹.

Возражения против концепции математического доказательства, согласно которой последнее может быть представлено в качестве последовательного механического совершения шагов вывода, например, выполняемых Пифагорией, формулируется И. Равом в форме противопоставления двух понятий – концептуального доказательства и вывода. Первое, соответствующее практике математика, обладает нередуцируемым семантическим содержанием, тогда как второе является синтаксическим объектом данной формальной системы. Синтаксический вывод служит абстрактным образцом математического доказательства, по крайней мере он начинает играть эту роль по ходу интеграции в научное сообщество, поскольку постоянно фигурирует в учебной литературе и является предпочтительным при изложении полученных результатов. В явном виде концепция вывода формулируется следующим образом: в формализованной теории T вывод является конечной последовательностью формул в языке теории T , каждый член которой является либо логической аксиомой, либо аксиомой теории T , или является результатом применения конечного числа явно установленных правил вывода к предшествующим формулам в последовательности. Именно таким образом вымышленная Пифагория устанавливает истинность или ложность задаваемых ей вопросов.

Понятие концептуального доказательства является семантическим и не поддается дефиниции. И. Рав утверждает, что отношение между доказательством и выводом аналогично отношению между нетехническим термином эффективно вычислимой функции и техническим термином частично рекурсивной функции. Тезис Чёрча служит своеобразным мостом между интуитивным и техническим понятием вычислимости. Аналогично, так называемый тезис Гильберта, согласно которому любое доказательство может быть преобразовано в формальный вывод в соответствующей формальной системе, является мостом между концептуальным доказательством и выводом. Но в последнем случае мост оказывается с односторонним движени-

¹ См. подтверждение этого в связи с историей решения проблем Гольдбаха и континуум-гипотезы у того же И. Рава [Rav, 1999].

ем: согласно тезису Гильберта, мы можем любое доказательство представить в качестве синтаксического вывода; но не существует способа восстановить первоначальное доказательство со всем его семантическим содержанием из вывода. Щедрый на метафоры и смелые сравнения И. Рав предлагает еще одну аналогию. Соотношение концептуального доказательства и вывода подобно отношению фотографии человека и его рентгеновского снимка; доказательство – это обычная фотография, вывод – это рентгеновский снимок. Мы не можем, имея в своем распоряжении рентгеновский снимок, реконструировать облик человека; точно так же мы не можем по структуре логического вывода реконструировать семантическое доказательство.

Акцент на семантической природе математического доказательства является типичным для обсуждения различия между логическим выводом, выступающим идеалом рассуждения, и практикой работающего математика. Действительно, как правило, указание на имеющиеся различия между идеализированным логическим выводом и выводом математическим сопровождается констатацией того факта, что в отличие от математического вывода логический вывод не ограничен никакой предметной сферой и является универсальным, тогда как математический вывод существенно связан с предметной областью. Семантика предполагает соотнесение терминов и предметной области и в случае философии математики традиционно служит источником онтологических построений.

Неустранимость семантики математического доказательства, невозможность ее редуцирования к синтаксическому выводу в качестве очевидного своего объяснения может иметь платонистскую концепцию математики. Неустранимость семантики доказательства, его связь с предметной областью легко представимы в качестве очередной формулировки тезиса о неустранимости математики из описания реальности. Речь идет об указании того факта, что применимость языка математики к описанию эмпирической реальности может быть объяснена посредством допущения существования определенного рода абстрактных объектов, описанием которых и занята математика, в отличие от логики, не имеющей связи с предметной сферой и в силу этого не знающей ограничения на применение вывода. Хорошо известную историкам науки, да и непосвященной публике, тенденцию математизации естествознания, набирающую силу с момента эпохи Нового времени, проблематизировал в своем широко известном выступлении Е. Вигнер. В нем он констатировал удивительную плодотворность использования математического аппарата в фундаментальных физических теориях и заявил о непостижимости этого фе-

номена. Одной из первых реакций на заявление Е. Вигнера явилось убеждение в том, что объяснение применимости математики в естественных науках должно волновать не столько физиков, которые могут ограничиться выражением восхищения и удивления, сколько философов, ибо является подлинно философской проблемой. И философски интересным феномен применимости математики становится именно в силу того, что предположения онтологического характера – предположение об объективном существовании математических сущностей – кажутся вполне естественной реакцией на удивительную плодотворность математики в описании фундаментальной структуры мира. Применение математики эффективно в силу того, что помимо электронов, кварков, гравитационных полей и прочих сущностей, постулируемых успешной научной теорией, существуют функции, множества, трансфинитные числа и прочие математические сущности, референция к которым производится используемыми при формулировке научных теорий математическими терминами. Философы математики отнесутся к аргументу о применимости именно таким образом. Х. Филд, одна из самых колоритных фигур в философии логики и математики, назовет этот аргумент единственным ему известным «прямым» аргументом в пользу признания существования математических объектов [Fild, 1980. P. viii].

Традиционно У. Куайну и Х. Патнэму [Putnam, 1979] приписывается первенство в экспликации философской значимости, отмеченной Е. Вигнером роли математики в эмпирических науках. Формулировка ими аргумента о неустранимости математики из языка естественнонаучной теории самими авторами непосредственно связывается с реалистской позицией в онтологии математики. В общем виде аргумент Куйна – Патнэма может быть представлен следующим образом.

1. Мы вынуждены признать онтологические обязательства по отношению к тем и только тем сущностям, которые неустранимы из наших успешных научных теорий.

2. Математические сущности неустранимы из наших успешных научных теорий.

3. Мы обязаны признать онтологические обязательства по отношению к математическим сущностям.

Фактически аргумент говорит о том, что поскольку математические утверждения в составе фундаментальных научных теорий позволяют предсказывать и точно описывать такие феномены, предсказание которых было бы невозможным без использования математических теорий, мы обязаны признать существование математических сущностей, указываемых используемыми математическими

понятиями. Поясняя свою позицию по отношению к реалистской интерпретации онтологии математики в связи с ее эффективностью при описании эмпирической реальности, сами авторы поясняют, какая именно часть математики влечет онтологические обязательства. Так, Х. Патнэм говорит о «теоретико-множественных “нуждах” физики», признавая онтологические обязательства по отношению ко всем сущностям, постулируемым аксиоматизируемой теорией множеств. Вместе с тем все те области математики, которые непосредственно не используются при описании эмпирической реальности, сами, тем не менее, приложимы к тем областям математики, которые, в свою очередь, входят в состав естественно-научного знания. Открытым остается вопрос о том, достаточно ли такого опосредованного участия в описании реальности для возникновения онтологических обязательств. Несмотря на весьма любопытную проблему, встающую в связи с этим, возможность своеобразной «транзитивности» онтологических обязательств непосредственно не связана с обсуждаемым статусом аргумента о неустранимости. Интересующие нас посылки аргумента о неустранимости математики лежат в несколько ином направлении.

Несмотря на «очевидность» такого онтологического решения проблемы применимости математики, выявление философской значимости аргумента необходимо начать с прояснения используемых в нем понятий. Прежде всего, в уточнении нуждается само понятие применимости. Несмотря на свою кажущуюся ясность и однозначность, оно содержит возможность разных толкований: «В силу того, что существует много смыслов “применения” и “применимости”, существует много вопросов о применимости математики, которые должны были быть, но не были различены философами. В результате мы не всегда знаем, в чем заключается проблема, с которой мы имеем дело» [Steiner, 1998. P. 1]. Фактически применимость математики в естественных науках включает в себя не одну, а множество проблем, которые кроются во многообразии интерпретаций понятия применимости. Так, применение математического языка в рассуждениях об эмпирической реальности сразу ставит два вопроса: вопрос о логико-семантической форме и вопрос о метафизических предпосылках таких рассуждений. Проблема логико-семантической формы встает в силу того, что в языке математики слова для обозначения чисел функционируют как имена собственные, тогда как в описании эмпирической реальности они часто функционируют как прилагательные: «Эта неопределенность, кажется, делает невозможным рассуждения об эмпирической ситуации с использованием математики» [Ibid.].

Семантическая проблема применимости заключается в возможности объяснить функционирование математических терминов в качестве имен собственных в различных контекстах. М. Стейнер считает, что эта проблема была успешно решена Г. Фреге, согласно которому математические термины указывают не на абстрактные сущности, а на эмпирические понятия. Иная проблема встает в связи с дескриптивной интерпретацией понятия применимости: во многих случаях математика играет решающую роль в совершении успешных предсказаний; в этой связи проблема заключается не в том, что математика может быть использована для формулировки физических законов, а в том, как математика, развивающаяся согласно собственным – «эстетическим», по терминологии М. Стейнера, – канонам, может играть решающую роль при выявлении структуры реальности. Именно дескриптивное понимание применимости непосредственно связано с онтологической проблематикой, и именно такое понимание применимости математики будет интересовать нас в дальнейшем.

В подобном же уточнении нуждается понятие неустранимости, используемое при формулировке как уточняющее по отношению к понятию применимости. Несмотря на то, что У. Куайн не употребляет понятие «неустранимость», а использует более каноническую формулировку тезиса, говоря о квантификации успешных научных теорий, именно это понятие используется для уточнения характера применимости математики к описанию эмпирической реальности, и сама характеристика математики как неустранимой из научной теории стала уже канонической. Фактически аргумент У. Куайна настаивает на том, что использование в словаре научных теорий математических утверждений является существенным, и они не могут быть устранены: невозможно так переаксиоматизировать научные теории, содержащие математические утверждения, чтобы устранить референцию (или квантификацию) к математическим сущностям, и получившаяся в результате теория сохранила бы все атрибуты успешной научной теории, такие как предсказательная возможность, простота, изящность и пр. Именно неустранимость как фундаментальная характеристика способа функционирования математических предложений в составе физической теории заостряет указные выше логико-семантический и метафизический аспекты проблемы применимости математики: математический язык не просто присутствует в составе теории как один из возможных способов описания эмпирической реальности, выбор которого обусловлен субъективными соображениями – например, удобством использования или исключительной определенностью словаря. Напротив, в свете аргумента о неустранимости, само на-

личие математической формулировки теории характеризуется как необходимое, неизбежное условие успешности физической теории. Необходимость использования математического языка для описания эмпирической реальности при этом обосновывается онтологически: если математика является неотъемлемой частью наших наиболее успешных естественно-научных теорий, то мы обязаны допустить существование класса математических сущностей, обращение к которым необходимо для успешного описания физической реальности и содержательности математического доказательства как такового.

Признание содержательности и несводимости к синтаксическому выводу математических утверждений характерно не только для противников тезиса Гильберта, вроде И. Рава. Так, Дж. Аззуни [Azzouni, 2004], критикуя Рава за излишний драматизм противопоставления математического и логического выводов, признает неустранимость семантики из математического доказательства, подчеркивая, что лишись математика спекуляции о разного рода математических объектах, она существенно потеряла бы не только свою содержательность, но и какую-либо привлекательность, само соотношение двух типов вывода характеризует иначе: «я рассматриваю доказательство как указывающее на “лежащий в основании” вывод» [Ibid.]. Семантический характер математического вывода обусловлен, согласно Дж. Аззуни, указанием на математические объекты, а эпистемологическим следствием его является способ установления согласия сообщества в отношении обоснованности математического вывода.

Объяснение семантической природы математического вывода онтологией математической теории, хотя и представляется естественным, нам кажется слишком «тяжелым»: большое число метафизических концепций привлекается для объяснения эпистемологических различий между математическим и логическим выводами. Участники дебатов о природе интересующего нас различия иллюстрируют свои рассуждения прекрасными примерами из истории математики, наглядно демонстрирующими справедливость аргументов. Но наряду с этим, помимо убедительных исторических иллюстраций, являющихся примерами отличия математического и формального выводов, редко можно встретить тщательный анализ характеристик обоих выводов, идущих дальше, чем, скажем, констатация различия в области применения математического и формального выводов. Сомнения в том, что анализ онтологии математической теории может служить источником окончательного объяснения природы логического и математического выводов и их соотношения начинают формулироваться в современной литературе, содержащей в себе попытки заменить

онтологическую «парадигму» решения проблемы эпистемологической (см., например: [Hamami, 2018; Leitgeb, 2009]). Именно последняя, на наш взгляд, в большей степени способна пролить свет на классическую проблему соотношения математического доказательства и логического вывода.

Список литературы

Azzouni J. The derivation-indicator view of mathematical practice // *Philosophia Mathematica*. 2004. Vol. 12. No. 3. P. 81–105.

Field H. Science without numbers. A defense of nominalism. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980.

Hamami Y. Mathematical inference and logical inference // *The Review of Symbolic Logic*. 2018. No. 1. P. 1–40.

Kreisel G. The formalist-positivist doctrine of mathematical precision in the light of experience // *L'Âge de la Science*. 1969. No. 3. P. 17–46.

Leitgeb H. On formal and informal provability // *New Waves in Philosophy of Mathematics*. Eds. Ø. Linnebo, O. Bueno. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 263–299.

Putnam H. What is mathematical truth? // *Putnam H. Mathematics matter and method: Philosophical papers*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. Vol. 1. P. 60–79.

Rav Y. Why Do We Prove Theorems? // *Philosophia Mathematica*. 1999. Vol. 7. No. 3. P. 5–41.

Steiner M. The applicability of mathematics as a philosophical problem. Harvard Univ. Press, 1998.

Материал поступил в редколлегию 09.07.2018

A. V. Khlebalin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sasha_khl@mail.ru

LOGICAL AND MATHEMATICAL INFERENCE: SYNTAX AND SEMANTICS OF PROOF

The paper treats the relation between mathematical and logical inferences in mathematics and analyses an ontological approach for explaining the

indispensability of the semantic content from mathematical proof. It was shown that such an approach entails serious metaphysical commitments, that is why it is concluded that the epistemological approach is preferable in explaining the nature of the difference between the formal and mathematical inferences.

Keywords: semantics, ontology of mathematical theory, epistemology of mathematical proof.

References

Azzouni J. The derivation-indicator view of mathematical practice. *Philosophia Mathematica*, 2004, vol. 12, no. 3, p. 81–105.

Field H. *Science without numbers. A defense of nominalism*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1980.

Hamami Y. Mathematical inference and logical inference. *The Review of Symbolic Logic*, 2018, no. 1, p. 1–40.

Kreisel G. The formalist-positivist doctrine of mathematical precision in the light of experience. *L'Âge de la Science*, 1969, no. 3, p. 17–46.

Leitgeb H. On formal and informal provability. *New Waves in Philosophy of Mathematics*. Ø. Linnebo, O. Bueno (eds.). New York, Palgrave Macmillan, 2009, p. 263–299.

Putnam H. What is mathematical truth? *Putnam H. Mathematics matter and method: Philosophical papers*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1979, vol. 1, p. 60–79.

Rav Y. Why Do We Prove Theorems? *Philosophia Mathematica*, 1999, vol. 7, no. 3, p. 5–41.

Steiner M. *The applicability of mathematics as a philosophical problem*. Harvard Univ. Press, 1998.

УДК 167.7

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-38-48

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru

АБСТРАКЦИИ И ИДЕАЛИЗАЦИИ В НОРМАТИВНЫХ МОДЕЛЯХ

Рассмотрены особенности использования философских техник абстракции и идеализации при создании нормативных теоретических моделей. Показаны трудности, связанные с различием абстракций идеализаций в научном познании, а также их общие функциональные черты, главной из которых является представление исследуемого объекта в виде, который бы отвечал целям и задачам исследования. Продемонстрирована популярность использования идеальных нормативных теорий в социальном познании, а также проблемы, вызывающие критику идеальных теорий с различных позиций. Сделан вывод о необходимости усиления таких нормативных моделей с помощью выделения эвристически «хороших» и «плохих» идеализаций в рамках общей идеальной теории, а также встраивания в них способов перехода от идеальной теоретической модели к такой, которая бы позволяла использование полученных результатов на практике.

Ключевые слова: нормативная модель, идеальная теория, идеальный тип, абстракция, идеализация, социальные теории.

Создание теоретических моделей – важная часть научного исследования, в ходе которого возникает немало философских проблем. Целью создания моделей является то или иное представление изучаемых процессов или явлений, при этом степень соответствия модели реальности может быть очень разной. Хотя обычно считается, что желаемая репрезентация должна соответствовать идеалам полноты, простоты и точности, в действительности при конструировании моделей в них либо сознательно упускают из виду какие-то второстепенные для исследователя стороны моделируемого феномена, либо намеренно вносят искажения. Такие неполные соответствия моделей

изучаемой реальности объясняются как разного рода ресурсными ограничениями (например, ограничениями на вычислительные мощности), так и конкретной задачей, стоящей перед исследователем, необходимостью переноса фокуса на тот или иной аспект изучаемого явления.

Чаще всего для этого используются философские техники абстракции и идеализации. Необходимо отметить, что эти приемы используются как в дескриптивных, так и нормативных моделях. Вообще говоря, их использование вынужденно, в науке нельзя обойтись без абстракций и идеализаций, поскольку в принципе невозможно дать полное описание мира во всем его фактическом многообразии и во всей полноте отношений. Создание нормативной теоретической модели можно описать следующим образом: «Как и в любом исследовании, сначала – на основе имеющихся в науке теоретических положений и конкретных данных – формулируется гипотеза, подлежащая проверке. В соответствии с ней строится некоторая идеальная модель, которая соответствует высказанной гипотезе. Такая модель обычно выступает как нормативная, или прескриптивная. В ней отображается не то, что на самом деле происходит, когда разворачивается какой-либо процесс, а то, что должно было бы происходить, если принимаются некоторые исходные (гипотетические) положения, при этом нормативная модель относится к некоторому идеализированному объекту: она «очищена» от частных» [Ломов, 1981. С. 8].

В приведенной цитате автор пишет о математических моделях, мы же в данной статье в качестве полноценных нормативных моделей будем рассматривать теоретические модели, используемые в социальном познании. В этом случае используемые идеализации приобретают важный дополнительный аспект – рассмотрение социального объекта в нормативно-должном качестве, таким, каким он «должен быть», при гипотетическом выполнении ряда условий, предполагает не слишком сильное отдаление от реальности и хотя бы теоретическую возможность перехода от имеющегося состояния к нормативно-должному. В приведенной выше цитате уже содержится и некоторая неясность: характеристикой идеализированного объекта полагается «очищение от частных», хотя такое очищение обычно считается ключевой характеристикой другой мыслительной операции – абстрагирования. Возможность различения идеализаций и абстракций не всегда очевидна и часто является предметом споров, о чем речь пойдет ниже.

Если все же настаивать на различении этих двух философских техник – абстракции и идеализации – применительно к построе-

нию моделей, то абстракцию можно рассматривать как вид опущения или упущения, в том время как идеализация будет представлять собой намеренную ложь. Однако, согласно Н. Картрайт, опущение и намеренное искажение не всегда различимы, по ее мнению, современные философы науки «идеализацию» используют как зонтик для обоих терминов [Cartwright, 2002. P. 187]. Объединяет операции абстракции и идеализации то, что обе техники представляют собой способы добиться такой репрезентации реальности, которая бы лучше всего соответствовала целям и задачам исследования. Проблема с различием между абстракцией и идеализацией состоит и в том, что идеализация тоже имеет дело с упрощением. В теоретических моделях цель такого упрощения – более легкое для понимания представление исследуемого феномена или процесса.

Как и идеализация, абстракция представляет собой мыслительную операцию, в ходе которой мы мысленно избавляемся от того, что в данный момент не имеет значения, или же переносим фокус на какие-то свойства либо группы свойств, «как если бы они существовали отдельно» [Ibid.]. Такая модель, по мнению Н. Картрайт, особенно математическая модель такого абстрактного феномена, может позволить выявить наиболее существенные для данного феномена причинные связи.

В литературе интерес к использованию идеализаций в научном познании проявился вновь с начала 1980-х гг., в частности, благодаря работам Н. Картрайт, Л. Новака и ряда других философов. В общем виде идеализация – форма представления (репрезентации) действительности в более совершенном виде, чем она есть на самом деле. В научном исследовании выделяют разные типы идеализаций и соответственно искажений, которые определяются целями и задачами научного исследования. Среди наиболее распространенных следует упомянуть «галилееву», минималистскую и многомодельную [Weisberg, 2007].

В идеализациях по Галилею в модель вносятся намеренные искажения. Для этого, например, биологические системы могут рассматриваться так, как будто они существуют изолированно от других систем, скорости могут полагаться бесконечными, субъекты полностью рациональными, а рынки совершенно равновесными. Иногда такие «галилеевы» идеализации называют искаженными моделями. В качестве примера можно привести движение тел в среде, в которой отсутствует сопротивление. Цель такого приема – достижение общего понимания изучаемого процесса или явления, после чего исследователь последовательно устраняет введенные ранее ограничения. Тако-

го рода идеализации используются, например, с целью преодоления существующих ограничений на проведение эксперимента. В теоретическом исследовании с помощью идеализаций мы делаем проблему более легкой для рассмотрения, а затем постепенно устраняем внешние искажения. Чертами «галилеевской» идеализации, таким образом, являются ее прагматизм, например, экономия ресурсов, необходимых для моделирования, а также ее временный, промежуточный характер. Предполагается, что эта идеализация с искажениями будет использоваться лишь в качестве временной модели, а в будущем она подвергнется де-идеализации, что позволит создать более точное представление об исследуемом объекте.

Минималистская идеализация – это практика создания таких моделей, которые содержат лишь ключевые факторы, влияющие на возникновение феномена или определяющие его существенные черты. К таковым могут относиться, например, причинно-следственные связи, в которых состоит исследуемый объект. Различие между идеализацией «галилеевой» и минималистской состоит в том, что использование последней не всегда объясняется прагматистскими мотивами, и, в отличие от первой, вряд ли можно ожидать уменьшения ее использования по мере научного прогресса, т. е. преодоления вычислительных или каких-то других ограничений на исследование. Многомодельные идеализации предполагают создание связанных, но несовместимых моделей, содержащих отличные друг от друга утверждения относительно природы объекта или его каузальных связей [Weisberg, 2007].

Использование абстракций и идеализаций в социальных теориях имеет свою специфику. Прагматическими факторами, вызывающими к жизни использование этих приемов, служат уже не только ресурсные ограничения, но и необходимость преодоления разного рода предварительных допущений, касающихся как человеческой природы, так и организации общества. В качестве промежуточного примера дисциплин, имеющих черты как точных, так и социальных наук, обратимся к лингвистике и экономике.

Так, Л. Новак оценил использование идеализаций на раннем этапе исследований Н. Хомского настолько высоко, что даже назвал это «идеализационным поворотом» в лингвистике, в результате которого она превратилась в зрелую науку. До этого лингвисты занимались в основном сбором данных и описанием отдельных языков. Хомский же начал работать с идеализированными нормативными моделями языка. Полемизируя с представителями дескриптивной лингвистики, Н. Хомский так объясняет необходимость использования идеализа-

ций в лингвистике: «Лингвистическая теория имеет дело в первую очередь с идеальным говорящим-слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении [1972. С. 9]. Такое определение «идеальной теории» практически не отличается от ее понимания в современных, «пост-рользовских» социально-политических исследованиях последних десятилетий.

Экономист М. Фридман рассматривает любую гипотезу или теорию, в том числе экономическую, как состоящую из двух частей: «...во-первых, концептуального мира или абстрактной модели, более простой, чем “реальный мир”, и включающей только те силы, важность которых утверждает гипотеза; во-вторых, набора правил, определяющих класс явлений, для которых “модель” может быть использована как адекватное воспроизведение “реального мира” и специфицирующих соответствие между переменными или объектами в модели и наблюдаемыми явлениями» [1994. С. 36–37].

Конечно, «идеализационный поворот» в качестве общего термина по справедливости нужно использовать по отношению к исследованиям М. Вебера. Он, как известно, ввел понятие «идеального типа» – методологического средства социально-исторического исследования. Его стремление различить «историю» и «теорию» вполне соответствует различению между дескриптивным и нормативным. Идеальные типы он уподобляет идеализированным объектам в физике. «Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем дальше они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение» [1990. С. 623–624]. Идеальные типы Вебера так же, как и идеализации в современных философских социальных концепциях, например, «идеальных» теориях справедливости, служат не столько объектом исследования, сколько эталоном, некоторым конечным списком условий, при существовании которых такие идеальные типы, как «экономический обмен», «капитализм», «церковь», «справедливость» становятся доступными пониманию. Идеальные типы у Вебера, как и идеализации в современных «идеальных» теориях, выступают прежде всего не как предмет, а как инструмент познания.

В современной философской практике использование абстрактных и идеализаций при создании нормативных моделей социаль-

ной реальности распространено чрезвычайно широко. Во введении к «Теории справедливости» Дж. Ролз так формулирует цель своего исследования: «...представить концепцию справедливости, которая обобщает и возводит на более высокий уровень абстракции традиционную концепцию общественного договора» [1995. С. 19]. Кроме того, он предлагает обоснование использования идеальной теории: «Причина, по которой следует начинать с идеальной теории, заключается в том, что она дает, я полагаю, единственное основание для систематического осмысления этих более неотложных проблем... Я полагаю, что более глубокое понимание может быть достигнуто именно в этих рамках, и что природа и цели совершенно справедливого общества являются фундаментальной частью теории справедливости» [Там же. С. 24]. В более поздней работе «Политический либерализм» Ролз обращает внимание на то, что абстракция используется «не ради абстракции», а выполняет важную роль – моделирования публичного обсуждения насущных проблем, при этом чем сильнее разногласия, тем более высокий уровень абстракции необходим, чтобы добраться до существа вопроса. Такую методологию он считает фундаментально важной для нахождения разумной политической концепции справедливости [Rawls, 1993. P. 45–46].

Ближайшие оппоненты Дж. Ролза – Р. Нозик и Р. Дворкин – также широко используют абстракции и идеализации. У Нозика это в первую очередь абстракции минимального государства и свободного рынка, у Дворкина – модель аукциона на некотором воображаемом острове, в ходе которого происходит идеальное распределение ресурсов. Важно то, что все эти авторы считают, что понимание того, как работают такие идеализированные модели («исходного положения», «минимального государства» и «аукциона»), имеет значение для оценки и совершенствования распределительных практик, существующих в нашем реальном обществе.

Отдельно имеет смысл рассмотреть попытку сохранить различие абстракций и идеализаций в «идеальных» социальных теориях, сделав такое различие основой методологической критики «идеальных» теорий общественного устройства. Такая критика не вполне обычна, как правило, либеральные «идеальные» теории критикуют совсем с других позиций – коммунитаристских, феминистских и т. д. Так, в своих работах Онора О'Нил настаивает на различии абстракций и идеализаций и выдвигает методологический лозунг «абстракции без идеализаций», возлагая именно на идеализации вину за различные недостатки «идеальных» теорий, в частности за предвзятое отношение к отдельным группам или стратам. Критика заключается

в указании на то, что социальный контекст включает разного рода перемешанные и иерархии – расовые, классовые, гендерные и пр. Люди обретают свою субъектность именно в этом переплетении, и опасность идеализаций в том, что теории, которые не будут включать эти факторы, могут неумышленно сыграть на руку различным репрессивным идеологиям.

Таким образом, по ее мнению, главное зло представляют собой именно идеализации, которые вносят существенные искажения в нормативные модели социальной действительности. Причем, как уже было замечено выше, это происходит не по недомыслию исследователя, а в силу сущностной природы идеализаций. Такие идеализации, как субъектность, рациональность, независимость, представляют опасность. Однако О'Нил полагает, что подобные идеализации не являются существенной частью абстракций, которые вполне могут существовать и использоваться в социальной теории без опоры на какие-либо нормативные идеалы.

Особенно страдает контекст там, где процессы абстрагирования сопровождаются идеализацией [O'Neill, 1997. P. 39–44]. По мнению автора, упреки философов в абстрактности их социально-политических концепций неправомерны, так как абстрагирование является необходимым предварительным условием и для логических операций, и для рассуждения в целом. По ее мнению, не следует смешивать абстракции и идеализации. Абстракции неопасны и неизбежны. Мы прибегаем к ним всегда, когда, например, относимся к человеку, «вынося за скобки», некоторые предикаты, несущественные для этого отношения. Кроме того, «все нормативные принципы и стандарты, включая принципы справедливости» всегда, неизбежно и должным образом абстрактны [O'Neill, 2016. P. 67]. Такое (неизбежное) абстрагирование, по ее мнению, вовсе не является отличительной чертой кантианцев, а существенной характеристикой любого нормативного рассуждения. Недостаток идеализации заключается в том, что, в отличие от «вынесения за скобки» определенных предикатов, она утверждает наличие или отсутствие этих предикатов. Когда такое случается, наше рассуждение может основываться на ложном идеализированном понимании мышления и действия, личностей и ситуаций [Ibid. P. 68]. Конечно, сразу обращает на себя внимание тот факт, что четких правил создания «допустимых» абстракций нет и не вполне понятно, как это делать корректно с точки зрения методологии. Кроме того, абстрагирование может оказаться невозможным без использования определенных идеализирующих допущений.

Любопытно, что О'Нил считает неверным использовать идеализирующие допущения даже в такой ситуации. Как проверка на универсализируемость максим категорического императива. Так, по ее мнению, было бы неправильно оценивать максимы поступков, скрываясь за «занавесом неведения». Вместо этого максимы нашего поведения должны мыслиться нами как законы для нашего несовершенного мира, а не идеализированных субъектов (полностью рациональных, информированных, сознательных, независтливых и т. д.).

Представляется, что такой подход очень трудно выдержать в реальной исследовательской работе. Уже упомянуты трудности различения абстракций и идеализаций. В ходе конкретного рассуждения довольно трудно провести различие между «вынесением за скобки» и утверждением о несуществовании некоторого предиката. Для примера можно вспомнить хотя бы исходное положение Дж. Ролза и его описание рациональных индивидов, в частности, как «не страдающих от зависти». Вряд ли можно уверенно утверждать, имеем ли мы дело с вынесением за скобки некоторых предикатов или утверждением об их наличии или отсутствии.

Более перспективным кажется другой подход, дающий шанс защитить «идеальные теории» социального от критики. Первая его часть состоит в том, чтобы усилить «реалистичность» идеальной теории. Используя ролзовское понимание политической философии как «реалистичной утопии», можно сказать, что требуется перенос акцента на первый компонент. Такая смена фокуса предположительно позволит уйти от схоластического (в данном контексте) обсуждения различий между абстракциями и идеализациями и сосредоточиться на возможных путях транзита от идеальной теории к не-идеальной. Такая работа могла бы стать ответом на реальную озабоченность критиков идеальной теории, которых в первую очередь беспокоит то, что приписывание или устранение некоторых предикатов в ходе создания отдельных идеализаций может блокировать те благородные цели, ради которых и создается идеальная теория. «В общем виде проблема заключается не в том, что идеализации неприемлемы на уровне идеального, а в том, что мы должны знать, что делать с идеализацией при переходе на уровень не-идеального» [Robeyns, 2008. P. 357]. Конечно, некоторые пути перехода содержатся в концепциях Дж. Ролза, Р. Дворкина и других авторов, но чаще «идеальная» теория полагается самодостаточным эталоном, не требующим прописывания связей и переходов между идеальным и реальным мирами. Такое игнорирование конкретных условий реализации характерно для самых слабых версий идеальной теории, в этом случае ее роль сводится к созданию

некоторых моральных рамок, которые бы служили ограничениями на способы практической реализации теоретических положений.

Вторая часть возможной «защитной стратегии» идеальной теории – различение идеальной теории в целом и используемых в ней отдельных идеализаций и попытка отфильтровать «хорошие» идеализации от «плохих» [Robeyns, 2008]. В частности, в «идеальных» теориях справедливости к «плохим» можно отнести идеализации, игнорирующие определенные виды несправедливости, т. е., по большому счету, не способствующие целям создания идеальной теории в целом. К таким «плохим» идеализациям можно также отнести некоторые допущения относительно человеческой природы, например предположение о независимости людей друг от друга и о возможности автономного существования без взаимной заботы. Такая идеализация вызвала к жизни целое философское направление, «этику заботы», в качестве альтернативы «этике справедливости».

«Идеальная» теория продолжает оставаться одним из самых распространенных способов конструирования социальной реальности. Прогресс в этом направлении требует все более тонкой настройки самих идеализирующих допущений, а также включения в состав такой теории хотя бы самых общих вариантов перехода к теории не-идеальной, допускающей практические применения.

Список литературы

Вебер М. Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990.

Ломов Б.Ф. Математика и психология в изучении процессов принятия решений // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений. М.: Наука, 1981. С. 5–21.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Фридман М. Методология позитивной экономической науки // Thesis. 1994. № 4. С. 20–52.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1972.

Cartwright N. Nature's Capacities and their Measurement. Oxford: Clarendon Press, 2002.

O'Neill O. Bounds of Justice. Cambridge: CUP, 2016.

O'Neill O. Impartiality in Context. Grounding Justice in a Pluralist World. New York: State Univ. of New York Press, 1997.

Rawls J. Political Liberalism. Columbia Univ. Press, 1993.

Robeyns I. Ideal Theory in Theory and Practice // Social Theory and Practice. 2008. Vol. 34. No. 3. P. 341–362.

Weisberg M. Three Kinds of Idealization // Journal of Philosophy. 2007. Vol. 4. No. 12. P. 639–659.

Материал поступил в редколлегию 05.07.2018

A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru

ABSTRACTIONS AND IDEALIZATIONS IN NORMATIVE MODELS

The article explores the use of philosophical techniques of abstraction and idealization in the creation of normative theoretical models. It shows the difficulties related to distinguishing abstractions from idealizations in scientific research, as well as their common functional features, the main of which is the representation of the object under study in a form that would meet the goals and objectives of the researcher. The paper also demonstrates the ongoing popularity of ideal normative theories in the social field and explicates the problems that provoke criticism of ideal theories from various theoretical positions. It is concluded that it is necessary to strengthen such normative models by distinguishing between heuristically «good» and «bad» idealizations within the framework of the general ideal theory, and also providing methods of transition from an ideal theoretical model to the one that could be applied in practice.

Keywords: normative model, ideal theory, ideal type, abstraction, idealization, social theories.

References

Cartwright N. *Nature's Capacities and their Measurement*. Oxford, Clarendon Press, 2002.

Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa [Aspects of the Theory of Syntax]*. Moscow, Izd-vo MGU, 1972. (In Russ.)

Friedman M. Metodologiya pozitivnoi ekonomicheskoi nauki [Methodology of Positive Economics]. *Thesis*, 1994, no. 4, p. 20–52. (In Russ.)

Lomov B. F. Matematika i psikhologiya v izuchenii protsessov prinyatiya reshenii [Mathematics and Psychology in Studying Decision-Making Processes]. *Normativnye i deskriptivnye modeli prinyatiya reshenii* [Normative and Descriptive Models of Decision-Making]. Moscow, Nauka, 1981, p. 5–21. (In Russ.)

O'Neill O. *Bounds of Justice*. Cambridge, CUP, 2016.

O'Neill O. *Impartiality in Context. Grounding Justice in a Pluralist World*. New York, State Univ. of New York Press, 1997.

Rawls D. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)

Rawls J. *Political Liberalism*. Columbia Univ. Press, 1993.

Robeyns I. Ideal Theory in Theory and Practice. *Social Theory and Practice*, 2008, vol. 34, no. 3, p. 341–362.

Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990. (In Russ.)

Weisberg M. Three Kinds of Idealization. *Journal of Philosophy*, 2007, vol. 4, no. 12, p. 639–659.

УДК 165.82

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-49-60

Н. В. Головки

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

golovko@philosophy.nsc.ru

**Д. ДЕННЕТ И НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ:
ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ МЕТАИНДУКЦИЯ
И АРГУМЕНТ ОТ ОШИБКИ***

Цель работы – показать, что интерпретация концепции реальных паттернов Д. Деннета как фундаментальной концепции существования дает возможность перейти к такой концепции развития научного знания, в которой одновременно: (а) будут справедливы рассуждения Л. Лаудана о том, что реальная история науки противоречит идее сходимости научных теорий, и (б) проблема пессимистической метаиндукции не будет иметь решающего значения для опровержения научного реализма на заданном историческом отрезке времени. В рамках принятой онтологии проблема пессимистической метаиндукции представляется как один из вариантов скептического аргумента – «Аргумента от ошибки», а понятие «проецируемости относительно заданной физически возможной перспективы» (Д. Росс) полностью раскрывает представление о «дополнительной информации», которой должна обладать «новая» теория относительно «старой» для того, чтобы опровергнуть рассуждения скептика.

Ключевые слова: реальные паттерны, пессимистическая метаиндукция, аргумент от ошибки, Л. Лаудан, Д. Деннет, Д. Росс.

Тезис о том, что научный реализм – это эмпирическая гипотеза, является одним из ключевых моментов для всего проекта натурализованной эпистемологии науки (Х. Патнэм, Р. Бойд, У. Ньютон-Смит, М. Девитт, Дж. Лэдимен и др.). В то же время понимание утвержде-

* Статья представляет собой развернутую версию доклада, представленного на XXIV Всемирном философском конгрессе «Учиться быть человеком» (г. Пекин, Пекинский университет, 13–20 августа 2018 г.), а также на Первом Конгрессе Русского общества истории и философии науки «История и философия науки в эпоху перемен» (г. Москва, ИФ РАН, 14–16 сентября 2018 г.).

ния как эмпирической гипотезы предполагает его фальсифицируемость, например, перед лицом новых данных. В этом смысле заключение Л. Лаудана о том, что реальная история науки не подтверждает то, что именно реализм является единственной платформой, которая объясняет успешность научного знания [Laudan, 1981. Р. 48], на первый взгляд выглядит довольно серьезным с точки зрения обоснования научного реализма, но вполне укладывается в общее представление о сути эмпирического метода исследования. В каком смысле пессимистическая метаиндукция, о которой говорит Л. Лаудан, является приговором научному реализму? Сорок лет назад Х. Патнэм писал: «Что если мы посмотрим на теорию с точки зрения того, что электрон – это такой же объект, как и флогистон? Тогда мы должны будем сказать, что электронов, на самом деле, не существует. Что если все теоретические объекты, постулированные на данном этапе (молекулы, гены и т. д., так же как и электроны), заведомо (*invariably*) “не существуют” с точки зрения более поздних теорий? ...Одна из причин, почему это замечание действительно серьезное, заключается в том, что в конечном счете следующая за ним метаиндукция становится ошеломляюще убедительной: *точно так же, как ни один термин, который использовался в науке пятьдесят лет назад, не является указующим, окажется, что ни один термин, который используется сейчас, тоже не является указующим*» (курсив автора. – Н. Г.) [Putnam, 1978. Р. 24–25]¹. Как и сорок лет назад, мы должны согласиться с тем, что подобное заключение является необходимой платой за то, чтобы понимать научный реализм как эмпирическую гипотезу. В конце концов, научным реалистом является тот, кто убежден, что современные научные теории дают приближенно истинное описание «реальности как таковой». Однако, на наш взгляд, за прошедшее время в эпистемологии науки произошел достаточно резкий поворот «интеллектуальной траектории», вызванный, во-первых, развитием именно «натуралистической компоненты» аргументации в пользу научного реализма (М. Девитт, С. Псиллос и др.), что, в частности, повлекло за собой обоснованные сомнения в том, что семантическая аргументация (апелляция к теории указания, истинности теорий и т. д.) может играть определяющую роль в понимании научного реализма, и, во-вторых, –

¹ Речь у Патнэма идет о значении терминов научной теории, отвечающей одной парадигме, с точки зрения другой. В силу несоизмеримости парадигм, термины, получающие интерпретацию с точки зрения одной парадигмы, по определению, не будут указующими с точки зрения другой. «Пятьдесят лет», в данном случае, отражает абстрактное представление Х. Патнэма о периоде, в течение которого парадигма гарантированно сменится.

появлением теоретико-информационного структурного реализма Дж. Лэдимена [Ladyman et al., 2007], как онтологической концепции, нарушающей многие «канонические» представления – о соотношении «теоретического» и «наблюдаемого», «абстрактного» и «вводимого», отрицающей редукционизм, допускающей масштабную относительность онтологии и т. д.²

Ниже мы отдельно остановимся на той части аргументации Л. Лаудана, которая непосредственно связана с критикой идеи «сходимости» научных теорий (представления о том, что «старые» теории должны быть предельным случаем «новых» и т. д.), а также на одной из рецептов концепции реальных паттернов Д. Деннета, в рамках которой отмеченное представление о «сходимости» научных теорий не фигурирует вовсе. Наш тезис заключается в том, что интерпретация концепции реальных паттернов Д. Деннета как фундаментальной концепции существования (Д. Росс, Дж. Лэдимен и др.) дает возможность перейти к такой картине развития научного знания, которая одновременно: (а) удовлетворяет представлению Л. Лаудана о том, что реальная история науки не подтверждает тезис «сходимости» научных теорий; (б) дает возможность непротиворечиво по отношению к концепции научного реализма зафиксировать понимание того, что значит, что ученые в XIX в. также «принимали науку именно такой, какая она есть», не заботясь о том, что в будущем объекты их успешных научных теорий будут отброшены. В новой интерпретации развития научного знания успешные теории, принадлежащие разным историческим периодам, не будут «сходиться» (как и предполагал Л. Лаудан), но не потому, что научный реализм не может объяснить успешность научных теорий ни через допущение, что основные термины научной теории «являются указующими», ни через понятие приближенной истинности (или правдоподобия) научной теории, ни через представление о сохранении «истинностного содержания» (законов, механизмов и т. д.) при переходе к «новой» теории, ни через способность «новой» теории объяснять успешность «старой», либо «старой» быть предельным случаем для «новой» и т. д. (см.: [Laudan, 1981]), а потому, – что объекты, постулированные теориями в t_1 , по определению, будут иметь мало общего с объектами, постулированными успешными научными теориями в другое время, так как они будут являться проекциями относительно разных «физически возможных перспектив». В данном случае, отношение к проблеме

² Более подробно наша рецепция произошедшего «поворота», например, дана в работах [Головко, 2010; 2011; 2016] и [Карпович, Головко, 2016].

пессимистической метаиндукции в рамках концепции «существования с проецируемостью» будет аналогично отношению к проблеме редуционизма как сведения одного уровня описания реальности к другому, более фундаментальному. Соответственно, логику представления о «масштабной относительности» (Дж. Лэдимен и др.) можно распространить на описание исторической последовательности сменяющихся друг друга «парадигм», которые выступают друг по отношению к другу как различные независимые «частные» науки.

Аргумент от ошибки и научный реализм

Х. Патнэм отмечает: «[Проблема пессимистической метаиндукции], конечно же, является одной из форм старого скептического “Аргумента от ошибки” – откуда вы знаете, что не ошибаетесь *сейчас*» (курсив автора. – Н. Г.) [Putnam, 1978. P. 24–25]. Приведем каноническую формулировку «Аргумента от ошибки», как аргумента против эмпирического знания, не затрагивающего понятие обоснования: «Рассмотрим две ситуации: (S_1) Вы [когда-то] увидели собаку и [заключаете по ряду признаков] говорите – “Это моя собака”, но чуть позже [когда данных становится больше] оказывается, что вы ошибались; (S_2) Сейчас вы снова видите собаку и говорите – “Это моя собака”. Проблема заключается в том, что вы не знали, что это ваша собака в S_1 , и поскольку ситуация S_2 полностью аналогична S_1 (как вам кажется, имеющиеся перцептуальные данные одинаково и полностью обосновывают ваше знание и в S_1 , и в S_2), то непонятно, знаете ли вы, что это ваша собака в S_2 » [Steup, 1998. P. 217]. Скептик утверждает, что до тех пор, пока вы не покажете «релевантную разницу» между ситуациями, вы не можете говорить, что знаете, что это ваша собака в S_2 . Как преодолевается «Аргумент от ошибки»? Его каноническое же опровержение выглядит следующим образом: «[В ситуации S_2] общий (total) объем имеющихся данных включает понимание того, что *сейчас* я знаю, почему в S_1 мое убеждение было ложным. Таким образом, говоря, что я знаю в S_2 , я могу показать релевантную разницу между S_1 и S_2 » (курсив автора. – Н. Г.) [Ibid. P. 218]. Что общего между «Аргументом от ошибки» и проблемой пессимистической метаиндукции? Согласно Х. Патнэму, научные теории обязаны «сходиться»: «Бойд показывает, что из стандартной (позитивистской) философии науки следует, что более поздние теории, если они *лучше*, чем те, приемником которых они являются, должны включать (must imply) большое число *предложений наблюдения* своих предшественниц (в особенности *истинных* предложений наблюдения более ранних теорий). ... То,

что ученые пытаются делать так – *сохранять* (preserve) закон сохранения энергии, а не постулировать его нарушения – является фактом, и то, что подобная стратегия [сохранение механизмов, постулированных более ранними теориями, демонстрация того, что они являются “предельными случаями” новых механизмов] приводит к важным открытиям, это тоже факт. ...Поскольку мне нужны теории, которые не просто “приближенно истинные”, но теории, у которых есть шанс быть истинными, я буду рассматривать только теории, кандидаты на роль T_2 [преемница T_1], которые обладают свойством – содержать законы T_1 как предельный случай» (курсив автора. – Н. Г.) [Putnam, 1978. Р. 20–21]. В определенном смысле, «сходимость», по Х. Патнэму, отражает описанную выше идею опровержения скептического аргумента (мы схватываем, в каком смысле общий объем данных в S_2 больше, чем в S_1). И когда Л. Лаудан, опираясь на конкретные примеры из истории науки, показывает, что «подобное утверждение [“в большинстве случаев последующая теория содержит свою предшественницу в качестве предельного случая”] является заведомо (patently) ложным. ... [в частности, в силу того, что] T_1 может быть предельным случаем T_2 только если все объекты, постулированные T_1 , появляются в онтологии T_2 » (курсив автора. – Н. Г.) [Laudan, 1981. Р. 39–40], то мы не только непосредственно пытаемся опровергнуть научный реализм, поскольку «отрицание сходимости научных теорий влечет отрицание реализма» [Putnam, 1978. Р. 37], но и возвращаемся к исходной постановке «Аргумента от ошибки». В каком смысле научный реалист должен согласиться с доводами Л. Лаудана?

Примем, что отсутствие «сходимости» «старых» и «новых» научных теорий, по Х. Патнэму, – это эмпирический факт, который открыл Л. Лаудан. Также отметим, что собственно концепция Х. Патнэма уже давно не является единственной концепцией научного реализма, и в этом смысле отсутствие «сходимости» в целом уже не играет ключевой роли в опровержении научного реализма как такового. Однако требование демонстрации «релевантной разницы» между S_1 и S_2 все еще остается значимым, – научный реализм должен объяснять, в каком смысле «новые» теории лучше «старых». Есть и еще один момент, чем может быть полезна приведенная аналогия между проблемой пессимистической метаиндукции и «Аргументом от ошибки». В приведенной постановке «Аргумента от ошибки» данные и гипотеза («я вижу мою собаку») соотносятся одинаково и в S_1 , и в S_2 , – что и дает основания скептику утверждать, что «релевантную разницу» между S_1 и S_2 показать нельзя. Чему будет соответствовать такое представление об «одинаковости» соотношения данных и гипотез для разных

исторических этапов развития научного знания в парадигме научного реализма? Очевидно, это будет утверждение Х. Патнэма о том, что «реализм сам по себе является “научной” философией науки, которая рассматривает науку непосредственно, такой, какая она есть (at face value), ...и что такое понимание науки влечет (implies) реализм» [Putnam, 1978. P. 37], вместе с более «историческим» утверждением, что независимо от того, в каком веке работает ученый, в XIX или XXI, он должен «принимать науку такой, какая она есть», не заботясь о том, что в будущем объекты теорий, которые он использует сейчас, будут отброшены. Примечательно то, что абсолютное большинство современных исследователей фактически останавливаются на этом. Стандартный (позитивистский) ход рассуждения здесь – интерпретировать необходимую «одинаковость» соотношения данных и гипотез для разных исторических этапов развития научного знания через проблему соотношения, в широком смысле, «теоретического» и «эмпирического», по-видимому, ни к чему не приводит, – мы снова возвращаемся к патнэмовской формулировке, что «понимание науки такой, какая она есть, влечет реализм» и неизбежности проблемы пессимистической метаиндукции. Между тем один из вариантов научного реализма, в котором, на наш взгляд, можно не прибегать к каноническому (позитивистскому) пониманию «соотношения гипотезы и данных», демонстрирует Дж. Лэдимен [Ladyman et al., 2007], принимая концепцию существования Д. Росса [Ross, 2000].

Д. Деннет, Д. Росс и проецируемость

Каким образом мы выделяем электрон как объект научной теории? В определенном смысле научный реализм должен возвращать нас к классическому (в духе Платона) представлению о том, как устроена реальность. Конечно, мы говорим об объектах, постулированных научной теорией, но это разговор об онтологии, а не о семантике, об объектах, а не о терминах теории. Конечно, мы говорим о некоторой разновидности «апостериорного эссенциализма» когда значимые свойства объекта, по которым мы его определяем, выделяются в ходе эмпирического (научного) исследования, и мы можем ошибаться, считая их значимыми, и всегда будут существовать характеристики, которые на данном этапе нам недоступны, – объективный мир, по определению, богаче, чем представление о нем. Г. Рейхенбах описывает вероятностный характер отношения между знанием об объекте и эмпирическими данными с помощью термина «проекция» – «то, что связывает птицу и ее тень на земле» [Rei-

chenbach, 1938. P. 108]. Д. Деннет использует метафору проекции для того, чтобы описать связь между «психическим состоянием и лингвистическим поведением» [Dennett, 1991. P. 45]. Д. Росс, опираясь на Д. Деннета, определяет существование следующим образом: «Существовать – значит быть реальным паттерном; паттерн является реальным, если (i) он может быть проекцией (projectible) относительно, по крайней мере, одной физически возможной перспективы; (ii) он содержит [нетривиальную] информацию относительно, по крайней мере, одной структуры события или об объекте *S*. При этом эта информация (закодированная в теоретико-информационных терминах) является более продуктивной (efficient), чем тривиальное представление (bit-map encoding) *S*, в том смысле, что в рамках заданной проекции, отвечающей выбранной физически возможной перспективе, существует такой аспект *S*, который невозможно было бы обнаружить (track), если бы данная перспектива не была бы зафиксирована» [Ross, 2000. P. 161]. Не вдаваясь подробно в детали по поводу содержания понятия «физически возможная перспектива», а также – в понимание того, что означает «нетривиальность» содержания паттерна, и каким образом можно преодолеть инструментализм в россоской интерпретации существования (см.: [Ladyman et al., 2007]), отметим, что подобное представление об онтологии достаточно легко проинтерпретировать с точки зрения преодоления проблемы пессимистической метаиндукции как аргумента от ошибки³.

М. Девиитт описывает проблему пессимистической метаиндукции следующим образом: «Мы определяем *Реализм* (*t*) по отношению к науке [к содержанию научных теорий] в *t*. Тогда вызов пессимистической метаиндукции заключается в следующем: для любого времени *t* в прошлом было ошибкой выводить *Реализм* (*t*) из содержания науки в *t*, поскольку [впоследствии] оказалось, что не *Реализм* (*t*). Поэтому, скорее всего, будет ошибкой выводить *Реализм* (*сейчас*) из содержания науки *сейчас*» (курсив автора. – Н. Г.) [Devitt, 1997. P. 163]. Что значит зафиксировать *Реализм* (*t*), если существование определяется по Д. Россу? Следуя логике, заложенной Д. Деннетом в определение паттерна, Дж. Лэдимен отмечает: «Паттерны определяются как определенные интерпретации физических данных в определенных физических же условиях... Существование паттернов интерпретируется в терминах теоретико-информационного содержания проекций в рамках физически (но не логически или математически) возможных перспектив... Паттерн, который нельзя зафиксировать

³ См.: [Головко, 2016; Карпович, Головко, 2016].

(track) с точки зрения перспективы, которую считает возможной современная физика, нельзя эмпирически верифицировать» [Ladyman et al., 2007. P. 234–235]. Речь идет об объектах успешных научных теорий. Фиксации *Реализма* (t), вместе с обоснованием тезиса о том, что, независимо от того, в каком веке работает ученый, он должен «принимать науку такой, какая она есть», не заботясь о том, что в будущем объекты теорий, которые он использует сейчас, будут отброшены, – являются следствием того, что мы определенным образом задали «физически возможную перспективу». В данном случае разговор о «физически возможной перспективе» возвращает нас к разговору о научных картинах мира или парадигмах, но в этом, на наш взгляд, нет ничего плохого, – «парадигма полностью определяет содержание нормальной науки». В каком смысле подобное представление о научной онтологии преодолевает «Аргумент от ошибки»? Здесь «данные и гипотеза» соотносятся одинаково и в S_1 , и в S_2 , в силу принятого методологического правила (фиксирующего представление о «проецируемости»), при этом результат реализации этого правила будет отличаться, поскольку S_1 и S_2 будут отвечать разным «физически возможным перспективам». По той же причине между S_1 и S_2 будет существовать «релевантная разница».

В заключение своей эпохальной работы Л. Лаудан отмечает: «Ничего из того, что тут было сказано, не отрицает, в принципе, возможность построения реалистской эпистемологии науки» [Laudan, 1981. P. 48], а чуть выше приводит «самый общий вид» аргумента в пользу научного реализма: «обратиться к абдуктивному выводу, который связывает успешность науки и [какой-то “значимый фактор”] приближенную истинность, правдоподобие или референциальный механизм (либо их [факторов] комбинацию). Этот аргумент [вывод] должен показать скептику, – что теории не построены “нечестным” (ill-gotten) путем; позитивисту, – что теорию нельзя свести к наблюдаемым следствиям; прагматисту, – что классические эпистемические категории (“истина” и т. д.) являются релевантной частью мета-научного дискурса» [Ibid. P. 45]. На наш взгляд, лэдименовская концепция «существования с проецируемостью» не только решает проблему пессимистической метаиндукции (объясняет отмеченное Л. Лауданом «неканоничное», с точки зрения Х. Патнэма, «историческое» поведение объектов и теорий), но и дает оригинальную интерпретацию классического абдуктивного аргумента в пользу научного реализма, который будет связывать реализм и успешность науки, постулирующей объекты в рамках концепции «существования с проецируемостью».

Список литературы

Головко Н. В. Натуралистический поворот: Научная метафизика, Д. Деннет и Д. Росс // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 5–17.

Головко Н. В. Натуралистический поворот: современная наука и метафизика // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 30–36.

Головко Н. В. Натуралистический поворот: первичность метафизики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 4. С. 33–38.

Карпович В. Н., Головко Н. В. Логическая глубина и проецируемость как основания для онтологического научного реализма // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 43–57.

Dennett D. Real Patterns // Journal of Philosophy. 1991. Vol. 88. P. 27–51.

Devitt M. Realism and Truth. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1997.

Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.

Laudan L. A Confutation of Convergent Realism // Philosophy of Science. 1981. Vol. 48. P. 19–49.

Putnam H. Meaning and the Moral Sciences. London: Routledge & Kegan Paul, 1978.

Reichenbach H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. Chicago, Ill: Univ. of Chicago Press, 1938.

Ross D. Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence / Eds. A. Brook, D. Ross, D. Thompson // Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Steup M. An Introduction to Contemporary Epistemology. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1998.

N. V. Golovko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

golovko@philosophy.nsc.ru

**D. DENNETT AND SCIENTIFIC REALISM:
PESSIMISTIC META-INDUCTION
AND THE ARGUMENT FROM ERROR**

The paper aims to show that the interpretation of D. Dennett's concept of real patterns as a fundamental concept of existence makes it possible to offer a new conception of the development of scientific knowledge containing: (a) L. Laudan's conclusion that the real history of science contradicts the idea of convergence of scientific theories, and (b) the problem of pessimistic meta-induction will not be decisive in refuting scientific realism for a given historical period of time. Within the framework of the accepted ontology, the problem of pessimistic meta-induction is presented as one of the variants of the skeptical argument – argument from error, and the notion of «projectivity in respect to a given physically possible perspective» (D. Ross) fully reveals the notion of «additional information» that a «new» theory should have over the «old one», in order to refute the skeptic's reasoning.

Keywords: real patterns, pessimistic meta-induction, argument from error, L. Laudan, D. Dennett, D. Ross.

References

- Dennett D. Real Patterns. *Journal of Philosophy*, 1991, vol. 88, p. 27–51.
Devitt M. *Realism and Truth*. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, 1997.
Golovko N. Naturalisticheskii povorot: Nauchnaya metafizika, D. Dennett i D. Ross [Naturalistic Turn: Naturalistic Metaphysics, D. Dennett, and D. Ross]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 5–17. (In Russ.)
Golovko N. Naturalisticheskii povorot: Sovremennaya nauka i metafizika [Naturalistic Turn: Contemporary Science and Metaphysics]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2011, vol. 9, no. 3, p. 30–36. (In Russ.)

Golovko N. Naturalisticheskii povorot: Pervichnost' metafiziki [Naturalistic Turn: Putting Metaphysics First]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2010, vol. 8, no. 4, p. 33–38. (In Russ.)

Karpovich V., Golovko N. Logicheskaya glubina i proetsiruemost' kak osnovaniya dlya ontologicheskogo nauchnogo realizma [Logical Depth and Projectability As Foundations for Ontological Scientific Realism]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 43–57. (In Russ.)

Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2007.

Laudan L. A Confutation of Convergent Realism. *Philosophy of Science*, 1981, vol. 48, p. 19–49.

Putnam H. *Meaning and the Moral Sciences*. London, Routledge & Kegan Paul, 1978.

Reichenbach H. *Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge*. Chicago, Ill: Univ. of Chicago Press, 1938.

Ross D. Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. A. Brook, D. Ross, D. Thompson (eds.) *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. Cambridge, MA, MIT Press, 2000.

Steup M. *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall, 1998.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 37.013.42(470.621)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-60-69

В. А. Решетников

*Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия*

reshetnikova_ekaterina80@mail.ru

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Рассматриваются гуманистические основы человеческой истории, анализируются мировоззренческие принципы гуманизма как базового модуса социальной реальности. Рассматриваются принципы социокультурной динамики через гуманистические принципы эволюции человека и общества, выявляются общие гуманистические принципы. В тексте прорабатываются условия и принципы зарождения и развития гуманизма, его социализирующих и воспроизводящих социальную реальность функций. Социальная и человеческая эволюция рассматриваются в контексте развития идей гуманизма социально-гуманитарном знании и различных вариантах его применения в социальной реальности. Общество рассматривается как среда конструирования гуманистических ценностей и идеалов, а человек как их носитель. Взаимовлияние общества на человека и наоборот позволяет говорить о закреплении и сохранении социокультурных кодов гуманизма в человеческой истории.

Ключевые слова: гуманизм, человеческая история, гуманистические основы, гуманистические принципы.

По мере ослабления влияния или даже дискредитации традиционных идеологий формируется потребность в интегративной концепции, которая могла бы послужить своеобразным зонтиком для социально значимых взглядов. В Европе, например, особое значение приобретают попытки объединить людей на основе общеевропейских ценностей, всплеск миграции актуализировал теорию мультикультурализма, росту интегративности и устойчивости социальной системы призвана способствовать концепция толерантности. Однако все они неоднозначны, наряду с их одобрением существует достаточно влиятельный тренд их отрицания. Внимание ряда исследователей

привлекают традиционные подходы, среди которых выделяется такой духовный ориентир, как гуманизм.

В научной литературе достаточно весомо представлена точка зрения, согласно которой именно возвращение к идеалам ренессансного гуманизма или его переосмысление в соответствии с новыми реальностями способны выступить духовным императивом, той самой искомой «философией эпохи». Юрген Хабермас, например, был уверен в том, что проект Просвещения не был воплощен в жизнь даже частично, потому что этому мешает недостаток нашей воли применять гуманистические идеалы и развивать их [Решетников, 2016]. О необходимости продолжения проекта Просвещения, о Новом Просвещении, соединяющем в себе достижения перманентной научной революции и культурной реформации, пишут такие современные исследователи гуманизма, как П. Курц, В. Кувакин.

Современными учеными созданы различные трактовки гуманизма и его генезиса, сквозь которые просвечивают личности авторов, их мировоззрение и в особенности ценностные предпочтения. Автор присоединяется к точке зрения В. Кувакина о том, что гуманизм – это «...стихийное, а иногда и сознательное осмысление человеком своей гуманности – реальный факт человеческой истории с ее начала и до наших дней. Гуманизм не как учение или теория, а как внутреннее отношение человека к самому себе в связи с наличием в нем человечности существовал до возникновения самого этого понятия»..., которое «оказалось терминологической персонификацией, фиксацией теоретического (самознательного) уровня гуманности как реально всегда существовавшего и проявлявшего себя человеческого качества» [1998. С. 12].

Для большинства исследователей гуманизма важным преимуществом гуманизма является его универсальность. В философии культуры, как известно, понятие универсалии указывает на базовые единицы, на основы понимания человеком мира. Эти смыслы (основы) формируются у каждого из нас в процессе социализации / индивидуализации и в дальнейшем служат мыслительным инструментарием; на рациональной или на внерациональной основе универсалии задают систему координат, позволяющих обеспечить человеческому сознанию целостность восприятия мира и даже психическое здоровье.

Гуманизм как универсалия имеет ряд свойств, которые собственно и обеспечивают его универсальность. Универсальность важна с позиции сопричастности со всем и включенности во все социальные процессы. Именно благодаря ей обеспечивается социальное воспроизводство гуманистических ценностей и развития общества и человека

как целостных систем. Благодаря универсальности гуманистических идей транслируется социальная память и формируются перспективные образы будущего развития мира.

Универсализм гуманизма обусловлен тем, что он отвечает базовым потребностям человека в самосохранении и саморазвитии. Однако в большинстве научных работ проповедуется вне социальный, абстрактный подход в генезису гуманизма. Понятие «Ното» используется в значении, которое М. К. Мамардашвили определял как «точка интенсивности», конечное и недоступное место, предел, который останавливает процесс семиозиса и замыкает его. Современным шагом к сакрализации гуманизма (отзвук романтической традиции немецкой философии XIX в.?) являются попытки представить его космическим феноменом, столь же важным, как антропный принцип. На наш взгляд, это является вполне комплексной единицей анализа социальной реальности. Сакрализация гуманизма позволяет формировать новые духовные ориентиры и идеалы для всего человечества, находить новые смыслы социального развития и общественной эволюции.

1. Первым шагом в определении гуманизма, с нашей точки зрения, может быть изучение его этимологии. Язык, как справедливо считает Э. Сэпир, не только оформляет восприятие социальных практик, но и формирует наше понимание их. В немецкой традиции человек обозначается словом *Mensch* (от лат. *mens* – ум, разум). Человек в таком случае преимущественно характеризуется с рациональной, логической стороны. Толкование термина «гуманность как человечность» представляет собой его буквальное описание, является его именем, или «этикеткой». Просто рядом ставятся два его обозначения на разных языках [Решетников и др., 2016; 2017].

Для лучшего понимания проблемы сущности гуманизма и его происхождения, может быть, следует отойти от этизации и сакрализации понятия и обратиться к варианту происхождения понятия гуманизма и гуманности от латинского слова *humus* (*Нот*)-почва? Слово *humanus* – человеческий, очевидно, имеет этот же корень. И не случайно большинство антропогенетических мифов связывают творение человека с его производством из земли, из глины, в которые божество или творец привносит дух. Аналогия приводит к пониманию символической «почвенности» гуманизма, его приземленности и привязке к базовым потребностям человека.

Метафоры почвы и взращивания (культивирования), наряду с другими возможными образами, подсказывают, что становление гуманизма и гуманности может быть рассмотрено через призму кон-

цепции эволюционизма. Здесь особую важность приобретает проблема природы человека, по которой имеются целые библиотеки научной, в том числе гуманистически ориентированной, литературы. К. Роджерс связывал процесс развития со стремлением всего живого к росту, созреванию, с тенденцией проявить и активизировать все способности организма в той мере, в какой эта активизация способствует развитию организма или личности.

2. Гуманизм характеризуется мерой его социальности, которая также может выступить его универсальной чертой. Для аргументации важности социализации первичных гуманистических отношений имеется достаточно этнологического, этнографического, исторического материала. Так, исследования психологами альтруизма (составной части гуманизма) показали социально-инстинктивную природу предгуманистических форм поведения, среди которых выделяется сохраняющая модель, многие проявления которой свойственны и животному миру.

Для нашей (условно обозначим ее как онтологическая) трактовки генезиса гуманизма в качестве ответа на жизненно важные потребности выживания человека существенно то, что почвой для развития гуманности являлись первичные социальные отношения и связи, которые формировались вследствие взаимозависимости индивидов как биопсихосоциальных существ от их жизненного пространства и средств к жизни. И друг от друга. Над факторами простой взаимозависимости надстраивались более сложные отношения, которые обеспечивали произрастание социальности, ее усложнение и развитие.

Преимущества в выживании получали те группы, которые, проявляя разумность и дальновидность, заботились о детях как о будущем общин и о пожилых людях как носителях и трансляторах опыта (Эфроимсон). В процессе естественно-социального отбора и конкуренции, видимо, на один выживший коллектив первобытных людей приходилось несколько погибших, вследствие слабой кооперации и сотрудничества. Позднее именно нараставший дефицит морали, наряду с природно-климатическими и социальными катастрофами, был причиной гибели многих локальных цивилизаций и культур [Полюшкевич, 2011].

Важно подчеркнуть, что универсальность кооперативности не является раз и навсегда возникшим феноменом. Она повседневно воспроизводится в жизнедеятельности людей. Или утрачивается. В современной трактовке важности помогающих отношений значимо наследие Э. Фромма, доказавшего на историческом материале

и на примере собственного психотерапевтического опыта постепенное превращение помогающих отношений в важную характеристику мировоззрения и деятельности человека, их перерастание в человечность (в оценочном смысле слова). Психолог и психотерапевт К. Роджерс понимал под термином «помогающие отношения» такие, в которых, по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой в личностном росте, развитии, обретении зрелости, в умении ладить с другими (человеком или группой).

В качестве примера К. Роджерс приводит отношения матери и дитя, отца и ребенка, учителя и ученика, психотерапевта и пациента, консультанта и клиента. Практический опыт К. Роджерса показал комплексность помогающих отношений. В общем смысле это недифференцированные отношения, которые в первичной форме интегрируют экономические, этические и другие связи. И хотя в современной жизни они институтоализировались, но не ушли из поступочной (Н. С. Коноплев) повседневности. Помогающие отношения в своем исходном виде и сегодня пронизывают производственные коллективы и личную жизнь каждого человека вследствие своей эволюционно сформированной опоры на приоритет конструктивности и кооперации.

Можно сказать, что гуманистической культуре предшествовала культура помогающих отношений как способ и результат формирования социальности. Именно осознанное развитие этих отношений и составило структуру человечности как качества, присущего новому субъекту на арене природно-социальной реальности.

3. Особо следует выделить такое универсальное качество гуманизма, как его хроноустойчивость. Невозможно, или возможно только условно, определить начало гуманизма как мировоззрения. Если гуманистические теории и проекты имеют авторов или привязаны к какой-то культуре, то гуманность как качество жизнедеятельности и гуманизм как мировоззрение становились фрагментарно, возникали как отдельные элементы [Полюшкевич, 2012]. Периоды прогресса в этом отношении могли смениться регрессом или вообще деградацией ростков гуманности. Однако во всех временах в жизнедеятельности людей обнаруживаются поддерживающие, помогающие отношения и соответствующая им форма гуманизма.

Хроноустойчивость гуманизма как универсалии любой, в том числе и разорванной по времени, культуры составляет важный фактор единства человечества. Было бы интересно проанализировать с этих позиций конфуцианский и в целом восточный гуманизм, отличающийся несколько иным восприятием времени. Возможно, залогом

устойчивости существующей более трех тысяч лет китайской цивилизации были семья и семейные ценности, обобщенные Конфуцием в принципах «пяти постоянств», в которые входили отцовская любовь, сыновняя почтительность, дружественное отношение старшего брата к младшему, почтительное отношение младшего брата к старшему, согласие между супругами.

Подростающие поколения китайцев воспитывались на примерах сыновней почтительности, собранных в сборнике «24 примера сяо». Корень гуманизма, согласно Конфуцию, – «сынóвья почтительность и уважение к старшим». «Как может благородный муж добиться имени, если отвергает милосердие?! Благородный муж даже во время трапезы не забывает о милосердии». Конфуций считал, что «лишь милосердный человек умеет и любить людей и ненавидеть», что «если стремиться к милосердию, не будет зла» [Радуль-Затуловский, 2013. С. 156].

4. В структурном отношении универсализм гуманизма проявляется в его сложной адаптивной структуре. Универсалии не являются «атомами» в смысле своей неделимости, предельности. Они имеют определенный, по меньшей мере, бинарный состав, который обнаруживается уже на уровне двух основных языков культуры – рациональных суждений и образного восприятия. Отсюда вытекает относительная оппозиция и в то же время единство знания и веры в составе универсалии.

Гуманизм как универсалия не может быть целиком отнесен к сфере рационального знания или, иначе говоря, его познание не может быть предельно рационализировано. Его невозможно исчерпывающе понять в процессе научного познания [Полюшкевич, 2011]. Из кантовской идеи границы вытекало то, что по мировоззренческим вопросам нельзя дать окончательных ответов. Мировоззрение не конститутивно, а регулятивно, и полученные знания скорее указывают дальнейшее направление движения, и поэтому каждый раз нужна осторожность, открытость новому, нужно доверие, вера в возможность необычного.

Можно предположить, что вера как первоначальное «знание» имела важнейшее значение для исследования генезиса гуманизма. В истории философии понимание веры, как структурной единицы универсалии, развивалось в смысле, близком к убежденности. В теории познания вера представляла санкционирующим фактором, определяющим, в том числе, принятие идеи без достаточного основания. Это субъективный ориентир, придающий идеям живость, стойкость и прочность. Прагматическую веру выделял еще И. Кант. В его трак-

товке, это субъективное оправдание возможности достижения цели и ее реализации в процессе деятельности. Великий философ развивал мысль, что без веры нет постоянства в познании, образ мыслей будет колебаться между практическими велениями и теоретическими со-мнениями.

Вера действительно обнаруживается во всяком процессе практической и познавательной деятельности и представляет собой принятие чего-либо как ценного и справедливого при отсутствии достаточного обоснования. Сам феномен веры может отражать правильное или превратно истолкованное явление. Критерием способна выступить практика, а вера с трудом укладывается в антитезу «истинное – ложное», ибо в ней может быть заключено конкретное соотношение частей этой антитезы.

Хотелось бы подчеркнуть, что в практической жизни жесткая дифференциация знания и веры является скорее удобным приемом, позволяющим исследовать эти формы самоутверждения человека в их чистоте, на практике она редко оправдывает себя и прежде всего потому, что существует множество переходных форм, которые функционируют на уровне культуры общества, воспроизводятся противоречиями общественной практики и трудностями освоения человеком научных точек зрения [Решетников, 2016]. Свои особенности имеет религиозная вера. Определенное выражение тождество знания и религиозной веры получило в софиологических концепциях С. Булгакова, В. Соловьева.

В связи с этим можно представить проблему исследования гуманизма и софиологическими средствами, тем более что для этого имеется солидная отечественная традиция. В русской религиозной философии София предстает как творческая премудрость, она олицетворяет женственное в боге. В «Притчах Соломона» София описывается как художница, стоящая рядом с богом, как домохозяйка [Решетников и др., 2016]. Присутствие софийности означает возможность решения вопросов с позиции общего, и поэтому не случайно возникает ряд наук или паранаук, в котором «софия» параллельна «логосу»: технология и технософия, этнология и этнософия, антропология и антропософия, биология и биософия, и т. д.

Впрочем, от времен господства рационалистической марксистской традиции (которая имела свою софийность) у многих отечественных философов существует предубеждение против софиологического подхода, в котором слабо дифференцированы наука и мифология, верифицированные представления и вера. Однако следует помнить, что характерная черта российской философской мысли – осмысление

социальной жизни посредством литературных образов – имела ярко выраженный социологический характер. И это живая традиция.

Итак, универсальность гуманизма проявляется через иерархическую структуру универсальных ценностей, связанных с его генезисом как ответом на потребности сохранения человечества. Она сформировалась на заре человеческой истории через развитие первичных социальных отношений взаимозависимости, перераставших в отношения помощи и взаимоподдержки, в помогающие отношения, основа которых – позитивное социальное действие. Как принцип повседневной жизни, гуманизм призван способствовать укорененности человека как члена семьи, рода, общины, нации; как детерминанта мировоззрения, он помогает реализации развития и саморазвития индивидуально и социально значимого в человеке. Хроносоциальный аспект в восприятии гуманизма позволяет рассматривать его как социокультурную универсалию, которая скрепляет единство поколений и воспроизводство социальных кодов в прошлом, настоящем и будущем.

Список литературы

Кувакин В. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). СПб.: Алетейя; М.: Логос, 1998. 360 с.

Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность. Иркутск, 2011. 221 с.

Полюшкевич О. А. Введение в социальную антропологию управления: Учеб. пособие. Иркутск, 2012. 146 с.

Радуль-Затуловский Я. В. Конфуцианство и его распространение в Японии. 2-е изд. М.: URSS, 2013. 456 с.

Решетников В. А., Полюшкевич О. А., Федчин В. С. Основные направления социального образования // Социодинамика. 2016. № 4. С. 52–58.

Решетников В. А., Полюшкевич О. А., Федчин В. С. Социализация современного гуманизма через процессы региональной идентификации // Социодинамика. 2017. № 12. С. 27–36.

Решетников В. А. Гуманизм – универсалия человеческой истории // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 6–13.

Решетников В. А. Гуманизм как феномен культурно-цивилизационных процессов: Моногр. Иркутск, 2016. 320 с.

Материал поступил в редколлегию 30.07.2018

V. A. Reshetnikov

Irkutsk State University
1 Karl Marx Str, Irkutsk, 664003, Russian Federation

reshetnikova_ekaterina80@mail.ru

HUMANISTIC FOUNDATIONS OF HUMAN HISTORY

The paper considers the humanistic foundations of human history, analyzes the worldview principles of humanism as the basic mode of social reality. The principles of socio-cultural dynamics through humanistic principles of the evolution of man and society are considered, general humanistic principles are revealed. The text explores the conditions and principles for the birth and development of humanism, its socializing and reproducing social reality functions. Social and human evolution are considered in the context of the development of humanism ideas in social and humanitarian knowledge and various options for its application in social reality. Society is seen as an environment for the construction of humanistic values and ideals, and man as their carrier. The interaction of society with man and vice versa makes it possible to talk about the consolidation and preservation of socio-cultural codes of humanism in human history.

Keywords: humanism, human history, humanistic principles, humanistic principles.

References

Kuvakin V. *Tvoi rai i ad: Chelovechnost' i beschelovechnost' cheloveka (Filosofiya, psikhologiya i stil' myshleniya gumanizma)* [Your Heaven and Hell: Humanity and Inhumanity of Man (Philosophy, Psychology and Style of Thinking of Humanism)]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., Moscow, Logos Publ., 1998. (In Russ.)

Polyushkevich O. A. *Sotsiokulturnaya solidarnost* [Social and Cultural Solidarity]. Irkutsk, 2011. (In Russ.)

Polyushkevich O. A. *Vvedeniye v sotsialnuyu antropologiyu upravleniya* [Introduction to social anthropology management]. Irkutsk, 2012. (In Russ.)

Radul-Zatulovsky Ya. V. *Konfutsianstvo i ego rasprostranenie v Yaponii* [*Confucianism and its Distribution in Japan*]. Moscow, URSS, 2013. (In Russ.)

Reshetnikov V. A., Polyushkevich O. A., Fedchin V. S. Osnovnye napravleniya sotsialnogo obrazovaniya [The main directions of social education]. *Sotsiodinamika* [*Socio Dynamics*], 2016, no. 4, p. 52–58. (In Russ.)

Reshetnikov V. A., Polyushkevich O. A., Fedchin V. S. Sotsializatsiya sovremennogo gumanizma cherez protsessy regionalnoi identifikatsii [Socialization of modern humanism through the processes of regional identification]. *Sotsiodinamika* [*Socio Dynamics*], 2017, no. 12, p. 27–36. (In Russ.)

Reshetnikov V. A. Gumanizm – universal'naia chelovecheskoi istorii [Humanism – universal of human history]. *Sotsialnaya konsolidatsiya i sotsialnoe vosproizvodstvo sovremennogo rossiiskogo obshchestva: resursy, problemy i perspektivy* [*Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems and Prospects*]. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2016, p. 6–13. (In Russ.)

Reshetnikov V. A. *Gumanizm kak fenomen kulturno-tsivilizatsionnykh protsessov* [*Humanism as a Phenomenon of Cultural and Civilizational Processes*]. Irkutsk, 2016. (In Russ.)

УДК 1:3; 001.8:3

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-70-80

В. В. Самсонов

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

highbook@yandex.ru

ОТ ПРОБЛЕМНОГО К РИСКО-ПРОГНОЗНОМУ АНАЛИЗУ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АППАРАТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Исследуется трансформация понятийно-концептуального аппарата современных социальных наук, характеризующаяся сдвигом от социально-проблемного к риско-прогнозному анализу социальных трансформаций. Показано, что данные концептуальные, теоретические изменения обусловлены внутренней логикой развития науки, постепенно перешедшей в анализе социальных явлений от изучения неблагоприятных эффектов социальных изменений и симптомов социальных отклонений к причинам, порождающим социально-проблемные ситуации.

Ключевые слова: социальные проблемы и отклонения, институциональные факторы, социокультурные детерминанты, социальные риски, неопределенность, прогноз.

Масштабные трансформации современной эпохи, затрагивающие как глобальный, так и локальные уровни социальной реальности, требуют для своего адекватного осмысления и описания соответствующего изменения методологии и даже языка научного анализа (концептуально-методологических рамок исследований, их «фреймов»). Одним из слабо отрефлектированных аспектов современной трансформации социальных наук, адекватной новым практическим запросам, выступает изменение понятийного научного аппарата, в частности, характеризующееся сдвигом фокуса анализа от социальных проблем и отклонений (девиаций) к концептам неопределенности и риска. Складывается такая ситуация, что в последние десятилетия практически не появляются новые исследования, в названиях которых фигурируют понятия проблем и девиации, и это позволяет не-

которым современным аналитикам-методологам говорить об упадке или даже смерти соответствующей исследовательской специализации [Sumner, 1994]. И если социальные проблемы и социальные отклонения подробно рассматриваются преимущественно в справочной и учебной литературе, то концепция рисков является одним из главных направлений социально-теоретических исследований, а факторы риска и неопределенности выступают неотъемлемым атрибутом значительной части современных аналитических исследовательских моделей.

Как представляется, сдвиг социальных наук от социально-проблемного к риско-прогнозному анализу определяется не только возросшими запросами к практической ценности исследований (если выявление проблем носит скорее констатирующий характер и, как правило, фиксирует негативные эффекты уже реализованных мероприятий, то анализ рисков имеет прогнозный характер и направлен на предотвращение возможных негативных последствий). Как будет показано далее, данный методологически-концептуальный поворот предопределен эволюцией в социологическом понимании социальных проблем – т. е. поворот социального теоретизирования от проблем к рискам в значительной степени обусловлен внутренней логикой развития научного знания.

Первоначально понимание проблем в социологии и социальной психологии задается медицинской моделью, утверждающей существование «универсальных критериев нормальности» и, соответственно, стандартов поведения. В узких рамках такого подхода социальные проблемы связаны с «отклоняющимся» поведением индивидов или определенных социальных групп, нарушающих нормы, вследствие «умственной ограниченности, психического расстройства, недостатка образования или неполной социализации» [Eitzen, Vasa-Zinn, 1986. P. 6–7]. Иными словами, такой подход связывал социальные проблемы с недостатками отдельных субъектов, с их патологиями, которые рассматриваются как источник неприятностей. Подобное понимание близко к обыденному восприятию, наделяющему социальный порядок «аурой непогрешимости», освященной традициями и обычаями, с позицией «большинства», полагающего себя законопослушным и действующим «правильно», в отличие от девиантов, которые вследствие необычных биографических обстоятельств (несчастных случаев, болезней, личных недостатков, недостатков характера или «плохого» воспитания), собственно, и являются проблемой.

Подход, основанный на признании личной ответственности «проблемных» индивидов и социальных групп за их исключение из нормальной социальной жизни, воспринимается впоследствии социал-дарвинизмом, пытающимся применить эволюционно-адаптационную схему Чарльза Дарвина к социальному миру. Суть социально-дарвинистской точки зрения заключается в том, что расы, культуры или социальные группы, занимающие высшие позиции в социальной иерархии, заслуживают этого, поскольку они в наибольшей степени отвечают на вызовы среды. Герберт Спенсер, один из видных представителей социал-дарвинизма, фактически воспроизводил бытовые стереотипы («бедные ленивы, поэтому и бедны»), когда утверждал, что «бедные бедны, потому что они не адаптированы», а «нищета – это способ природы устранять... нездоровых, слабоумных, медлительных, колеблющихся членов общества, чтобы освободить место для успешно адаптирующихся» [Eitzen, Baca-Zinn, 1986. P. 170]. Социальные дарвинисты выступали противниками программ социальной поддержки, поскольку они увековечивают существование «непригодной» группы, которая, вероятно, исчезнет в случае сокращения помощи им от общества (а вместе с ними – и тех проблем, которые она олицетворяют).

Современные социологи, критикующие редукцию социальных проблем к личной или групповой ответственности «отклоняющихся» субъектов, указывают на вполне очевидные недостатки такого подхода, концентрирующегося на симптомах социальных проблем, а не на самих проблемах, и упускающего из внимания институты и условия, генерирующие отклонения, т. е. фактически освобождающего экономические и властные организации, систему образования (как и другие системные учреждения) от всякой ответственности.

Неадекватность «личностного подхода» к объяснению социальных проблем современного общества имеет не только теоретическое значение, она ярко проявляется в дисфункциях и практических неудачах традиционных политик и программ, направленных на борьбу с общественными пороками и ориентированных на контроль над девиантными субъектами, их перевоспитание, реабилитацию или психотерапию. Наиболее яркими (и наиболее активно критикуемыми специалистами) образцами здесь выступают традиционная антинаркотическая политика (ужесточение которой вызывает лишь усложнение соответствующих проблем) и общепризнанный провал традиционной пенитенциарной системы (порождающей такое явление, как рецидивизм преступности, показатели которого повсеместно крайне высоки).

Таким образом, и теоретический анализ, и социальная практика показывают оправданность и логичность современного поворота в понимании социальных проблем, который характеризуется сдвигом фокуса исследований на институционально-системный уровень, генерирующий условия для воспроизводства социальных отклонений и деприваций. Ключевым условием системного переосмысления социальных проблем, анализ которых теперь обязательно включает в себя условия, генерирующие психологические и материальные депривации для определенной категории индивидов, является социологическое воображение, позволяющее «связать воедино индивидуальные переживания, опыт и более масштабное видение общества, а также осознать, что индивидуальные обстоятельства неразрывно связаны со структурным устройством социума» [Kendall, 1998. P. 7]. Если обычно люди не могут осознать взаимосвязь своего биографического опыта и хода мировой истории, проблем своей повседневной жизни и институциональных противоречий, то воображение социолога стимулируется стремлением рассматривать социальный мир с точки зрения «других», что позволяет переходить от мыслей об индивиде и его проблемах к сосредоточению на социальных, экономических и исторических обстоятельствах, которые порождают проблемы.

Социологическое воображение позволяет выработать социально-системную трактовку предмета проблемно-ориентированных исследований, которые теперь понимаются как совокупность контекстуальных факторов более общего порядка, чем сфера опыта и ответственности отдельных индивидов и групп, которые генерируют социальные депривации и отклонения.

Современная социология рисков сформировалась в рамках критической рефлексии над идеями У. Бека (понимавшего риск как рациональную стратегию преобразования неопределенности в определенность) и представлена социокультурным, конструктивистским, неоинституциональным, управленческим подходами. Объединяет их то, что риски трактуются как продукты социальных взаимодействий, которые глубоко погружены в социальные структуры, зависимы от внешнего контекста, а степень уязвимости различных социальных групп определяется их местом в социальной иерархии общества. Современная социология риска испытывает значительное влияние социального конструктивизма. Так, представители социокультурного подхода, развивая концепцию «культуры риска», настаивают на том, что «представления и, поэтому, способы индивидуального обращения с рисками в повседневной жизни, неизбежно

опосредованы через членство в культурах и субкультурах, так же как через личный опыт. Знания о риске, поэтому, являются историческими и локальными. То, что мы могли бы воспринимать, как 'рисковое' в одну эпоху в определенной локальности, больше не может так же рассматриваться в более поздний период или в другом месте». Подытоживая, следует признать, что «знания о риске неизменно контекстны и оспоримы – в отношении их характера, контроля над ними и относительно виновников их возникновения» [Lash, 2000. P. 47]. Субъекты риска находятся под сильным влиянием своего культурного контекста и вырабатывают свое собственное знание о рисках, обращаясь к различным конкурирующим, а иногда и противоречащим друг другу системам знаний, которые доступны им в различных жизненных ситуациях. Люди создают это «частное» знание на основании своего жизненного опыта и во взаимодействии с контекстами, другими людьми, под влиянием СМИ, экспертного и научного знания, при этом экспертное знание – только один ориентир среди других. Вдобавок, эти процессы включены в производство собственных идентичностей, которые, в свою очередь, эмоционально и эстетически включены в повседневную жизнь человека. Кроме того, формирование идентичности имеет большое влияние на способы, которыми люди чувствуют и рискуют. Таким образом, такое рискованное поведение, как курение, может быть понято в контексте идентичности и членстве в социальных группах. Социально-структурные факторы социального класса, пола, этнической принадлежности, рассматриваемые как источник ресурсов и власти (или же как причина их нехватки), как предполагается, влияют на восприятие риска и поведение, предопределяя различные результаты в различных контекстах. Поскольку риски многомерны, то и рискованное поведение может быть в чем-то оценено положительно, а в чем-то отрицательно [Tulloch, Lupton, 2003].

Наиболее общее понятие социального риска отражает меру опасности ситуаций, в которых имеются потенциальные факторы, способные неблагоприятно воздействовать на человека, общество и природу, но каждая форма социальной жизни в определенный период времени имеет собственный «портфель», или набор рисков, однако их состояние в первую очередь зависит от паттернов развития региональных / локальных социальных систем. Социальные риски не являются следствием причин, обусловленных природными или технологическими процессами, а также индивидуальными биологическими и поведенческими особенностями отдельных индивидов, они порождаются обществом в процессе его функционирования и представ-

ляют собой комплексный результат различных действий множества социальных субъектов и затрагивают функционирование всего общества или отдельных его институтов.

Эмпирические исследования социальных рисков сконцентрированы на анализе взаимосвязей между бедностью, риском и развитием, технологическими инновациями. Отмечается, что общие категории риска относятся ко всем обществам, однако набор и острота рисков различаются в зависимости от уровня развития общества или места социальной группы, индивидов в глобальной социально-властной иерархии. Хотя риски и становятся универсальными, социально-структурная дифференциация предопределяет, впрочем, как и всегда, «притяжение» рисков и социальных лишений к полюсу бедности: «Бедность притягивает к себе несчастливый избыток рисков» [Бек, 2000]. «Риски концентрируются в бедных государствах, богатство же может купить себе большую безопасность. Более того, богатые государства выигрывают от рисков, которые они же и порождают, например, создавая и продавая технологии, способствующие предотвращению рисков или преодолению их неблагоприятных последствий» [Нысанбаев, Дунаев, 2013. С. 39].

Факторы риска, связанные с изоляцией большинства бедных сообществ в отсталых странах, простираются от экологических опасностей до институциональных условий (обуславливающих широкие масштабы занятости в незащищенном неформальном секторе и неустойчивость локальных / региональных экономик, коррумпированность, некомпетентность управленческих систем) и сугубо экономических факторов (ограниченная интеграция рынков). Социальные риски образуются взаимодействием четырех измерений: демография, рынок труда, система благосостояния, социальные взаимосвязи. При этом поскольку отсталые экономики развивающихся стран более подвержены рискам, то и бедное население этих государств имеет меньше возможностей для адаптации.

Критическое направление, восходящее к социально-политическим взглядам Мишеля Фуко и сосредоточенное на системно-властных аспектах формирования концепта риска (подход *governmentality*), оспаривает восходящее к У. Беку представление о рисках за его узость, поскольку оно упускает значение неопределенности как «характерной модальности либерального управления», с уважением относящегося к «позитивной и инициативной сторонам рисков». На социальном уровне некоторые авторы, придерживающиеся данного политико-критического подхода, интерпретируют риск как новый метанарратив, связанный с (нео)либеральными проектами управле-

ния. Осознание риска как стержневого компонента новой социальной онтологии и внимание к риску представляются как базовые функции изменений в социальной политике, сдвига от коммунитарных ценностей к предпочтению индивидуального выбора и основанного на нем действия. Новый акцент отражает социальные и культурные изменения, которые отдают приоритет конструированию самоидентичности и образу жизни, отрицающему коллективистский идеал государства всеобщего благоденствия. Соответствующие исследования в различных сферах (главным образом, уголовная политика, социальное обеспечение и политика в области здравоохранения) демонстрируют, как изменение институциональной политики и публичного дискурса таким образом трансформирует социальные проблемы и риски, что состояние опасности предстает как что-то нуждающееся в индивидуальных ответах [Kelly, 2001].

Критическое направление в современных социальных науках, акцентирующее внимание на социально-властных противоречиях в социуме, подчеркивает роль различного рода неравенств в создании и воспроизводстве уязвимостей и опасностей для «групп риска», как «результата взаимодействия между рисками и властью», а также диспропорциональную уязвимость к рискам различных социальных групп, основывающуюся преимущественно на социально-структурном неравенстве.

Например, ураган «Катрина» в США в 2005 г. привел к непропорциональному разрушению имущества и гибели представителей различных групп населения, учитывая их классовую, этническую, гендерную дифференциацию. Последствия этой природной катастрофы (казалось бы, чрезвычайного события, независимого от воли людей) иллюстрируют «гневное воплощение» социальной обусловленности уязвимостей к рискам, «поскольку катастрофы не поднимаются из вакуума, но постепенно и повседневно формируются политическими, социальными и экономическими силами, контролирующими общественную сферу» [Freudenburg et al., 2007]. Этот пример показывает, что имеющие социальный характер риски могут проявляться как чрезвычайные события, на первый взгляд не имеющие никакой связи с пороками социально-властной системы, а также демонстрируют дисфункции учреждений и организаций, создаваемых для минимизации рисков и их опасных последствий, их неадекватность возлагаемым на них задачам, – глубинно связанную с институциональным, властным устройством общества, а также тем, что их организация и принципы функционирования более соответствуют сложившемуся институциональному дизайну, чем принципам и потребностям ри-

ско-кризисного управления, принципиально отличающегося от любого «нормального».

Можно отметить, что некоторые катастрофические события, произошедшие в нашей стране в 2018 г., подтверждают обоснованность социально-критического дискурса в исследованиях риска – причем оба основных тезиса критического направления (как о диспропорциональной уязвимости к рискам различных социальных групп, основывающейся на социально-структурном неравенстве, так и о неадекватности действий в чрезвычайных ситуациях учреждений и организаций, создаваемых для минимизации рисков, что обусловлено факторами несовершенства организационных структур, более приспособленных к сложившемуся институциональному дизайну системы, чем к вызовам, с которыми они сталкиваются в силу специфики своей деятельности). Так, во время пожара в ТРЦ «Зимняя вишня» в г. Кемерово наибольшее число жертв оказалось среди воспитанников сельских школ – хотя в сельской местности проживает около 20 % населения области. Чтобы понять, что гибель именно сельских детей в торгово-развлекательном центре, построенном и функционирующем с нарушениями правил безопасности (позволяющими снижать себестоимость товаров и услуг, реализуемых в нем), не является абсолютной случайностью – следует иметь в виду, что в основном жители сельской местности сталкиваются с проблемами и рисками, обусловленными двойной сегрегацией: как по отраслевому признаку (самая низкая заработная плата в стране у работников сельского хозяйства), так и по территориальному признаку (жизнь российской деревни традиционно характеризуется низким уровнем развития социальной инфраструктуры и досуговой сферы, а в современной ситуации неравенство жизненных возможностей между жителями города и села только усилилось). Иными словами, диспропорциональное число жертв среди представителей одной из наиболее депривированных социально-территориальных групп населения (к тому же еще и с ограниченными в силу возраста дееспособностью и возможностями) при пользовании услугами предприятия, умышленно снижающего требования к безопасности клиентов в погоне за снижением себестоимости своих услуг (и максимальным охватом клиентов), представляется скорее результатом статистического распределения, чем просто случайностью.

Кризис, развернувшийся весной этого года в Подмоскowie, связанный с проблемой утилизации мусора, производимого жителями Москвы (наиболее крупного и обеспеченного мегаполиса страны), дает другой пример (при этом более очевидный) диспропорционального

распределения социальных проблем и рисков среди различных социально-территориальных групп населения, их социально-структурного неравенства и дисфункций институтов по управлению рисками. С одной стороны, ситуация характеризуется явным неравенством распределения экологических рисков, вызванных жизнедеятельностью «большого города» и переносимых на жителей депрессивной провинции, а с другой – ситуация свидетельствует о системном характере данного кризиса (укорененного в сложившейся системе взаимодействия бизнеса и власти) и неспособности соответствующих институтов и организаций оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации подобного рода, угрожающие жизни и здоровью широких масс населения, в результате чего кризис приобрел затяжной характер и распространился на соседние регионы.

Итак, проведенный анализ показывает, на наш взгляд, не только взаимозаменяемость терминологии риско- и проблемно-ориентированных исследований, при условии достаточного глубокого и системного анализа явлений, но и, возможно, неудовлетворительность, неадекватность терминологии тем явлениям, которые исследователи ранее пытались осмыслить как «проблемы», а потом как «риски». Сама взаимопроницаемость концептуальных построений, внешне развивающихся из совершенно различных парадигм, может трактоваться как свидетельство их неудовлетворительности для научно-исследовательской рефлексии (в том числе и используемой терминологии), принципиальной неточности и неспособности комплексного отражения изучаемых явлений и процессов. Если наблюдения, сделанные в данной работе, верны, то можно предположить, что в недалеком будущем понятийный аппарат социальных наук ожидает пополнение новыми концептуальными конструктами для описания и понимания феноменов, первоначально исследуемых как «проблемы», а позже, в наши дни, – как «риски».

Список литературы

Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Нысанбаев А. Н., Дунаев В. Ю. Об инновационных технологиях социально-политического риск-менеджмента в Казахстане // GISAP. Sociological, political and military sciences. 2013. № 1. С. 36–42.

Eitzen D. S., Baca-Zinn M. Social Problems. 3rd ed. Boston: Allyn and Bacon, 1986.

Freudenburg W. R., Gramling S. L., Erikson K. T. Katrina: Unlearned Lessons // *World Watch*. 2007. No. 20 (5). P. 14–19.

Kelly P. Youth at Risk: processes of individualisation and responsabilisation in the risk society // *Discourse: studies in the cultural politics of education*. 2001. No. 22 (1). P. 23–33.

Kendall D. Social Problems in a Diverse Society. Boston: Allyn and Bacon, 1998.

Lash S. Risk Culture // *The Risk Society and Beyond. Critical Issues for Social Theory*. London: Thousand Oaks, 2000. P. 47–62.

Sumner C. The Sociology of Deviance: An Obituary. New York: Continuum, 1994.

Tulloch J., Lupton D. Risk and everyday life. London: Sage Publications, 2003.

Материал поступил в редколлегию 09.07.2018

V. V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

highbook@yandex.ru

FROM «PROBLEMS» TO «RISKS»: EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF SOCIAL SCIENCES

The paper studies the transformation of the conceptual apparatus of contemporary social sciences, characterized by a shift from a socially-problematic to a risk-predictive analysis of social transformations. It is shown that these conceptual and theoretical changes are conditioned by the internal logic of the development of sociology, which has gradually passed over in the analysis of social phenomena from the study of the adverse effects of social changes and the symptoms of social deviations to the causes of socially problematic situations.

Keywords: social problems and deviations, institutional factors, sociocultural determinants, social risks, uncertainty, prediction.

References

- Bek U. *Obschestvo riska: Na puti k drugomu modern* / Trans. from English. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. (In Russ.)
- Eitzen D. S., Baca-Zinn M. *Social Problems*. 3rd ed. Boston, Allyn and Bacon, 1986.
- Freudenburg W. R., Gramling S. L., Erikson, K. T. Katrina: Unlearned Lessons. *World Watch*, 2007, no. 20 (5), p. 14–19.
- Kelly P. Youth at Risk: processes of individualisation and responsabilisation in the risk society. *Discourse: studies in the cultural politics of education*, 2001, no. 22 (1), p. 23–33.
- Kendall D. *Social Problems in a Diverse Society*. Boston, Allyn and Bacon, 1998.
- Lash S. Risk Culture. *The Risk Society and Beyond. Critical Issues for Social Theory*. London, Thousand Oaks, 2000, p. 47–62.
- Nysanbaev A. N., Dunaev V. Yu. Ob innovatsionnykh tekhnologiyakh sotsial'no-politicheskogo risk-menedzhmenta v Kazakhstane [On innovative technologies of socio-political risk management in Kazakhstan]. *GIS-AP. Sociological, political and military sciences*, 2013, no. 1, p. 36–42. (In Russ.)
- Sumner C. *The Sociology of Deviance: An Obituary*. New York, Continuum, 1994.
- Tulloch J., Lupton D. *Risk and everyday life*. London, Sage Publications, 2003.

УДК 172.1+321

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-81-88

А. А. Обухов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

a.obukhov@nsu.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЭЛИТОГЕНЕЗУ

Традиционной проблемой демократического устройства общества является несоответствие между утопической концепцией общенародного выбора наиболее достойных членов во властные структуры и реальным положением вещей, когда представители правящих элит используют власть в личных целях, игнорируя потребности общества, и искажают выборный процесс, применяя манипулятивные технологии (Дж. Робинсон, Г. Алмонд и др.). Цель работы – содержательно объяснить причины отклоняющегося (оппортунистического) поведения представителей правящих элит при принятии социально значимых решений, используя модель рынков с асимметричной информацией Дж. Акерлоффа. При неравном доступе к информационным потокам, «плохие» кандидаты на выборные должности вытесняют «хороших» в соответствии с принципами «негативного отбора». Непреодолимый характер описанных ограничений демократического подхода к элитогенезу свидетельствует о наличии фундаментальных ограничений применимости демократического способа формирования правящих элит, а также необходимости поиска альтернативных способов формирования властных структур.

Ключевые слова: демократия, элитогенез, асимметрия информации, проблема негативного отбора, Дж. Акерлофф.

Демократия, процессы ее институционализации, а также необходимые для этого условия и характеристики представляют собой предмет классического исследования (см., например, работы С. Липсета [Lipset, 1960], Г. Алмонда и С. Вербы [Almond, Verba, 1963], Б. Мура [Moore, 1966] и др.). Важное место в указанных «классических» работах занимают исследования поведения субъектов демократического общества – политических элит и населения государств. В современном социально-философском и политологическом дискурсе часто противопоставляются два подхода к демократии: первый имплицит-

но принимает демократию, как наилучший из возможных способов государственного устройства (см., например: [Сен, 2016; Тилли, 2007; Przeworski, 2005; Shedler, 2001] и др.), а второй делает акцент на проблемах и недостатках демократического развития (см., например: [O'Donnel, 1996; Morlino, 2005] и др.). С учетом того, что термин «демократия» в различных исследованиях может трактоваться по-разному, определим его через признаки, перечисленные П. В. Алексеевым: «...признание воли большинства, как источника власти, установление и соблюдение прав и свобод граждан, их равноправия, возможность управлять процессами общественной жизни, выборность основных органов власти, верховенство закона» [2017. С. 49]. Представляется, что одной из наиболее значимых проблем демократического общества является разрыв между идеальной моделью, в рамках которой демократические выборы позволяют осуществить всенародное избрание наиболее достойных членов общества на ключевые должности, например, связанные с управлением государством, и реальной ситуацией, когда процедура выборов, будучи неустойчивой к манипуляциям со стороны действующей элиты, приводит к тому, что принимаемые решения в большинстве случаев отражают интересы ограниченного числа лиц, обладающих властными полномочиями. Например, такая процедура не обеспечивает отсеивание недобросовестных кандидатов на замещение выборных должностей, что ведет к росту коррупции и социального неравенства¹.

Ниже мы рассмотрим перенос экономической модели изучения рынков с асимметричной информацией, а именно модели рынка «лимонов» Джорджа Акерлова [Akerlof, 1970] в иное по отношению к рыночной экономике (для условий которой она разрабатывалась) проблемное поле. Так, предлагается рассматривать процесс демократических выборов в качестве своеобразного рынка, где избиратели играют роль «покупателей», а кандидаты на выборные должности – «продавцов». На таком рынке отмечается явная асимметрия информации в пользу кандидатов (например, возникающая вследствие использования манипулятивных технологий), что позволяет применять для описания выборной процедуры формирования политических

¹ Современные российские исследователи, занимающиеся анализом проблем элитогенеза, как правило, подчеркивают структурные трансформации российской политической и бизнес элиты, происходившие с начала 2000-х гг., основанные на «милитизации», то есть вхождении военных и представителей силовых структур во власть и крупный бизнес (см., например: [Крыштановская, 2005]). Наш подход отличается попыткой переноса рыночных моделей информационной асимметрии в проблемное поле демократического элитогенеза, как метода отбора влияющих на него факторов.

элит экономико-математическую модель, предложенную Дж. Акерловым. Мы утверждаем, что демократическая выборность правящей элиты в комплексе с неизбежно возникающей информационной асимметрией вызывает неэффективность демократического способа элитогенеза, что содержательно укрепляет аргументацию его критиков в научном и политическом сообществах.

Рынок «лимонов» Дж. Акерлова и демократический элитогенез

Методологическую основу проводимого исследования составляет модель изучения рынков с асимметричной информацией. Рассмотрим ее классическую постановку. В экономической теории рынком с асимметричной информацией считается рынок, на котором один из взаимодействующих агентов (как правило, это продавец) обладает большей полнотой информации о каких-либо значимых условиях сделки. Ярким примером может служить рынок подержанных автомобилей, который рассматривал Дж. Акерлов в качестве иллюстрации к своей теории, изложенной в работе «Рынок “лимонов”: неопределенность качества и рыночный механизм» 1970 г. [Akerlof, 1970]². В качестве базовых предпосылок модели Дж. Акерлов постулирует следующие тезисы.

1. Продавец подержанного автомобиля в большинстве случаев обладает большей полнотой информации в отношении его истинного технического состояния (качества товара в широком толковании), нежели покупатель.

2. Все автомобили условно делятся на две категории: «хорошие» и «плохие» (со скрытыми дефектами).

В этих условиях, поскольку проверка качества автомобиля влечет дополнительные расходы со стороны покупателя, а также не гарантирует достоверность полученных сведений о качестве приобретаемого товара, покупатель ожидает некую «средневзвешенную» машину со «средневзвешенным» качеством. С учетом изложенного, покупатель готов будет заплатить некую средневзвешенную цену. Важным содержательным выводом из этого является то, что в таких условиях продавец качественного товара не сможет продать его за полную

² Отметим, что за развитие теории рынков с асимметричной информацией в 2001 г. Дж. Акерлов, а также М. Спенс и Дж. Стиглиц получили Нобелевскую премию по экономике. См.: «Press Release of the Royal Swedish Academy of Sciences», 10 October 2001. URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2001/press.html (дата обращения 25.06.2018).

цену, ожидаемую им и воспринимаемую им в качестве справедливой. В связи с этим такой продавец будет вынужден уйти с рынка. Этот эффект, когда «плохие» продавцы вытесняют с рынка «хороших», получил название проблемы «неблагоприятного отбора» [Akerlof, 1970. P. 490].

Экстраполируем приведенные рассуждения на процесс демократических выборов. Достаточно очевидно, что кандидат на тот или иной пост (выборного должностного лица, либо депутата) также может быть либо «хорошим» (соответствующим «идеальной» модели демократического выбора элит), либо «плохим» (склонным к коррупции, личному обогащению за счет занимаемой должности, продвижению интересов аффилированных с ним лиц и организаций). При этом явно в условиях асимметрии информации (т. е. когда можно скрыть свое «истинное лицо») быть «плохим» с точки зрения экономической рациональности, понимаемой как максимизация личной полезности, более выгодно. Тогда, поскольку ситуация имеет определенное сходство с классическим рынком «лимонов» Дж. Акерлова, можно сделать вывод о том, что постепенно «плохие» кандидаты будут вытеснять «хороших». Этот вывод может объяснить, например, высокий уровень коррумпированности депутатов, сенаторов и иных представителей выборной части политической элиты, которую можно наблюдать в подавляющем большинстве государств с демократическим устройством. При этом, обратим внимание, что обозначенная проблема не является следствием каких-либо внешних воздействий на демократическую систему, а выступает прямым следствием ее «архитектуры», и поэтому неизбежно ей присуща. Возникновение проблемы «негативного отбора» можно рассматривать как институциональное ограничение демократического подхода к формированию политической элиты. Рассмотрим ряд контраргументов, которые могут скомпенсировать отмеченное ограничение демократического способа формирования правящих элит.

Способы преодоления ограничений демократического подхода к формированию политической элиты

Наиболее естественным средством сглаживания возникающих расхождений между идеальной и реальной моделями демократических выборов является формирование общественных институтов, компенсирующих возникающую асимметрию информации для общества и представляющих собой механизмы контроля и ограничения «плохих» кандидатов в возможностях участия в выборном процессе.

Применяя экономическую терминологию, можно сказать, что необходимо создание «рыночных барьеров», препятствующих входу на него «плохих» кандидатов. Такого рода барьеры можно разделить на внутренние (присущие самому кандидату) и внешние (вытекающие из окружающей его обстановки). К внешним целесообразно отнести 1) независимые средства массовой информации, обеспечивающие выход из положения, когда доступ участников «рынка» не равномерен, а также 2) независимую правоприменительную и судебную систему, позволяющую пресекать противоправную деятельность лиц, безотносительно их социального положения. К группе внутренних факторов можно отнести 3) систему ценностей самого кандидата, которая, будучи сформированной на принципах соблюдения закона, верховенства общественных интересов при осуществлении государственной деятельности, а также нетерпимости к негативным проявлениям в своей социальной среде, будет в значительной степени препятствовать оппортунистическому (отклоняющемуся от принятых норм) поведению, как со стороны самого индивида, так и в его окружении. Возможна ли практическая реализация указанных возможностей по недопущению «негативного отбора» в политической элите общества?

Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать особенности современного общества, а именно его «постиндустриальный» характер. В условиях постоянного динамичного развития средств обработки, хранения и передачи информации, а также технологий социальной инженерии, процесс выборов в значительной степени превращается в конкурентную борьбу между командами политтехнологов в области манипуляции общественным сознанием. Соответственно, конкурентное преимущество будет у тех, кто обладает сравнительно большими финансовыми возможностями, чем у конкурентов. Вероятнее всего, такими возможностями будут располагать «плохие» кандидаты, используя должностное положение в целях привлечения дополнительных финансовых ресурсов. Это еще более усугубляет проблему «негативного отбора», способствуя ускоренному вытеснению «хороших» кандидатов «плохими», поскольку, обладая возможностями по манипулированию позицией СМИ, «плохие» кандидаты могут компрометировать «хороших», выдвигая против них ложные обвинения. Аналогичная ситуация возникает в отношении условно независимой правоприменительной системы. «Плохие» кандидаты, попавшие во властные структуры, опасаясь за свою личную безопасность, начинают активно устанавливать деловые и дружеские связи в правоохранительных и судебных органах, которыми затем активно

пользуются в целях предотвращения наступления либо минимизации для себя негативных последствий в случае, если их противоправная деятельность станет достоянием гласности.

Достаточно действенным механизмом, в какой-то мере способным нейтрализовать действие институциональных ограничений демократического подхода к элитогенезу, является формирование у индивида соответствующей системы ценностей. Вместе с тем этот способ преодоления выявленных ограничений демократического подхода также нельзя считать универсальным, поскольку формирование у значительной части общества требуемой системы ценностей представляет определенную сложность. Например, в соответствии с принципами конструктивной аксиологии, формирование новой системы ценностей должно происходить посредством «систематической рефлексии над образом жизни, социально значимыми решениями организации, социального института, общества, мирового сообщества, причем в контексте современных и ожидаемых глобальных и локальных проблем» [Розов, 1998. С. 111]. Надо отметить, что сложным является не только формирование такой системы ценностей, но и ее поддержание на протяжении достаточно длительного промежутка времени.

Рассмотренные способы преодоления проблемы «негативного отбора» не позволяют выявить достаточно действенных способов компенсации неэффективности демократического подхода к процедуре выборов. На наш взгляд, это содержательно укрепляет аргументацию и позиции критиков демократии.

Список литературы

Алексеев П. В. Социальная философия. М.: Проспект, 2017.

Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск, 1998.

Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016.

Тилли Ч. Демократия. М.: Ин-т общественного проектирования, 2007.

Akerlof G. A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84. P. 488–500.

Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1989.

Lipset S. M. Political Man: The Social Bases of Politics. New York, 1960.

Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Aylesbury, 1966.

Morlino L. Anchors and Democratic Change // Comparative Political Studies. 2005. Vol. 38. No. 7. P. 743–770.

O'Donnell G. Illusions About Democratization // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 34–51.

Przeworski A. Democracy as an Equilibrium // Public Choice. 2005. Vol. 123. P. 253–273.

Schedler A. Measuring Democratic Consolidation // Studies in Comparative International Development. 2001. Vol. 36. No. 1. P. 66–92.

Материал поступил в редколлегию 12.07.2018

A. A. Obukhov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

a.obukhov@nsu.ru

INSTITUTIONAL RESTRICTIONS OF THE DEMOCRATIC APPROACH TO THE GENESIS OF ELITES

The common problem of the democratic society is the discrepancy between the utopian idea of the nationwide choice of the worthiest members to serve in the governmental bodies and the real state of affairs when representatives of the ruling elites use their power for personal purposes, ignoring the needs of society, and distorting the electoral process using manipulative technologies (J. Robinson, G. Almond and others). The paper aims to explain the reasons for such a deviant (opportunistic) behavior of the ruling elite representatives in a meaningful way when making socially significant decisions, using the markets with asymmetric information model by George Akerlof. With unequal access to information flows, «inappropriate» candidates for elective positions displace «good» candidates in accordance with the principle of «negative selection». The compelling nature of these limitations to the democratic approach for elites origin signifies the existence of fundamental restrictions of the applicability

of democracy, as well as the need to look for the alternative ways to form the governmental bodies.

Keywords: democracy, elites origin, information asymmetry, negative selection, G. Akerlof.

References

Alekseev P. V. *Sotsialnaya filosofiya [Social Philosophy]*. Moscow, Prospekt Publ., 2017. (In Russ.)

Kryshantovskaya O. V. *Anatomiya rossiiskoi elity [The Anatomy of Russian Elites]*, Moscow, Zaharov Publ., 2005. (In Russ.)

Rozov N. S. *Tsenosti v problemnom mire: filosofskie osnovaniya i sotsialnye prilozheniya konstruktivnoi aksiologii [Values in the Problematic World: Philosophical Bases and Social Applications Constructive Axiology]*. Novosibirsk, 1998. (In Russ.)

Sen A. *Ideya spravedlivosti [Idea of Justice]*. Moscow, Institut Gaidara, 2016. (In Russ.)

Tilli Ch. *Demokratiya [Democracy]*. Moscow, Institut Obschestvennogo Proektirovaniya, 2007. (In Russ.)

Akerlof G. A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*, 1970, vol. 84, p. 488–500.

Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1989.

Lipset S. M. *Political Man: The Social Bases of Politics*. New York, 1960.

Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Aylesbury, 1966.

Morlino L. Anchors and Democratic Change. *Comparative Political Studies*, 2005, vol. 38, no. 7, p. 743–770.

O'Donnell G. Illusions About Democratization. *Journal of Democracy*, 1996, vol. 7, no. 2, p. 34–51.

Przeworski A. Democracy as an Equilibrium. *Public Choice*, 2005, vol. 123, p. 253–273.

Schedler A. Measuring Democratic Consolidation. *Studies in Comparative International Development*, 2001, vol. 36, no. 1, p. 66–92.

УДК 1 (17.03)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-89-99

М. А. Широкова

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия*

mshirokova1@rambler.ru

ИНДИВИДУАЛИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Исследуется значение этических принципов индивидуализма и толерантности в политической этике либерализма с момента зарождения либеральной идеологии до современности. С опорой на концепции российских и зарубежных философов прослеживается связь данных принципов с ситуацией распада и кризиса моральной системы общества эпохи постмодерна. Автор утверждает, что либеральная доктрина в целом оказывает парадоксальное воздействие на моральное сознание современного человека, затрудняя его самоидентификацию.

Ключевые слова: этика, политика, идеология, либерализм, цивилизационная идентичность.

Актуальность темы, прежде всего, сопряжена с безусловной значимостью проблематики политической этики. Несколько столетий назад, с началом модернизационных процессов, политическая наука отделилась от этики и развивалась в рамках юридического, экономического, социологического научного знания, пока не обрела самостоятельного статуса в XX в. А в конце XX – начале XXI в. происходит «ренессанс этики», наблюдается обостренное внимание к этическим проблемам в политике, активное использование этического дискурса в политической полемике, в обосновании политических программ и действий. Хотя сама политическая практика остается в значительной степени автономной от морали, более того, продолжает отдаляться от нее.

С другой стороны, актуальностью обладают вопросы цивилизационной идентичности современного общества и самоидентификации личности. Эта идентичность в значительной степени берет нача-

ло в идеологии западноевропейского либерализма. В данном случае можно говорить о локальной идентичности (идентичности западной цивилизации), которая в дальнейшем приобрела глобальный характер, и ее элементы присутствуют в сознании населения практически всех современных стран, соседствуя и иногда конфликтуя с элементами собственной культурной, национальной, религиозной идентичности.

Из всего многообразия обоснованных в этике принципов либерализма, которые оказались интегрированы в состав доминирующей цивилизационной идентичности, представляется особенно важным выделить два: индивидуализм и толерантность. Принципу индивидуализма была посвящена одна из предшествующих публикаций автора [Широкова, 2018]. Хотелось бы дополнить его характеристику, а также сопоставить индивидуализм с принципом толерантности, поскольку именно их сочетание и составляет специфику либеральной этики. Дело в том, что период зарождения идеологии либерализма, период начала «модерна» во всех сферах общественной жизни, был ознаменован дезинтеграцией самих этих сфер и атомизацией ранее единой социальной системы. Постановка вопроса о толерантности и необходимость обоснования ее как ценности свидетельствуют о формировании иного социального контекста, отличного от контекста традиционной эпохи.

Итак, первый принцип – индивидуализм. В основе западного индивидуализма лежат: гуманистические идеи, развитые в эпоху Возрождения; идеи личного спасения и личной ответственности, введенные в светский дискурс через протестантскую этику; концепция просветителей, утвердивших отдельного индивида в качестве субъекта научного познания и преобразования мира; и, наконец, либеральная идеология, провозгласившая, что основные функции государства состоят в защите прав и свобод личности.

Термин «индивидуализм» включил в идеологический и политический лексикон французский писатель-консерватор Жозеф де Местр в 1820 г. Он использовал это слово, чтобы выразить большую обеспокоенность «глубоким и пугающим разногласием в умах, фрагментацией всяческих доктрин, политическим протестантизмом, доведенным до абсолютного индивидуализма» [Lukes, 1973. P. 594]. Вскоре после де Местра с осуждением индивидуализма выступили А. де Сен-Симон и его последователи. Сенсимонисты придерживались политических взглядов, совершенно противоположных взглядам автора «Рассуждений о Франции». Но и они порицали индивидуализм просветителей XVIII в. с нравственных позиций, за чрезмерное развитие и без того

ярко выраженного эгоистического начала в человеке. Ведь в условиях господства эгоизма невозможна никакая организация и функционирование общества. Индивидуализму представители социалистического направления противопоставили принципы солидарности и взаимовыручки.

В то же время родоначальникам классического либерализма было ясно, что в обществе не может существовать абсолютной свободы поведения. Требуется соблюдение некоторых общих правил, обеспечение общих условий деятельности. Либерализм сочетает индивидуализм с возможностью утверждения таких правил жизни, которые позволили бы избежать взаимных конфликтов, вытекающих из индивидуальных интересов. Таким образом, либерализм пытается примирить этический индивидуализм с идеей порядка в обществе.

И все же, с самого начала многие либеральные мыслители видят противоречие между традиционными нравственными основаниями бытия общества, побуждающими человека к объединению с другими людьми, и теми нравственными идеями, которые выражают стремление к самоутверждению на основе ценностей эмпирического индивидуализированного существования.

Джон Локк считал, что человек обладает неотъемлемыми правами на охрану своей жизни, а главное, на распоряжение собственностью – всем тем, что ему принадлежит. Стремление обеспечить свои права побуждает людей объединяться в политическое сообщество: «Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности» [1988. С. 334]. В число объектов собственности разработчики доктрины либерализма включают и тело индивида. Эта точка зрения означала выход за пределы патриархального понимания отношения человека и общества, в котором все основные параметры индивидуального бытия мыслились как заданные со стороны традиции. В традиционном обществе просто не возникало вопроса о том, может ли человек распоряжаться своим телом, может ли он, например, совершать самоубийство. На такой вопрос заранее давался однозначно отрицательный ответ. Индивидуальное тело еще не воспринималось в качестве собственно индивидуальной ценности. Оно было общественным достоянием, частью коллективного носителя – рода, общины или какой-либо иной социальной группы, а также созданием Бога. Модернизация изменяет подобное восприятие. Становясь хозяином своей судьбы, своего имущества, своего тела, человек в последовательности либеральной позиции приобретает права делать со всем этим все, что он хочет [Разин, 2006. С. 243–244].

Именно поэтому современное западное либеральное общество испытывает, например, сложности с ответом на вопрос о том, на каких основаниях можно запрещать или, по крайней мере, морально осуждать коммерческий секс. Ведь если тело есть собственность, с ним можно делать все, что угодно. В том же ключе обсуждается проблема эвтаназии, возможность продажи органов и т. д. Эту тему исследовали Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Эрих Фромм и мн. др. Так, Жан Бодрийяр пишет в своей работе «Прозрачность зла»: «Право на жизнь заставляет трепетать все набожные души до того момента, пока из него не выводят логически право на смерть, после чего его абсурдность становится очевидной». Французский философ констатирует: «Право неизбежно приобретает пагубную кривизну, в соответствии с которой, если нечто само собой разумеется, то всякое право становится излишним, но если в отношении той или иной вещи возникает необходимость установления права, то это означает, что сама эта вещь приближается к своей гибели» [2000. С. 127–128].

Безусловно, классики либерализма еще не акцентировали внимание на подобных вопросах. Тем не менее в их политических произведениях прослеживается идея о том, что человек как единичный субъект выводится из-под власти группы, ради общего блага которой он фактически жил в традиционных обществах. В либеральном же мировоззрении отношения выстраиваются в обратном порядке: высшей ценностью становится именно отдельный индивид, а общество рассматривается в качестве плохого или хорошего в той мере, в какой оно защищает его права, дает возможности для самовыражения, удовлетворения личного интереса.

Предпринятая философами Просвещения попытка рационально обосновать моральную систему, центром которой является индивид, была с самого начала обречена на неудачу, как утверждает, в частности, американский исследователь проблем современной этики А. Макинтайр. Ведь все участники проекта Просвещения «были на удивление единодушны по поводу содержания и характера предписаний, которые составляют истинную мораль» [2000. С. 76]. Ни у Дидро, ни у Канта, ни у Юма или Смита не вызывал сомнений тот факт, что брак и семья являются ключевыми моральными институтами, или, например, что выполнение обещаний и справедливость в поступках людей достойны всяческого уважения. Макинтайр задается вопросом: «Откуда они унаследовали эти общие для них убеждения?». Ответ для него очевиден: «Ясно, что дело тут в их общем христианском прошлом, в сравнении с которым расхождения между лютеранством Канта и Кьеркегора, пресвитерианством Юма

и католичеством янсенистского толка Дидро являются относительно несущественными» [Там же]. Христианская же этика, в свое время, унаследовала и наполнила религиозным содержанием классическую этику добродетелей Аристотеля. Последняя включала в себя три взаимосвязанных элемента: концепцию естественной, несовершенной человеческой природы, концепцию преобразованной, совершенной человеческой природы и нравственные предписания, позволяющие перейти от несовершенного к совершенному в человеке. Все мыслители Просвещения, отмечает Макинтайр, отвергали телеологический взгляд на человеческую природу, т. е. представление о человеке как о существе, имеющем истинную цель, в которой и заключена его сущность.

Телеологическому взгляду, как известно, в Новое время был противопоставлен взгляд детерминистский. Подмена цели причиной, отказ от противопоставления сущего и должного в человеческой природе означают, что индивид, с точки зрения философов-просветителей, никогда не был лучше и не будет. Однако именно такому индивиду рационально навязываются нормы морали, заимствованные из классической этики, что и предопределило крах проекта Просвещения и аномию морального сознания современного общества, очевидную для Макинтайра.

В идентичности человека и общества эпохи постмодерна принцип индивидуализма находит своеобразное преломление. Британский социолог Зигмунт Бауман создал концепцию «текущей современности», в которой общество предстает как транзитная территория, а человек – как вечный турист, постоянно находящийся «на старте» и не готовый принять на себя никаких постоянных обязательств. Бауман дает такое описание стратегии: «Не допускай эмоциональной привязанности к людям, которых встречаешь на транзитных перекрестках, – чем меньше будешь придавать им значение, тем меньше тебе будет стоить расставание; не допускай слишком сильной привязанности к людям, месту, делу – ты не можешь знать, как долго они продлятся и как долго ты будешь считать их достойными твоих обязательств перед ними; не смотри на свои оборотные средства как на капитал – ценность сбережений быстро падает, и перевозимый некогда “культурный капитал” имеет свойство в мгновение ока превращаться в культурный убыток. А кроме того, не откладывая удовольствие, если можешь получить его сейчас. Ты не знаешь, каким ты станешь потом, ты не знаешь, доставит ли тебе удовольствие завтра то, чего ты хочешь сегодня» [1995. С. 142].

Как видим, индивидуализм ограничивает применение моральных норм, когда они требуют от индивида поступиться своими интересами. Традиционная мораль все больше исключается из социальной, политической, экономической реальности, сферы морального регулирования стремительно сокращаются. Тем не менее моральные суждения, заимствованные из классической этики, продолжают использоваться в качестве решающих аргументов в политических дебатах.

Еще один принцип, практически неизменно присутствующий в либеральной этике – принцип толерантности.

Идея толерантности первоначально декларируется основоположниками либерализма в связи с религиозными войнами XVI–XVII вв. Бертран Рассел, анализируя процесс формирования философского либерализма и стремясь выделить его основные черты, поставил среди них на первое место веротерпимость. Рассел пишет, что, хотя ранний либерализм по своему характеру был протестантским, он отстаивал религиозную терпимость, в противоположность фанатизму как католиков, так и протестантов, и относился к религиозным войнам как к глупости. Либерализм «стремился положить конец политическим и богословским спорам, с тем чтобы освободить энергию для вдохновляющих дел торговли и науки, таких, например, как основание Ост-Индской компании и Английского банка, создание теории тяготения и открытие учения о кровообращении» [2001. С. 710]. Будучи атеистом, британский философ дает вполне прагматичное объяснение тесной взаимосвязи протестантизма и терпимости: «Протестантское духовенство было, по меньшей мере, так же фанатично, как и католическое; тем не менее, в протестантских странах скоро появилось значительно большее свободомыслие, чем в католических, потому что в них духовенство имело меньше власти» [Там же. С. 631]. Следовательно, распространение принципа веротерпимости, по его мнению, связано с вытеснением религии как таковой из политической сферы.

Вообще, в философии либерализма принцип толерантности логически выводится из двух важнейших для либералов ценностей – индивидуальной свободы и равенства граждан перед законом. С точки зрения этики толерантность подразумевает беспристрастность суждений, объективность оценивания. По замечанию Е. Л. Дубко, «изначально “либеральный” – это негневающийся “великодушный человек”, выслушивающий мнение каждого, отличающийся своим этическим поведением от других людей» [2005. С. 660]. Великодушие обусловлено тем, что в основе либерализма в философском плане ле-

жит принцип сомнения, допущение того, что люди могут ошибаться в своих взглядах, поэтому они не должны фанатично отвергать взгляды других людей.

Размышляя об особенностях этики начала Нового времени, А. В. Разин пишет: «Распространяется представление о том, что мир в любом случае является интерпретированным субъектом и это непреодолимый барьер на пути получения всеобщего знания» [2006. С. 256]. Данную идею, при всех различиях в своих методологических установках и философском инструментарии, проводили, в числе других авторов, Рене Декарт и Джон Локк. Рационализм Декарта имеет своим основанием метод «радикального сомнения». А эмпиризм Локка включает в себя, в частности, идею о разделении первичных и вторичных качеств. Локк, наиболее активный приверженец либеральных ценностей, в своем «Послании о веротерпимости» (1689) отстаивает не только религиозную терпимость, но, в целом, терпимость к чужому мнению [1988. С. 91–134]. Вот как комментирует это Разин: «Локк аргументирует необходимость терпимости следующим образом: степень согласия, которую мы даем любому предположению, зависит от оснований вероятности его полезности. Правильное понимание того, что мы должны действовать на основе вероятности (близкой к достоверности), есть милосердие и снисхождение друг к другу. Милосердие здесь толкуется именно в плане терпимости к инакомыслию» [2006. С. 255–256].

Но как веротерпимость, так и терпимость к инакомыслию в целом у либеральных идеологов имеет свои пределы, что в явном виде показала английская революция, современником которой был Локк. Так, Джон Мильтон, один из лидеров и вдохновителей течения «индепендентов» известен как страстный борец против цензуры. В знаменитом трактате «Ареопагитика» (1644 г.) Мильтон обращается к английскому парламенту: «Я... прежде всего, дорожу своим собственным миром. Дайте мне поэтому – что выше всех свобод – свободу знать, свободу выражать свои мысли и свободу судить по своей совести». На первый взгляд здесь звучит призыв к подлинной свободе совести, мысли и слова для всех так же, как и для себя. Но едва только речь заходит, например, о католицизме, позиция Мильтона существенно корректируется: «Я не считаю возможным терпеть папизм, как явное суеверие, которое, искореняя все религии и гражданские власти, само поэтому подлежит искоренению»¹. Высказывания такого рода,

¹ Мильтон Д. Арёопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644). URL: http://az.lib.ru/m/milxton_d/text_1644_areopagitica.shtml (дата обращения 20.06.2018).

как заметил исследователь взглядов Мильтона Ч. Гейст, подтверждают афоризм, что «терпимость должна распространяться на всех, кроме инакомыслящих» [Geisst, 1984. P. 34].

Если говорить о принципе толерантности в современном либерализме, то, согласно ему, свободное общество нейтрально в вопросах философии и нравов. Каждый волен думать и действовать по своему усмотрению. Нет и не может быть четких критериев определения того, что является правильным, а что – нет. «Требование толерантности нивелирует все верования, интересы, оценки, образы жизни. Ничто не лучше и не хуже» [Дубко, 2005. С. 660]. Если объективность лежит в основе познания истины, следовательно, беспристрастность – это более высокая форма суждений о ценностях общественной жизни и человеческой духовности, чем оценки, основанные на субъективных склонностях, вкусах, личной заинтересованности.

Но проблема в том, что современному человеку трудно удержаться от вырождения свободы в распущенность. В старом либерализме тенденции к аморализму и вседозволенности субъекта дополнялись и уравнивались концепцией трансцендентного порядка, характерной для уже упоминавшейся классической этики Аристотеля и христианских теологов. Индивид сознавал, что над его субъективной волей существует объективный моральный порядок, созданный Богом. Не случайно упомянутые трактаты Локка и Мильтона изобилуют ссылками на Священное Писание. Этика родоначальников либерализма еще не утратила связи с ценностями традиционного общества, но связь эта неизбежно становилась все более искусственной.

В эпоху же постмодерна под лозунгами толерантного восприятия ценностей исподволь выводится из-под критики то, что традиционно воспринималось как нравственно неприемлемое и было бы неизбежно отвергнуто, если бы не всеобщая терпимость. Так работает известная технология «окна возможностей», модель которой была сформулирована Дж. П. Овертоном.

Из современных зарубежных авторов об этом пишет, в частности, американский философ Томас Нагель, изучающий вопросы философии сознания, политики и этики. По его мнению, толерантность как норма общественной морали заранее парализует всех потенциально возмущенных, впускает через черный ход аморализм [Nagel, 2010].

Ту же проблему затрагивает и Е. Л. Дубко, утверждая, что толерантность в современных условиях часто представляет собой «умерщвление мысли, которая когда-нибудь ничего не будет значить вообще». Тотальная толерантность может свести на нет политические и даже

научные дискуссии. В этике доведенная до крайности толерантность означает разрушение убеждений. «Их место занимает “плавающая моральность”, не имеющая идеалов и какого-то внутреннего стержня. Просто мораль стала менее требовательной, чем была в прошлом» [2005. С. 662]. Здесь вновь стоит вспомнить о кризисе моральной системы Просвещения, описанном А. Макинтайром.

Итак, если изначально либерализм подразумевал высокую нравственность, уважительное отношение к каждому мнению, то в настоящее время иерархия ценностей оказывается нарушенной. По словам Е. В. Золотухиной-Аболиной, в современных СМИ преобладает принцип: никому никакого уважения. «Уважение устарело как состояние сознания и механизм культуры». И далее: «"Уравнительно-неуважительный" стереотип хихикающего нигилизма становится нормой массового повседневного сознания, подрывая его фундаментальную ориентацию на наличие порядка, в том числе и вертикального» [1997. С. 190].

Можно констатировать, что дискурс о проблемах толерантности станет по-настоящему долгим. Сама доктрина толерантности амбивалентна и парадоксальна. Субъект лишен возможности занять какую-либо явную позицию в споре, фактически он теряет свою идентичность. В то же время этический принцип индивидуализма, казалось бы, напротив, побуждает к самовыражению и самоутверждению. Таким образом, конфликт ценностей не может быть обозначен, вербализован, а следовательно, не может быть разрешен и, в свою очередь, способен провоцировать дальнейшие социальные конфликты.

Список литературы

Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.

Дубко Е. Л. Политическая этика. М.: Академ. проект: Трикста, 2005.

Золотухина-Аболина Е. В. Постмодернизм: распад сознания // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 185–192.

Локк Дж. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Разин А. В. Этика. М.: Академ. проект, 2006.

Рассел Б. История западной философии: В 3 кн. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001.

Широкова М. А. Этический принцип индивидуализма как элемент цивилизационной идентичности Запада // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. С. 155–159.

Geisst Ch. R. The Political Thought of John Milton. London: Macmillan Press, 1984.

Lukes St. Types of Individualism // Dictionary of the History of Ideas: In 4 vols. New York, 1973. Vol. 2. P. 594–604.

Nagel T. Secular philosophy and the religious temperament: essays, 2002–2008. New York: Oxford Univ. Press, 2010.

Материал поступил в редакцию 09.07.2018

M. A. Shirokova

*The Altay State University,
61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation*

mshirokova1@rambler.ru

INDIVIDUALISM AND TOLERANCE AS THE PRINCIPLES OF THE POLITICAL ETHICS OF LIBERALISM

The importance of the ethical principles of individualism and tolerance in the political ethics of liberalism has been studied from the moment of the emergence of liberal ideology to the present day. Using the conceptions of Russian and foreign philosophers, the author traces the relationship of these principles with the situation of the collapse and crisis of the moral system of the post-modern society. The author claims that the liberal doctrine as a whole has a paradoxical effect on the moral consciousness of the modern person, hindering his self-identification.

Keywords: ethics, politics, ideology, liberalism, civilizational identity.

References

Baudrillard J. *Prozrachnost' zla* [Transparency of Evil]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. (In Russ.)

Bauman Z. *Ot palomnika k turistu* [From pilgrim to tourist]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1994, no. 4, p. 133–154. (In Russ.)

Dubko E. L. *Politicheskaya etika [Political Ethics]*. Moscow, Akadem. Proekt, Triksa Publ., 2005. (In Russ.)

Geisst Ch. R. *The Political Thought of John Milton*. London, Macmillan Press, 1984.

Locke J. *Sochineniya: V 3 t. [Compositions: In 3 vols.]*. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 3. (In Russ.)

Lukes St. Types of Individualism. *Dictionary of the History of Ideas: In 4 vols.* New York, 1973, vol. 2, p. 594–604.

MacIntyre A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali [After Virtue: A Study of Moral Theory]* / Translated from English by V. Tselishchev. Moscow, Akadem. proekt Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2000. (In Russ.)

Nagel T. *Secular philosophy and the religious temperament: essays, 2002–2008*. New York, Oxford Univ. Press, 2010.

Razin A. B. *Etika [Ethics]*. Moscow, Akadem. proekt Publ., 2006. (In Russ.)

Russell B. *Istoriya zapadnoi filosofii: V 3 kn. [History of Western Philosophy: In 3 vols.]*. Novosibirsk, Sib. univ. izd-vo, 2001. (In Russ.)

Shirokova M. A. *Eticheskii printsip individualizma kak element tsivilizatsionnoi identichnosti Zapada [The ethical principle of individualism as an element of the civilizational identity of the West]*. *Rossiiskii politicheskii protsess v regionalnom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika: sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [The Russian Political Process in the Regional Dimension: History, Theory, Practice: a collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]*. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2018, p. 155–159. (In Russ.)

Zolotukhina-Abolina E. V. Postmodernizm: raspad soznaniya [Postmodernism: the collapse of consciousness]. *Obschestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences and Modernity]*, 1997, no. 4, p. 185–192. (In Russ.)

УДК 304.5+378.1

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-100-112

В. В. Петров

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

v.v.p@ngs.ru

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СИСТЕМ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРОШЛОГО ОПЫТА

Под воздействием глобализации происходит неизбежная конвергенция изначально различных образовательных и научных структур, что приводит к изменению методов, форм и технологий производства фундаментального знания. В изменившихся социокультурных условиях от отечественных университетов зачастую требуют так много, что они оказываются не в состоянии дать адекватный ответ вызовам современности. Проведен сравнительный анализ наиболее успешных мировых концепций развития университетского образования в условиях формирующегося общества знания, выявлены положительные элементы исторического развития отечественной университетской системы, обозначены ограничения, сдерживающие развитие университета в российских социокультурных условиях.

Ключевые слова: социокультурные трансформации, общество знаний, университет мирового класса, «университет 3.0», производство фундаментального знания.

Опыт развития высшей школы на протяжении всей ее многовековой истории подтверждает неразрывность функций производства и трансляции знаний, которые в современном мире не только выступают в качестве общественно значимой информации, но и являются осью, вокруг которой выстраиваются новые технологии, экономический рост и новая стратификация общества [Белл, 1999]. Вступление в эпоху «общества знаний» ставит новые проблемы перед институтом образования: от того, насколько он готов к преобразованиям, во многом зависят последовательность, интенсивность и глубина

трансформаций во всех общественных институтах, неразрывно связанных между собой. Именно поэтому исследования развития университетских систем, которые являются «флагманом» системы высшего образования, как одного из основополагающих социальных институтов, на протяжении длительного времени привлекают специалистов самого широкого профиля. В условиях, когда под воздействием глобализации происходит неизбежная конвергенция изначально различных образовательных и научных структур, что приводит к изменению методов, форм и технологий производства фундаментального знания, от университетов зачастую требуют так много, что они оказываются не в состоянии дать адекватный ответ вызовам современности. Многие исследователи отмечают, что изменения, происходящие в современном университете, по своей кардинальности ставят под серьезнейшее сомнение возможность и необходимость дальнейшего университетского образования «в классической исторически сложившейся форме» [Петрова и др., 2017. С. 9]. В своей работе «Медленная смерть университета» проф. Терри Иглтон, ведущий британский литературовед и философ, профессор Манчестерского и Ланкастерского университетов, открыто обозначает проблему «вымирания» классического университетского образования в наше «неклассическое» время¹. О том, что университету требуются перемены, говорят и эксперты международного уровня Л. Демаре и Ж. Плуен в Докладе Юнеско 2005 г.², устаревание классической университетской модели отмечает Ж.-Ф. Лиотар, обращая внимание на то, что «университет серьезно болен» [1998. С. 91]. Кризису классической университетской системы посвящены работы Ю. Хабермаса [1994], Б. Ридингса [2009], Р. Барнетта [2001] и ряда других исследователей. Основная проблема, которая обсуждается в западной литературе, та же самая, что и в российских реалиях – идентификация современного университета как университета, отвечающего требованиям информационного общества и формирующегося общества знания. В рамках этого обозначается, что университет «традиционной» классической модели, который был нацелен в прошлом на формирование специалистов, владеющих конкретными умениями, знаниями и навыками, действительно «умер» (Р. Барнет), но он уступает место новому университету, нацеленному на создание культурных форм, в том числе и знаний, которые должны формироваться постоянно

¹ Медленная смерть университета. URL: https://scepis.net/library/id_3672.html (дата обращения 15.03.2018).

² Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания». URL: <http://www.ifap.ru/library/book042.pdf> (дата обращения 25.02.2012).

таким образом, чтобы человек «мог устоять, выжить и быть в нестабильных ситуациях успешным» [Петрова и др., 2017. С. 10]. Напомним, что в классическом западном понимании производством научного знания занимаются университеты, создавая идеи, при этом правительство формирует нормативную базу, а бизнес обеспечивает привлечение ресурсов. В российской модели развития науки и образования исторически сложился иной подход, когда научными исследованиями занимались институты специально созданной для этого Академии наук, в то время как на университеты возлагалась преимущественно образовательная функция. При этом система образования, будучи изначально весьма консервативной, не всегда успевает оперативно отреагировать на изменившиеся требования социума, что косвенно отражается в системе международных рейтингов, где отечественные университеты занимают отнюдь не лидирующие позиции. На ликвидацию данного противоречия направлена многочисленная череда реформ последних десятилетий (внедрение Болонской системы³, Проект «5-100-2020»⁴, реформа РАН⁵ и др.), однако желаемый результат по-прежнему не достигается. Проблема, затрагиваемая в данной статье, может быть сформулирована следующим образом: с одной стороны, существуют модели развития университетских систем, которые хорошо зарекомендовали себя в условиях западных обществ, но с другой – развитие подобных моделей в отечественных условиях оказывается проблематичным. В качестве образца мы обратимся к концепции «Университета 3.0» Й. Виссемы [2016] и модели Университета мирового класса Дж. Салми [2009], выделим ключевые критерии и попробуем понять, что может быть реализовано (или уже реализовано) в отечественных реалиях.

Концепция Университета мирового класса, к которой мы обращались в наших предыдущих работах [Петров, 2015; 2016а; 2016б], была сформулирована сотрудником Всемирного банка Дж. Салми в 2009 г. [2009]. В рамках этой концепции эффективный университет, способный развивать фундаментальную науку, осуществлять трансфер технологий и заниматься внедрением результатов научных исследований, должен обеспечить взаимодействие трех базовых блоков: кон-

³ Болонская декларация. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/> (дата обращения 12.05.2018).

⁴ Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: <https://5top100.ru/> (дата обращения 18.04.2018).

⁵ Хроника реформы РАН. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/god-2013-hronika-reformy-ran> (дата обращения 29.04.2018).

центрацию талантов, изобилие ресурсов и эффективное управление. Привлекательность модели Салми заключается как в минимизации базовых блоков и составляющих их ключевых характеристик, так и в демонстрации их тесного взаимодействия. «Первое и, вероятно, определяющее свойство превосходства – это наличие критической массы лучших студентов и выдающихся преподавателей. ...Высокая степень обеспеченности ресурсами является вторым фактором, характеризующим большинство университетов мирового класса, поскольку содержание современного комплекса, в котором проводятся интенсивные научные исследования, является непростым делом и требует огромных затрат. ...Третья характеристика... связана с общей структурой управления вузами, конкурентоспособной средой и степенью академической и управленческой автономии. ...Важно подчеркнуть, что комбинация трех факторов, характеризующих университет мирового класса – концентрация талантов, высокий уровень финансирования и эффективное управление – именно это и является их основной отличительной чертой. Динамическое взаимодействие между всеми тремя группами отличает университеты, принадлежащие к элите академического мира» [Салми, 2009. С. 32]. В качестве итога такого взаимодействия выступают выпускники, результаты научных исследований, распространение новых идей и технологий – все компоненты, которые требуются современному российскому обществу. Безусловно, университетов мирового класса, реализующих подобное взаимодействие на практике, не может быть много, но все они находятся в верхних строчках мировых и национальных рейтингов и классификаторов. При разработке этой модели Дж. Салми апеллирует к солидному перечню исследований, выявляющих характерологические особенности современных университетов, и выделяет 24 критерия для оценки эффективности университета [Там же. С. 85–86]. Однако позволю себе напомнить, что исследования, проведенные отечественными учеными еще в 1990-х гг., выявили 19 схожих позиций [Врагов и др., 1994. С. 52–55], которые в дальнейшем легли в основу развития Новосибирского национального исследовательского университета решение о создании которого было принято Постановлением Совета министров СССР № 31 от 09.01.1958 г. ⁶ Примечательно, что НГУ создавался «внутри» научно-исследовательского центра, ориентированного на проведение «научных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук и быстрей-

⁶ Правительство СССР дало старт созданию НГУ. URL: https://nsu.ru/60_let_nazad_postanovlenie (дата обращения 18.04.2018).

шего развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока»⁷. Изначально заложенная интеграция научных исследований и образовательной деятельности в неразрывное целое, вероятно, может служить объяснением того, что модель развития Новосибирского университета легла в основу концепции развития университетского образования, представленной сибирскими учеными [Врагов и др., 1994. С. 52–55] на 15 (!) лет раньше, чем практически полностью дублирующая ее концепция университета мирового класса Дж. Салми, появившаяся лишь в 2009 г. [2009].

На другой, не менее известной концепции, разработанной профессором Делфтского университета (Голландия) Й. Виссемой и представленной им так же в 2009 г., мы остановимся более подробно. Выступая в ноябре 2017 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете, Й. Виссема обозначил девять ключевых характеристик современного университета⁸.

Во-первых, университет занимается фундаментальными исследованиями, что формирует основу любого прогресса, не только в области науки, но также в сфере экономики; во-вторых, в современном университете акцент делается на междисциплинарность; в-третьих, университет, проводя большие успешные исследования, тесно взаимодействует с промышленными корпорациями, способными вывести разработки на международный рынок; в-четвертых, университет третьего поколения должен представлять собой пример открытого университета, т. е. должен работать не только под эгидой министерства науки и образования, но и быть открытым для промышленности, бизнес-структур и т. д. В-пятых, у университета третьего поколения должен быть определенный масштаб деятельности, который подразумевает наличие развитой инфраструктуры, что является определенным конкурентным преимуществом, хотя, при распространении деятельности на разные сферы, существует опасность снижения качества образования, поэтому исключительно важно удерживать студентов, предлагая им диплом, который будет востребован на рынке труда. В-шестых – реализация творческого потенциала: «...вы можете вывести на рынок айфон, вы можете очень хорошо знать, как он устроен. Но также он должен выглядеть хорошо. И характеристики, которые полезны для пользователей, должны

⁷ О создании Сибирского отделения академии наук СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5199.htm (дата обращения 18.04.2018).

⁸ Как изменятся университеты в течение следующих 20 лет. URL: <http://www.tsu.ru/podrobnosti/kak-izmenyatsya-universitety-v-techenie-sleduyushchikh-20-let/> (дата обращения 16.03.2018).

быть удобны. Это работа факультета дизайна или проектирования»⁹. В-седьмых, развитие общего (английского) языка академического сообщества, что отличает «Университет 3.0» от университетов второго поколения, которые «были очень национализированы и каждый разговаривал на своем языке после того, как латинский утратил свое значение. Сейчас растворяются границы между различными университетами, и это в основном благодаря тому, что мы начинаем все чаще использовать английский язык»¹⁰. В-восьмых, «в университетах второго поколения мы занимались в первую очередь академической деятельностью, потом только наукой. Сейчас ситуация изменилась: в университетах третьего поколения на первую роль выходят производство и коммерциализация разработанных ноу-хау»¹¹. И, наконец, в-девятых: университету третьего поколения необходима децентрализация, поскольку в большинстве стран университеты не могут разрабатывать самостоятельно образовательные программы и выдавать собственные дипломы без согласования с министерством, что, в свою очередь, занимает значительное количество времени и не позволяет эффективно работать ректору и профессорско-преподавательскому составу¹².

Остановимся более подробно на каждом пункте. Для сравнения опять же обратимся к опыту развития Новосибирского научного центра, о котором мы говорили выше. Итак, первое: «университет занимается фундаментальными исследованиями». В российских условиях, университет, интегрированный в научный центр, «обречен» на занятия фундаментальной наукой – 80 % преподавателей университета являются штатными сотрудниками академических институтов и преподают в свободное от основной работы время, кроме того, начиная с 3 курса студенты принимают непосредственное участие в работе научно-исследовательских институтов в рамках выполнения госзадания. На это университет был ориентирован и в советское время в момент создания [Лаврентьев, 1982], и в последующий период социальных потрясений и рыночных отношений [Врагов и др., 1994]. Второе: «в современном университете акцент делается на междисциплинарность» – напомним, что именно мультидисциплинарность Новосибирского научного центра, который включает в себя более 30 академических институтов, позволила развиваться междисциплинарным исследованиям. Третье: «университет, проводя большие

⁹ Как изменятся университеты...

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

успешные исследования, тесно взаимодействует с промышленными корпорациями, способными вывести разработки на международный рынок». Здесь ситуация не совсем однозначная – российский университет не проводит исследования в масштабе, хоть сколько-нибудь сравнимом с масштабом Академии, но принимает в них самое деятельное участие. Основная проблема заключалась во внедрении научных достижений в практику, т. е. в преодолении противоречий между ученым, выдвинувшим идею, и директором завода, который закономерно не хочет идти на риск [Лаврентьев, 1982 С. 78]. Практика советского времени показывала, что традиционный «конвейер» внедрения – академический институт – отраслевой институт – конструкторское бюро – промышленность – часто действовал слишком медленно. Организация «пояса внедрения» – группы отраслевых конструкторских бюро – частично позволила решить эту проблему, что и привело в конечном счете к устойчивости модели М. А. Лаврентьева, которая начала реализовываться еще в 1950–1960-х гг. на социалистическом этапе развития российского общества, но оказалась настолько удачной, что позволила эффективно развиваться интеграции науки, образования и производства в условиях рыночной экономики. Четвертое: «университет третьего поколения должен представлять собой пример открытого университета, т. е. должен работать не только под эгидой министерства науки и образования, но и быть открытым для промышленности, бизнес-структур и т. д.». В этом пункте, в условиях российской рыночной экономики, цели университета и бизнеса существенно расходятся. Для бизнеса важна оборачиваемость капитала и извлечение прибыли, что на первый план выводит прикладные направления, отодвигая фундаментальную науку на задний. Фундаментальная наука в целом оказывается бизнесу неинтересна, не говоря уже об общегуманитарных направлениях подготовки. Как известно, С. Белоусов, предприниматель и венчурный инвестор, в разные периоды управлявший ИТ-компаниями в России, Северной Америке, Европе и Азии, председатель правления компании Parallels, CEO, основатель и генеральный директор компании Acronics, будучи председателем наблюдательного совета НГУ в 2014 г., на вопрос: «Что Вы хотите от НГУ?» ответил, что ему требуется выпускник, которого не приходилось бы переучивать, когда он приходит работать в компанию. Это яркая иллюстрация того, что для бизнеса важно получить специалиста, подготовленного за государственный счет, который придет в частную компанию и будет приносить прибыль частному предпринимателю. О формировании гражданина, что, как известно, по Платону, является одной из целей университета, речи не идет,

впрочем, это и не удивительно, учитывая, что С. Белоусов на тот момент являлся гражданином Сингапура. Пятое: «у университета третьего поколения должен быть определенный масштаб деятельности, который подразумевает наличие развитой инфраструктуры, что является определенным конкурентным преимуществом». С этим можно только согласиться и отметить, что развитая инфраструктура существует далеко не во всех ведущих российских университетах. Шестое: «реализация творческого потенциала», для чего необходимо развитие гуманитарных направлений. И вот здесь у Новосибирского государственного университета существует проблема, «заложенная конструктивно» – создаваясь в 1958 г. с учетом нужд военно-промышленного комплекса, факультеты помимо физико-математического и естественно-научного профиля М. А. Лаврентьевым не предусматривались [1982]: гуманитарный факультет открылся лишь в 1962 г. и был существенно меньше по количественному составу. К сожалению, такой подход остался и до сих пор, что проявляется в несоразмерном финансировании естественно-научных и гуманитарных направлений. В свою очередь, это невыгодно отличает НГУ от остальных классических университетов, принимающих участие в проекте повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (проект «5-100-2020») ¹³. Седьмое: «развитие общего (английского) языка академического сообщества, что отличает “Университет 3.0” от университетов второго поколения, которые «были очень национализированы и каждый разговаривал на своем языке после того, как латинский утратил свое значение». С этим проблем не было ни во времена социализма, ни в современных условиях – в университете, изначально интегрированном в научную среду, языковая подготовка ведется на должном уровне, значительная часть студентов владеет не только английским, но и несколькими иностранными языками. Далее: «в университетах второго поколения мы занимались, в первую очередь, академической деятельностью, потом только наукой. Сейчас ситуация изменилась: в университетах третьего поколения на первую роль выходит производство и коммерциализация разработанных ноу-хау». Повторюсь, что подавляющее большинство разработок, в которых университет в той или иной форме принимает участие, реализуется на базе научно-исследовательских институтов Академии наук и, соответственно, внедрением и коммерциализацией

¹³ Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: <https://5top100.ru/> (дата обращения 18.04.2018).

тоже занимаются институты с привлечением технопарковой составляющей. И, наконец, «университету третьего поколения необходима децентрализация...». Иными словами, университету необходима автономия, о которой мы говорили в своих предыдущих работах [Петров, 2017]. Автономия возможна только в условиях диверсифицированного финансирования. В условиях, когда основным «заказчиком» и «спонсором» университетского образования выступает государство, университет становится чрезвычайно зависим и уязвим.

Итак, подведем некоторые итоги. Во-первых, мы обозначили, что модель университета мирового класса, которую предлагают взять в качестве одной из возможных альтернатив развития, практически полностью совпадает с «моделью Врагова», возникшей на 15 лет раньше, по которой успешно развивался Новосибирский государственный университет с 1994 г. в условиях изменения интеллектуальных стандартов и перехода к рыночной экономике. Однако научный руководитель Московской школы управления Сколково А. Е. Волков, выступая на выездной сессии, проходившей в НГУ в январе 2018 г., в качестве примера дальнейшего развития НГУ приводил модель Салми, ориентируясь на «западные» стандарты, не принимая во внимание существующие эффективные наработки, хотя по сути «навязываемые» стандарты являются калькой отечественной модели. Во-вторых, если уж мы обращаемся к зарубежным моделям, то необходимо перенимать их базовые положения полностью, а не частично. Рассмотрев концепцию «Университета 3.0» Й. Виссемы, мы можем сделать вывод о том, что в наших условиях (на примере НГУ) успешно реализуется больше половины положений, но «камнем преткновения» остаются следующие позиции: во-первых, не учитывается, что в рамках своей «идеи» университет создается вовсе не для того, чтобы обслуживать интересы предприятий и рынка, а для того, чтобы формировать новую среду. Поэтому практическая польза гуманитарных наук, которую можно сопоставить с практической пользой точных и естественных наук, является утопией. Реальность заключается в том, что именно гуманитарные науки развивают в любом человеке критическое мышление, без которого невозможно развитие научного знания в целом. Именно социогуманитарные науки формируют «текучую современность» [Бауман, 2008]. Падение престижа гуманитарных наук явилось результатом тотального выхолащивания смыслов и гиперпрагматизации, которые начались в России в 1990-е гг. Без развития социогуманитарных направлений университет рискует превратиться в институт образования, ориентированный на подготовку узкоспециализированных кадров, обслуживающих интеле-

рессы предприятий и рынка. Во-вторых, если обратиться к базовым принципам развития университета, которые можно сформулировать как производство фундаментального знания, наличие академических свобод, для чего необходимо диверсифицированное финансирование и автономное управление, то можно заметить, что в университете, который мы выбрали в качестве примера, сохранилось разве что производство фундаментального знания (в тесном взаимодействии с Академией наук) и, в определенной степени, – академические свободы. Формально университет является автономным образовательным учреждением, но фактически, получая финансирование от государства, в том числе и в рамках проекта «5-100-2020», он должен выполнять все его требования. Соответственно, без снятия обозначенных выше ограничений развитие модели «Университета 3.0» в формате «Треугольника Лаврентьева» [1982], успешно реализованного в Новосибирском научном центре, окажется невозможным.

Список литературы

Барнетт Р. Осмысление университета // Образование в современной культуре. Минск: ПроPILEI, 2001. № 1. С. 97–125.

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. 956 с.

Виссема Й. Университет третьего поколения. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 480 с.

Врагов В. Н., Ильин В. Е., Лисс Л. Ф., Хаславская Л. М. Основные принципы современного университетского образования. Новосибирск, 1994. 56 с.

Лаврентьев М. А. ...Прирастать будет Сибири. 2-е изд. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 175 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.

Петров В. В. «Треугольник Лаврентьева» в концепции «Тройной спирали» инновационного развития // Сиб. филос. журн. 2015. Т. 13, № 3. С. 56–62.

Петров В. В. Организационная культура производства фундаментального знания в условиях системных трансформаций: российская специфика // Гуманитарный вектор. Серия: философия, культурология. 2016а. Т. 11, вып. 2. С. 65–71.

Петров В. В. Университет мирового класса: американская модель в российских условиях // «Третья миссия» университета в современ-

ной России: новации и интеллектуальные традиции. Новосибирск, 2016б. С. 173–180.

Петров В. В. Университетская автономия и общегосударственная стратегия: сохранение баланса // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 2. С. 123–136.

Петрова Г. И., Зыкова С. Н., Ершова И. А., Бут О. А., Стаховская Ю. М. Корпоративная культура современного университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. 128 с.

Ридингс Б. Университет в руинах. Минск: Изд-во БГУ, 2009. 248 с.

Салми Д. Создание университетов мирового класса. М., 2009. 132 с.

Хабермас Ю. Идея университета. Процессы образования // *Alma mater*. 1994. № 4. С. 9–17.

Материал поступил в редколлегию 14.06.2018

V. V. Petrov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

v.v.p@ngs.ru

**UNIVERSITY SYSTEMS DEVELOPMENT
IN THE KNOWLEDGE SOCIETY:
POSITIVE ELEMENTS OF PAST EXPERIENCE**

Under the influence of globalization, the inevitable convergence of initially different educational and scientific structures occurs, which leads to a change in the methods, forms and technologies for the production of fundamental knowledge. In the changed sociocultural conditions, domestic universities are often required to do so much that they are not able to give an adequate answer to the challenges of our time. The paper compares the most successful world conceptions of university education development in the conditions of the emerging knowledge society, reveals the positive elements of the historical development of the domestic university system, identifies constraints that impede the development of the university in Russian socio-cultural conditions.

Keywords: sociocultural transformations, knowledge society, world-class university, «university 3.0», fundamental knowledge production.

References

Barnett R. Osmyslenie universiteta [Understanding the University]. *Obrazovanie v sovremennoi kulture* [Education in Modern Culture]. Minsk, Propilei Publ., 2001, no. 1, p. 97–125. (In Russ.)

Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Fluid Modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. (In Russ.)

Bell D. *Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt socialnogo prognozirovaniya* [The Coming Post-Industrial Society. Experience of Social Forecasting]. Moscow, 1999. (In Russ.)

Habermas J. Ideya universiteta. Protsessy obrazovaniya [The idea of a University. Education process]. *Alma Mater*, 1994, no. 4, p. 9–17. (In Russ.)

Lavrentiev M. A. ...*Prirastat` budet Sibir`yu* [... Will Grow in Siberia]. 2nd ed. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. Publ. house, 1982. (In Russ.)

Liotar J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Condition of Postmodernity]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. (In Russ.)

Petrov V. V. «Treugol`nik Lavrentieva» v kontsepcii «Troinoi spirali» innovacionnogo razvitiya [«Lavrentiev Triangle» in the «Triple Helix» Innovative Development Conception]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 56–62. (In Russ.)

Petrov V. V. Organizatsionnaya kultura proizvodstva fundamentalnogo znaniya v usloviyah sistemnykh transformatsii: rossiiskaya spetsifika [Organizational culture is the production of fundamental knowledge in conditions of systemic transformations: the Russian specificity]. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: filosofiya, kul`turologiya* [Humanitarian Vector. Series: Philosophy, Cultural Studies], 2016a, vol. 11, no. 2, p. 65–71. (In Russ.)

Petrov V. V. Universitetskaya avtonomiya i obschegosudarstvennaya strategiya: sohranenie balansa [University autonomy and national strategy: maintaining balance]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 2, p. 123–136. (In Russ.)

Petrov V. V. Universitet mirovogo klassa: amerikanskaya model v rossiiskih usloviyah [World class University: American model in Russian conditions]. «*Tret`ya missiya» universiteta v sovremennoi Rossii: novatsii i intellektualnye traditsii* [«The Third mission» of the University in modern Russia: innovations and intellectual traditions]. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. gos. un-ta, 2016b, p. 173–180. (In Russ.)

Petrova G. I., Zytkova S. N., Ershova I. A., But O. A., Stahovskaya Yu. M. *Korporativnaya kultura sovremennogo universiteta: rol' v formirovanii professionalnoi i lichnostnoi identichnosti vypusknika* [*Corporate Culture of Modern University: the Role in the Formation of Professional and Personal Identity of the Graduate*]. Tomsk, TGU Publ., 2017. (In Russ.)

Ridings B. *Universitet v ruinah* [*University in Ruins*]. Minsk, BGU Publ., 2009. (In Russ.)

Salmi D. *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [*Creation of World-Class Universities*]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Vissema J. *Universitet tret'ego pokoleniya* [*The University of the Third Age*]. Moscow, Olimp-Biznes, 2016. (In Russ.)

Vragov V. N., Il'in V. E., Liss L. F., Xaslavskaya L. M. *Osnovnye printsipy sovremennogo universitetskogo obrazovaniya* [*Basic Principles of Modern University Education*]. Novosibirsk, 1994. (In Russ.)

УДК 322; 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-113-121

Г. С. Солодова

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
ул. Кирова, 86, Новосибирск, 630102, Россия*

gsolodova@gmail.com

ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ *

На основе материалов Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. и работ дореволюционных авторов, анализирующих полученные данные, статистически подтверждается исторически сложившаяся поликультурность Российского государства. Показано, что территориальное расширение Империи шло за счет включения народов, в том числе уже имевших устойчивые и отчетливо сформированные этнические, религиозные и, соответственно, культурные отличия.

Ключевые слова: цивилизационные отличия, численность населения, вероисповедный состав, этнический состав, виды хозяйственно-экономической деятельности, региональный срез, Туркестан.

Известной статье Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» (1993 г.) в этом году исполняется четверть века. За это время она стала не просто популярной, но вошла в так называемый «джентльменский набор», обязательный список для прочтения. Не будем пренебрегать сложившейся традицией и сошлемся на нее, тем более что это представляется весьма уместным.

Для начала заметим, что постановка вопросительного знака в название статьи оставляет поле для дискуссий и надежды на избежание напряженности. Обозначим основные, значимые для нас тезисы, высказанные Хантингтоном.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-50224).

Во-первых, определение цивилизации как некой культурной сущности, культурной общности наивысшего ранга, самого широкого уровня культурной идентичности людей. Культура является важнейшей границей, разделяющей человечество, разность культур служит преобладающим источником конфликтов.

Хантингтон говорит о «семи-восьми крупных цивилизациях. К ним он относит западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и, возможно, африканскую. Говоря о различиях между цивилизациями, он недвусмысленно утверждает, что они «не просто реальны. Они – наиболее существенны... Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами» [1994].

А теперь позволим себе напомнить, что Россия, в ее имперской, союзной и сегодняшней федеративной форме государственного устройства включает как минимум две из перечисленных цивилизаций – православно-славянскую и исламскую. Религиозно-культурная неоднородность стала одним из исторических обстоятельств формирования Российского государства. Это подтверждает и статистика.

Чтобы не быть голословным, обратимся к некоторым результатам Первой и единственной дореволюционной Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. Несколько слов о самой переписи. В отличие от предыдущих подворных и подушных переписей и ревизий, она была проведена по принципу «однодневной переписи» и состоялась 9 февраля (28 января по старому стилю) 1897 г. Данные, полученные в результате переписи, являются признанными и считаются достоверными источниками о численности и составе населения страны в конце XIX в.

И в конце XIX в., впрочем, как и сейчас, Россия являлась одним из самых больших по своей территории государств. Наиболее крупный регион – Сибирь 10.940.644,7 квадратных верст. Это больше, чем половина всей территории страны. В большей степени интересующие нас Среднеазиатские области охватывали площадь в 3.110.623,7 квадратных верст. Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., общая численность населения составляла 126.640.021 чел. В том числе городского населения – 16.830.959 чел., проживающих в уездах – 108.809.062 чел. [Первая всеобщая..., 1897–1905].

В предисловии к своему труду «Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства», написано-

му на основе обобщения материалов Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., известный дореволюционный исследователь Н. А. Рубакин писал: «Что такое Россия? Россия – это прежде всего русский народ и другие народы, живущие на территории современного русского государства, – иначе говоря – население нашей страны». Несколько далее, в первой главе этой, по признанию специалистов, одной из лучших аналитико-статистических работ, Н. А. Рубакин замечает: «...мы будем говорить о России, как о едином целом, великом и едином целом, одну из мельчайших составных частичек которой составляем “и мы сами”». Показателем отношения к тогдашней русской, российской идентичности, может служить следующий комментарий: «Население России составляет около трети населения всей Европы. Другими словами, из трех европейцев – одному, наверное, выпадает величайшее счастье быть русским подданным и жить под сенью незыблемых законов Российской Империи, и наслаждаться всеми благами, какими дарит его русское благоустройство» [1912. С. 3–28].

Вероисповедный состав. Распределение населения по вероисповеданию включало следующие группы: православные и единоверцы, старообрядцы и уклоняющиеся от православия, армяно-григориане, армяно-католики, римско-католики, лютеране, реформаты, баптисты, менониты, англикане, лица остальных христианских исповеданий, караимы, иудеи, магометане, буддисты и ламаиты, лица остальных нехристианских вероисповеданий. В целом православные, включая старообрядцев, составляли чуть больше 71 % от всего населения, магометане – около 11 %. Большинство мусульман относилось к «турецко-татарскому племени» [Первая всеобщая..., 1897–1905].

Государственные принципы отношения к иноверцам, политика веротерпимости были заложены Екатериной II и сформулированы в «Наказе» 1767 г.: «В том великом Государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер. И нет подлинно иного средства, кроме разумного дозволения их законов...».

Этнический состав. Этническая принадлежность в дореволюционное время не была определяющей. В переписи 1897 г. не было вопроса о национальности в ее современном понимании. Существенно более весомым критерием в Российской Империи было вероисповедание человека. Тем не менее имеющиеся источники позволяют создать определенное представление об этническом составе Российского государства. Задаваясь вопросом, много ли в России русских,

приведем такое распределение населения «по племенам и национальностям» (см. табл.) (по: [Рубакин, 1912. С. 35]).

Этнический состав населения Российской Империи, %			
Русские, в том числе украинцы и белорусы	65,5	Немцы	1,6
Турки, татары	10,6	Кавказцы, картвельцы	2,0
Поляки	6,2	Горцы	2
Финские племена	4,5	Армяне	0,9
Евреи	3,9	Другие	2,4
Литовцы	2,4		

Исходя из этих данных, очевидным является полиэтничность и поликультурность государства. Это существенным образом отличало Российскую континентальную империю от других западноевропейских империй, которые без учета своих отдаленных колоний были этнически однородными – от 90 % населения составляли представители, как позднее стало принято говорить в отечественной этносоциологии, титульных наций. Исключение составляют Австро-Венгрия и, скажем так, не совсем европейская Османская Порты.

Не претендуя на научную новизну, тем не менее, есть смысл напомнить, что империя – форма существования государства. Она не имеет оценочных коннотаций – ни положительных, ни негативных. Одним из ее атрибутивных признаков является неоднородность, гетерогенность населения с точки зрения культуры, религии, этнического состава, его много- и разнородность. Обратной стороной высокой степени культурного разнообразия является одновременное наличие мощных связей. Среди них может быть мощная идеология, сильная централизованная политическая власть. Длительное, без выраженных внутренних конфликтов существование государства может служить показателем определенной сбалансированности интересов разных социальных групп. Тем более это относится к империям. В этом контексте обоснованность обобщенных заявлений о «тюрьме

народов», этнических или религиозных гонениях, травле инородцев и иноверцев, находящихся в российском подданстве и составляющих более трети от всего населения страны, выглядит не вполне убедительной.

Говоря о «племенном составе» российской элиты, заметим, что «в среде так называемых командующих классов и в бюрократии, особенно высшей», процент нерусского населения так же был «очень высок». «Профессор Романович-Словатинский констатирует “чрезвычайно широкий прилив инородческой крови” в высшие классы страны, главным образом, дворянство и чиновничество. Без более или менее значительной примеси иностранной крови не обошелся ни один мало-мальски старинный дворянский род, чего нельзя сказать о других классах населения... Мало по малу, говорит проф. Романович-Словатинский, права русского дворянства распространились и на дворянство иноплеменное и на высшие классы тех частей империи, которые имели свою особенную историю. Мало по малу в ряды дворянства империи вдвинуты были дворянство остзейское, панство польское, шляхетство малороссийское и выборные чины других казачьих войск, князья и мурзы татарского происхождения, князья и дворяне Грузии, бояре и боярыни бессарабские. Князь П. Долгорукий в своем известном труде “Российская родословная книга” дает длиннейший список инородцев среди дворян. Примесь не русской крови встречается и среди Рюриковичей, таковы, например, Гагарины-Стурдзы, Вадбольские и др. Вряд ли важно доказывать нашим читателям, что в этом нет ничего достойного порицания. Даже, напротив, именно разрушение национальных перегородок и границ, – один из тех фактов, которые способствуют единению человечества и ведут к признанию всякого человека прежде всего человеком, независимо от того, “кто его папенька и маменька”. Но те, кто еще не вытравил из своей души гнусной заразы национального человеконенавистничества, должны понять, что надо же быть последовательными: или отрицайте самих себя и своих предков, или признавайте людей всех национальностей людьми равноценными» [Рубакин, 1912. С. 36–37].

Виды хозяйственно-экономической деятельности. Материалы раздела Переписи 1897 г. «Процентное распределение наличного населения Империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как доставляющие главные средства к существованию» дают возможность получить информацию не только об общероссийском хозяйственно-экономическом разделении, но и увидеть это в региональном разрезе.

С точки зрения разнообразия видов хозяйственной деятельности и соответствующих им образов жизни хорошей иллюстрацией являются народы Сибири. Так, согласно Высочайше утвержденному Уставу «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. «Часть I. – Права инородцев. Глава I. – Разделение. § 1. Все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые по ныне ясным, по различному степени Гражданского их образования и по настоящему образу жизни, разделяются на три главные разряда. В первой разряд включаются оседлые, то есть живущие в городах и селениях; во второй кочевые, занимающие определенные места по временам года переменяемые; в третий бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам... § 11. Вообще при составлении росписания разделять инородцев по качеству главного их промысла, составляющего главный способ их пропитания, а не по тем занятиям, кои могут они иметь случайно, временно и совокупно с главным» [Устав об управлении..., 1830. С. 394–416]. Как видно, и на это стоит обратить внимание, в основу разделения был заложен не вероисповедный, не этнический, а производственный, материально-хозяйственный принцип, «главный промысел».

Более подробно остановимся на Среднеазиатском регионе и Центральной Азии. Сразу отметим, что он охватывает не только большую территорию – сегодня это пять самостоятельных государств, но даже по историческим меркам весьма продолжительный, событийно насыщенный временной период части живущих в этих странах народов. В этом смысле, вхождение в состав Российского и Советского государств является хотя и весьма продуктивным, но довольно ограниченным периодом.

Напомним, что в разное время он обозначался как Туркестан, Туркестанский край, Туркестанское Генерал-губернаторство, Средняя Азия. В его состав входили Акмолинская, Закаспийская, Самаркандская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская, Уральская и Ферганская области. В 1867 г. для более эффективного управления и контроля над включенной в состав Российской Империи территорией было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с административным центром в Ташкенте.

На момент Всеобщей переписи общая численность жителей Средней Азии составляла 7 746 718 чел., из них в городах проживало – 934 370 (12,06 %), в уездах – 6 812 348 (87,94 %). По империи в целом в сельском хозяйстве занято было 74,57 % населения, в том числе в земледелии – 70,27 %, в животноводстве – 3,59 %. В Средней Азии

пропорции были несколько иные. Доля занятых в сельском хозяйстве составила 82,75 %, в том числе в земледелии – 45,01 % и в животноводстве – 37,06 %. Интересным является сравнение доли занятых в обрабатывающей промышленности. Если в целом по России она составляла 7,82 %, то в Средней Азии – 5,65 %. По выработке волокнистых веществ среднеазиатский регион опережал показатели по стране в целом, соответственно – 2,36 и 1,32 %.

Подводя некоторые итоги, следует отметить два аспекта. Первый – Российское государство расширялось за счет присоединения сложившихся моноэтнических, монокультурных областей, что заведомо осложняло задачу обеспечения управляемости а на первых порах как минимум лояльности к новой власти. Выстраивание, как принято сегодня говорить, общегражданской идентичности, нации как согражданства и политической общности носило многофакторный характер. В дореволюционных документах и материалах это обозначалось как воспитание российской гражданственности, в советское время – формирование советского народа.

Второй, более благоприятный аспект связан с географическими отличиями Российской Империи от других, в том числе самой крупной – Британской. Территория государства представляла собой сплошное континентальное пространство, без разрывов и промежуточных земель, принадлежащих другим странам. Географическая близость, рельефная доступность, отсутствие естественных природных барьеров между европейской частью страны и присоединяемыми территориями придавали определенную логичность и закономерность присоединения к более сильному соседу. Такой, скажем так, внутриконтинентальный, процесс включения, в том числе завоевания новых земель, во многом определил характер последующих отношений между центром и окраинами, между русским и присоединяемыми народами. Отсутствие водных и других географически разделяющих препятствий способствовало внутренней миграции, межкультурным контактам и обмену, кровно-родственному смешению, территориальной и социальной мобильности новых российских граждан.

Исторически сложившееся культурное, этническое и религиозное разнообразие российского народа позволяет говорить о его цивилизационном ресурсе и потенциале, что, впрочем, не означает игнорирования возможных сложностей. Полагаем, что данное обстоятельство побуждает и обязывает к взаимному интересу и социально-философской компаративистике.

Список литературы

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1897–1905.

Рубакин Н. А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (на основании официальных и научных исследований). СПб.: Вестник Знания (В. В. Битнера), 1912. 216 с.

Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 38: 1822–1823. С. 394–416.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // ПОЛИС. 1994. № 1. С. 33–48.

Материал поступил в редколлегию 22.05.2018

G. S. Solodova

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Siberian State University of Telecommunications and Information Sciencesn Federation
86 Kirov Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

gsolodova@gmail.com

MULTICULTURAL SOCIETY OF THE RUSSIAN STATE – BASED ON THE MATERIALS OF THE FIRST ALL-RUSSIAN CENSUS

Based on the materials of the First General Census of the Russian Empire in 1897 and the work of pre-revolutionary authors the paper considers the obtained data, the historically established multiculturalism of the Russian state is statistically confirmed. It is shown that the territorial expansion of the Empire was due to the inclusion of peoples, including those who already had stable and distinctly formed ethnic, religious and, accordingly, cultural differences.

Keywords: civilizational differences, population size, religious composition, ethnic composition, types of economic and economic activity, regional section, Turkestan.

References

Hantington S. Stolknovenie tsivilizatsii? [Clash of civilizations?]. *POLIS*, 1994, no. 1, p. 33–48. (In Russ.)

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [The first General census of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg, 1897–1905. (In Russ.)

Rubakin N. A. *Rossiia v tsifrakh: Strana. Narod. Sosloviya. Klassy: Opyt statisticheskoi kharakteristiki soslovno-klassovogo sostava naseleniya russkogo gosudarstva (na osnovanii oficial'nykh i nauchnykh issledovanii)* [Russia in numbers: Country. People. Estates. Classes: the experience of the statistical characteristics of the caste and class composition of the population of the Russian state (on the basis of official and scientific research)]. St. Petersburg, Vestnik Znaniya Publ. (V. V. Bitnera), 1912. (In Russ.)

Ustav ob upravlenii inorodtsev ot 22 iyulya 1822 g. [The Charter on management of foreigners of July 22, 1822]. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii s 1649 g.* [Full Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. St. Petersburg, 1830, vol. 38: 1822–1823, p. 394–416. (In Russ.)

УДК 316.4

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-122-131

С. А. Мадюкова, О. А. Персидская

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sveiv7@mail.ru, olga_alekseevna@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Государственно-гражданская и этническая идентичности рассмотрены в качестве одинаково важных факторов, формирующих сознание современного человека. Кроме того, эти идентичности являются детерминантами этнонациональной политики. Сделан вывод, что при равной актуальности и того, и другого вида идентичности для личности, в процессе принятия управленческих решений на разном уровне развитию государственно-гражданской идентичности придается существенно большее значение, чем развитию этнической. В эффективной стратегии этнонациональной политики не должно доминировать развитие только одной из идентичностей за счет фрустрации другой, необходимо искать пути их гармоничного сосуществования через разведение их ценностной и когнитивной наполненности.

Ключевые слова: детерминанты, государственно-гражданская идентичность, этническая идентичность, Республика Алтай.

Проблема совместимости и динамика соотношения этнической и национально-гражданской (здесь: государственной, общероссийской) идентичностей является не только предметом академических дискуссий, но и не решенной задачей для современной этнонациональной политики многонациональной России. В современном отечественном социогуманитарном дискурсе популярность обретает точка зрения, что поддержание единства нации предполагает «растворение» этнических групп в национальном сообществе [Тишков, 2003]. При такой постановке проблемы принято считать, что этнический плюрализм является серьезным препятствием для формирования полноценной общенациональной идентичности, оказыва-

ющим негативное влияние на целостность государства. Отметим, что в Стратегии государственной национальной политики, принятой в 2012 г. на период до 2025 г., укрепление общероссийского гражданского самосознания является центральной целевой установкой.

Альтернативная точка зрения среди исследователей актуализируется вокруг вариаций непротиворечивого сосуществования этнической и национально-гражданской идентичностей. В той же Стратегии задача сохранения и развития этнокультурного многообразия и самобытности народов России также прописана, но, насколько можно судить по содержанию документа, задача поддержания единства нации все же доминирует [Этносоциальные процессы..., 2016. С. 56].

И национально-гражданская, и этническая идентичности имеют отношение к исторически сложившейся общности территории проживания социальной группы. В то же время, при определении детерминант этнической идентичности речь идет зачастую об этнокультуре и региональной социокультурной специфике, тогда как факторами, определяющими национально-гражданскую идентичность, являются федеральный уровень и социально-политико-правовая сторона бытия. Сравнивая этническую и национально-гражданскую идентичности, Л. М. Дробижева заключает, что «этническую идентичность чаще интерпретируют как проявление традиционализма, а гражданскую – современности [2008. С. 219]. Таким образом, этническая идентичность детерминирована формами проявления традиционной этнической культуры, тогда как общенациональная – проявлением современных гражданских прав и свобод, чувства патриотизма, гордости за свою страну на мировой арене. Национально-гражданская идентичность основана на потребности общества в интеграции через приобщение к таким ценностным символам и атрибутам, как Родина, страна, государство, наполненным конкретным социокультурным содержанием [Гришина, 2000]. Эта идентичность является фактором, консолидирующим массовое сознание вокруг интересов страны, поэтому высокая степень ее выраженности является залогом политической и духовной консолидации и единства национальной общности [Санина, 2010. С. 282].

Исследователи подчеркивают важность этнической идентичности для формирования системы ценностей личности этнофора: «выступая как особый род бытия, этническая идентичность помещает индивида в определенную систему координат, позволяет реализовать себя в своем отношении к бытию как таковому. Она помогает человеку соединиться с другими людьми и избежать одиночества. И в этом единении он может открыть для себя ответы на ряд важней-

ших вопросов его жизни, в том числе и мировоззренческого характера: вопросы выбора смысла жизни, выяснение своих отношений с иным, самообретения своей целостной личности» [Мухлынкина, 2014. С. 88]. В то же время именно этническая идентификация (как правило, не актуализированная в условиях стабильной этнокультурной ситуации) выходит на первый план при повышении уровня межэтнической напряженности или межэтнических конфликтах. Так, на примере взаимодействий мигрантов и принимающего сообщества, Г. С. Солодова и В. В. Гомзова отмечают, что «принятие мигрантов может носить внешний, неустойчивый характер. Их идентификация как “своих” распространяется на некритичные ситуации. В случае конфликта либо ограниченности ресурсов этнический фактор может актуализироваться и работающему или живущему рядом человеку могут напомнить об его исторических корнях» [2013. С. 66]. Согласимся с Ю. В. Попковым, что «наиболее отчетливо этническая идентичность проявляет себя в переломные этапы истории, что в значительной степени связано с кризисными политическими процессами, с действиями властей» [2016. С. 107].

Отмеченная двойственность и неоднозначность в ответе на вопрос, какая из идентичностей должна стать определяющей, доминирующей для развития этнонациональной политики в России, характерная как для академической мысли, так и для практики государственного управления, проявляется также и в общественном мнении. По результатам многолетних исследований, проведенных сотрудниками ИФПР СО РАН, для населения регионов Сибири существенно выраженной и важной является как национально-гражданская, так и этническая идентичности, и понять, значимость какой из них преобладает, достаточно сложно. Иллюстрируем этот тезис на примере анализа данных массового опроса 2014 г., проведенного в Республике Алтай под руководством д-ра филос. наук, проф. Ю. В. Попкова и д-ра филос. наук Е. А. Ерохиной. В исследовании, которое прошло в 2014 г. в Горно-Алтайске, Майминском, Чемальском, Шебалинском и Кош-Агачском районах, в качестве респондентов приняли участие 416 чел.

Республику Алтай, как представляется, правомерно использовать в качестве эмпирического объекта, поскольку регион является полиэтничным субъектом РФ, где на одной территории проживают представители разных этнических групп, что оказывает значительное влияние на этническую идентичность жителей республики. Из более чем 200 тыс. чел., проживающих в республике, русские составляют 56 %, алтайцы – 32 % и казахи – 6 %. Менее 4 % населения республики

составляют представители коренных малочисленных народов: теленгиты, тубалары, челканцы, телеуты. Кроме того, в республике проживают украинцы, немцы, армяне, татары, хакасы (в количестве менее 1 % по каждому этносу). Треть населения проживает в единственном городе республики – Горно-Алтайске. Этническая карта расселения неоднородна по республике: в Майминском, Турочакском, Усть-Коксинском, Чемальском и Чойском районах проживает в основном смешанное население со значительным преобладанием русских, в Онгудайском, Улаганском и Усть-Канском – большую часть жителей составляют алтайцы, а в Кош-Агачском районе преобладают казахи¹. Часть сел в республике моноэтничны: в некоторых проживают только казахи (за редким исключением), а в других – алтайцы.

Актуальность этнической идентичности для опрошенных алтайцев, казахов и представителей коренных малочисленных народов чрезвычайно высока: степень важности ощущения себя представителем своего народа в этих группах около (или даже выше) 90 %. Интересную статистику демонстрируют данные по опрошенным русским: мало того, что у них самый низкий процент обозначивших важность для себя этнической идентификации (69 %, что в сравнении с результатами аналогичных ответов у других этнических групп достаточно мало) – к тому же каждый четвертый из опрошенных отвечал, что для него «ощущать себя представителем своего народа» вообще не важно.

В то же время актуальность знания языка и культуры своего народа – показателя, который является базой формирования позитивной этнической идентичности, – высока для всех этносов в Республике Алтай. Также высокие значения у показателя, связанного с актуальностью трансляции языка и культуры последующим поколениям – от 85 до 95 % опрошенных важно, чтобы их дети знали язык и культуру своего народа. Таким образом, анализ данных позволяет заключить, что у алтайцев, казахов и представителей коренных малочисленных народов нет противоречия в структуре этнической идентичности: им важно как ощущать себя представителем своего народа, так и выражать значимость этого через необходимость знать и транслировать последующим поколениям язык и культуру своего народа. Но, как представляется, полученные цифры демонстрируют парадокс в структуре этнической идентичности русского населения: с одной стороны, отмечается важность языка и культуры своего на-

¹ Макошева А. А., Макошев А. П., Апеньшева И. Н. Население Республики Алтай (системно-структурный анализ). Информационные образовательные ресурсы ГАГУ. URL: <http://e-lib.gasu.ru/eposobia/makoshev/> (дата обращения 10.11.2014).

рода, но, с другой стороны, ощущать себя этническим русским не так уж и важно. В то же время более 90 % опрошенных в республике русских отметили высокую важность чувствовать себя россиянином. Таким образом, для русских в Республике Алтай данный тип идентичности – национально-гражданская – является наиболее выраженным и акцентированным. Казахи в Республике Алтай продемонстрировали при опросе очень высокие показатели по всем предложенным видам идентичности, но особый акцент у них (почти единодушный) – на ощущении себя россиянином.

Анализ данных позволяет заключить, что и национально-гражданская, и этническая идентичности важны для опрошенных и детерминированность государственной этнонациональной политики исключительно или преимущественно развитием общенациональной идентичности представляется недопустимой, поскольку приводит к фрустрации этнической идентичности. В целом, знание о развитии социальных систем и основных детерминантах, которые его обуславливают, дает возможность выявить функциональные связи в структуре обществ, зафиксировать главные тенденции их трансформации, проанализировать эффективность стратегий развития. В рамках неклассического подхода к определению сути социальной детерминации понятие об обществе строится на основе не механических, а системных, органических типов причинности. В этой связи происходит отказ от жесткого определения причинно-следственных связей, а акцент переносится на сложную процедуру взаимной детерминации составляющих социальных систем, которая позволяет учесть более широкий контекст функциональных взаимосвязей. В приложении к особенностям декларирования и возможностям реального выражения государственно-гражданской и этнической идентичностей в современной России ключевые ориентиры национальной политики видятся, во-первых, не вполне равновесными, а во-вторых, не всегда эффективными. Важность государственно-гражданской идентичности постоянно подчеркивается и в риторике властей, и в распределении средств бюджетов. Не случайно в паспорте ФЦП «Культура России (2012–2018 годы)» «сохранение российской культурной самобытности» указано в качестве первой из целей программы, а «выявление, охрана и популяризация культурного наследия народов Российской Федерации» – предпоследней ². В управленческой прак-

² Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 186 «О федеральной целевой программе “Культура России (2012–2018 годы)”» (с изменениями и дополнениями) // Паспорт ФЦП «Культура России (2012–2018 годы)». URL: <http://base.garant.ru/70149760/>

тике часто получается, что, хотя этническая идентичность и признана в правительственных программах всех уровней, реальная деятельность по ее позитивному развитию и укреплению часто «спускается» федеральными властями в зону ответственности региональных органов власти, причем реальная деятельность в этом направлении осуществляется преимущественно в национальных республиках. Если говорить о Республике Алтай, там действительно проводится целый ряд мероприятий республиканского масштаба, посвященных традициям и культуре народов, населяющих регион. Среди них международный курултай сказителей, республиканский народный праздник «Тюрюк-Байрам – праздник кедра», международные театральные кочевые фестивали «Желанный берег», «Легенды синего неба – Кок Тенгри» и др. Кроме того, в закон «О памятных датах и праздниках Республики Алтай» включены такие праздники, как «Чагаа-Байрам», «Наурыз», «Эл-Ойын». Ежегодно в регионе проводится конкурс национального костюма. Спортивная часть мероприятий зачастую включает в себя национальные виды спорта: борьбу куреш, набивание жестка (тебек), стрельбу из лука (карчага сайны), поднятие камня (кодурге таш). Однако вопрос о том, действительно ли эти и подобные им мероприятия подкрепляют развитие этнической идентичности жителей республики, остается открытым. Исследователи отмечают на таких праздниках и фестивалях снижение уровня культурной аутентичности в пользу зрелищности, процесс «нормализации» (опривычивания) национальной культуры для европейского глаза и уха туристов, уход от традиционного через смешение стилей (подробнее об этом см.: [Мадюкова, Персидская, 2018]). При этом представляется, что такого рода мероприятия решают лишь одну задачу в становлении значимости этнической идентичности, а именно – задачу этнокультурного обмена и информационного обогащения. Такие мероприятия, имеющие, как правило, несколько «карнавальный» оттенок, подчас не несут в себе экономической целесообразности со-действия представителей разных этнических общностей. Следовательно, фестивальные мероприятия по сути своей призваны акцентировать этническую отличительность. Наряду с ними представляется необходимым формирование комплекса мероприятий, ориентированных на «общее дело», где наряду с акцентированием этнокультурной отличительности присутствует задача экономического, социального развития региона и / или страны.

Еще одной существенной проблемой для позитивного подкрепления и этнической, и государственно-гражданской идентичностей видится отсутствие необходимых управленческих механизмов, которые

могли бы обеспечить взаимосвязь, с одной стороны, общероссийского гражданского самосознания и основанного на нем национального единства, с другой – этнокультурного многообразия [Этносоциальные процессы..., 2016. С. 56].

Преодоление противопоставления и вынужденного противостояния государственно-гражданской и этнической идентичностей видится в переосмыслении содержания каждой из них. Этническую идентичность не следует воспринимать как рудимент, как элемент отживающего архаического сознания, не жизнеспособный в современном мире, переживающем переход от наций-этносов к нациям-согражданствам. Этническая идентичность – живой и широко распространенный феномен, и свою жизнеспособность она доказывала многократно, в том числе в последние годы на примере проявления мощной этнической мобилизации во время межэтнических конфликтов. В этом смысле игнорировать этническую идентичность и сводить меры по ее позитивному подкреплению только к многочисленным этническим фестивалям и праздникам означает фрустрировать ее проявление, что в условиях многонациональной страны недопустимо. В том, что касается действенных мер по подкреплению и развитию национально-гражданской идентичности, согласимся с Л. М. Дробижевой: «...развитие именно гражданского сознания, а не просто отождествления себя с людьми, живущими в стране... возможно при доверии к властным институтам. Только тогда происходит эффективный контакт с властью самоорганизующегося общества, которое только и можно будет называть гражданским обществом» [2008. С. 222–223]. В этом смысле гражданская идентичность должна не столько решать проблему интеграции российского общества, сколько способствовать созданию общегражданского сознания, основанного на ценностях ответственного патриотизма, свободы и человеческого достоинства. Такой подход к определению сути этнической и государственно-гражданской идентичностей не противопоставляет их, а, наполняя разным ценностным и когнитивным содержанием, разводит в разные плоскости. Таким образом, культивирование этнической идентичности при поддержке государства будет способствовать также и укреплению общенациональной идентичности за счет действия механизма интеркультурного признания. Как представляется, государственная национальная политика должна быть направлена на устранение символического и правового неравенства этнических общностей, что позволило бы деполитизировать этническую идентичность и сохранить многообразие этнических и других видов идентичностей, таким образом, в конечном итоге решая задачу укре-

пления единства государства и солидарности его граждан. При сохранении политического, экономического и правового единства российского общества этнокультурное многообразие в стране не является фактором угрозы и раздробленности страны, но, наоборот, выполняет функцию определенного механизма «распознавания себя» российским сообществом через выбор собственных этнокультурных традиций. Таким образом, как ни парадоксально это звучит на первый взгляд, поддержание и актуализация этнической идентичности обладают потенциалом для становления и общероссийской идентичности на глубинных основах осознания своей дифференцированной целостности, подобной осознанию важности каждого музыкального инструмента для слаженной игры оркестра. Тогда как игнорирование важной роли этнической идентичности системой администрирования приводит к ее фрустрации, а следовательно, депрессивной неудовлетворенности жизнью на уровне конкретных представителей этнических сообществ и к социокультурному отчуждению на уровне взаимодействий этнических групп в масштабах страны.

В заключение еще раз подчеркнем, что эффективная стратегия государственной национальной политики должна не противопоставлять национально-гражданскую и этническую идентичности, не актуализировать развитие только одной из них за счет фрустрации другой, а искать пути их гармоничного сосуществования.

Список литературы

Гришина Е. А. Гражданская идентичность российской молодежи: опыт мониторинговых исследований 90-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.

Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичности: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 214–227.

Мадюкова С. А., Персидская О. А. Этноэкономика в действии: опыт Тувы и Алтая // ЭКО. 2018. № 5 (527). С. 45–64.

Мухлынкина Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позитив. Философские проблемы науки и техники. 2014. № 8 (8). С. 87–92.

Попков Ю. В. Престиж власти как фактор государственно-гражданской и этнической идентичности // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 104–116.

Санина А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный

и деятельностный аспекты // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 12. 2010. Вып. 4. С. 281–286.

Солодова Г. С., Гомзова В. В. Международная миграция – принимающее общество и иноэтничные мигранты // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 62–67.

Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 273 с.

Материал поступил в редколлегию 28.05.2018

S. A. Madyukova, O. A. Persidskaya

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sveiv7@mail.ru, olga_alekseevna@mail.ru

IDENTIFICATION STRATEGIES AS DETERMINING FACTORS OF ETHNONATIONAL POLICY

State-civil and ethnic identities are considered, on the one hand, as equally important factors shaping the consciousness of modern man, and on the other, as determinants of ethno-national politics. It is concluded that with equal relevance of both types of identity for the individual, in real politics the development of state-civic identity is given more importance, whereas methods for the development of ethnic identity are not always effective. The authors conclude that an effective strategy of ethnonational politics should not determine the development of only one of the identities through the frustration of the other, but to seek ways of harmonious coexistence through the separation of their value and cognitive richness.

Keywords: determinants, state-civil identity, ethnic identity, the Republic of Altai.

References

Drobizheva L. M. Natsionalno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost: problemy pozitivnoi sovместimosti [National-civil and ethnic identi-

ty: problems of positive compatibility]. *Rossiya reformiruyuschayasya* [Reforming Russia], 2008, no. 7, p. 214–227. (In Russ.)

Etnosotsialnye protsessy i etnonatsionalnaya politika v regionah Sibiri [Ethnosocial Processes and Ethno-National Policy in the Regions of Siberia]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2016. 273 p. (In Russ.)

Grishina E. A. *Grazhdanskaya identichnost rossiiskoi molodezhi: opyt monitoringovyh issledovaniy 90-h gg.* [The Civil Identity of Russian Youth: the Experience of Monitoring Research in the 1990s]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Madyukova S. A., Persidskaya O. A. *Etnoekonomika v deistvii: opyt Tuvy i Altaya* [Ethnoeconomics in Action: the Experience of Tuva and Altai]. *ECO journal*, 2018, no 5 (527), p. 45–64. (In Russ.)

Muhlynkina Yu. V. *Socialno-filosofskii analiz struktury etnicheskoi identichnosti* [Socio-philosophical analysis of the structure of ethnic identity]. *Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki* [Position. Philosophical Problems of Science and Technology], 2014, no. 8 (8), p. 87–92. (In Russ.)

Popkov Yu. V. *Prestizh vlasti kak faktor gosudarstvenno-grazhdanskoi i etnicheskoi identichnosti* [Prestige of power as a factor of state-civil and ethnic identity]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 104–116. (In Russ.)

Sanina A. G. *Socialnye osnovaniya grazhdanskoi identichnosti v sovremennom obschestve: substantsionalnyi, prostranstvennyi i deyatel'nostnyi aspekty* [Social Foundations of Civic Identity in Modern Society: Substantial, Spatial and Activity Aspects]. *Vestnik of St. Petersburg University. Series 12*, 2010, no. 4, p. 281–286. (In Russ.)

Solodova G. S., Gomzova V. V. *Mezhdunarodnaya migratsiya – prinimayushee obschestvo i inoetnichnye migranty* [International migration – the host society and migrants of other nationalities]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 62–67. (In Russ.)

Tishkov V. A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoi antropologii* [Requiem for Ethnicity: Studies on Socio-Cultural Anthropology]. Moscow, Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)

УДК 316.356.4

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-132-142

Е. А. Ерохина

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

leroh@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ МОНИТОРИНГА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотрены риски внедрения технократической модели национальной политики для локальных и региональных сообществ. Выделены две группы социокультурных детерминант, обуславливающих появление проектов технологического улучшения системы мониторинга межэтнических отношений: социотехнические мнимости. На примере внедрения системы искусственного интеллекта в процедуры анализа и сбора информации в системе мониторинга межэтнических отношений показано противоречие между растущим влиянием технонауки и недооценкой рисков, вызываемых внедрением инноваций. Обоснована важная роль институтов общественной экспертизы в оценке рисков, с которыми сталкивается социум при внедрении проектов инновационного и человеческого развития.

Ключевые слова: мониторинг, технологическое улучшение, социотехническая мнимость, менеджериальная мнимость, риск, национальная политика, современность, постсовременность, Россия.

В работе «Что такое глобализация» немецкий социолог Ульрих Бек отмечал, что *«прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место – как причина нынешней жизни и деятельности – приходит будущее, т. е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное»* [2001. С. 175–176]. Несмотря на критический скепсис, который вызывает провокационное высказывание Бека, следует отметить содержащееся в нем здоровое зерно: невозможно отрицать возросшую роль нацеленных в будущее инновационных проектов, изменяющих характеристики социальной реальности уже сегодня.

Цель данной статьи – показать смену парадигмы образного моделирования «хорошего общества» при переходе к современному

обществу. Если ранее современность рассматривалась как результат реализованных проектов прошлого, то теперь ее осмысление включает учет совокупности устремленных в будущее технологических проектов. В этой ситуации проекты улучшения системы мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в сфере межэтнического и этноконфессионального взаимодействия могут быть рассмотрены как социотехнические и менеджериальные детерминанты этносоциальных и этнополитических процессов. Оценка рисков, порожденных этими проектами, оказывается насущной задачей.

Сам феномен образного моделирования формируется на рубеже XVII–XVIII вв. как результат союза власти и знания. Концепция М. Фуко раскрывает ряд значимых характеристик этой взаимосвязи:

- власть не является нейтральной по отношению к знанию;
- власть и знание взаимно предполагают друг друга и вместе образуют отношения господства и подчинения;
- дискурсивные практики, в том числе практики обоснования научного знания, выступают как составная часть господствующего порядка [1999].

Одной из первых дискурсивных практик модерна является геополитика как тип пространственного проектирования, посредством которого происходит концептуальное переосмысление географических реалий: пространство становится территорией, «заключенной» в политические границы национального суверенитета. От имени нового субъекта, нации, с которыми связана их политическая легитимность, государства эпохи модерна переформируют границы государств, обращаясь к другой дискурсивной практике, связанной с идеей исторической укорененности. Исторические реалии древней и средневековой истории приобретают значение научных фактов, которые используются как аргументы в конкуренции национальных проектов [Каппелер, 2000; Миллер, 2004; Ерохина, 2012].

Какие же новые качества приносит современное общество в практики социокультурного проектирования? Конечно, это устремленность в будущее. Многообещающие успехи технауки формируют общественную среду, благоприятно воспринимающую инновации. Усиливающаяся индивидуализация работает на замену аттракторов социального действия: вместо индивидуальной ответственности за общую судьбу на первый план выходит идея индивидуального усовершенствования, в том числе улучшения внешних, данных от природы, характеристик человека. Исследователи называют такие проекции социотехническими мнимостями [Jasanoff, 2015].

В образы желаемого будущего, основанные на идее технологического улучшения, «вшиты» две содержательные интенции: традиции и инновации. С одной стороны, они встраиваются в существующий социальный порядок и наличные социальные практики как имманентные их природе, или маскируясь под таковые. С другой стороны, они всегда остаются открытыми к пересмотру. Устойчивые мнимости способны действовать как политическая сила [Ibid. P. 323].

Социотехническая мнимость представляет собой коллективный продукт воображения социального порядка, воплощенного в науке и технических проектах [Тищенко, Юдин, 2015. С. 201]. При этом очевидным оказывается противоречие между растущим влиянием технонауки и недооценкой рисков, вызываемых к жизни внедрением инноваций. Данный тезис можно проиллюстрировать обращением к смене парадигмы национальной политики РФ в 2015–2016 гг. Суть ее заключается в постепенном переходе от дискурсивной («фестивали и праздники») к технократической модели, к принципам технологического улучшения и менеджериальной оптимизации процессов управления. Не имея возможности в рамках статьи развернуть данное положение полностью, сосредоточимся на тех элементах новой парадигмы, которые прямо указывают на ее связь с технократической утопией.

В этом контексте особый интерес вызывает проект, порожденный идеей технологического улучшения управления этническим многообразием. Речь идет о государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. Данное новшество было разработано Федеральным агентством по делам национальностей в 2015–2016 гг. в рамках полномочий по контролю за реализацией Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Стратегия, имеющая статус федерального закона РФ, служит основой, как отмечается в тексте данного документа, «для координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления, их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации»¹.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года / Утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения 23.04.2018).

До 2016 г. мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в субъектах РФ осуществлялся в рамках реализации Стратегии силами органов региональной государственной власти и муниципалитетов совместно с экспертным сообществом. Серьезную роль в обосновании целей и показателей мониторинга сыграло научное сообщество. В этой связи следует упомянуть опыт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, созданной В. А. Тишковым. Данная сеть объединяла сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, а также других академических институтов и вузов России с заинтересованными представителями государственной власти и позволяла получать качественную оценку, пусть и с некоторым запозданием, происходящих в обществе этносоциальных, этнокультурных, этнополитических процессов. Свои экспертные сообщества существовали и в регионах. В этой связи необходимо отметить вклад в разработку показателей мониторинга южнороссийской (В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов), казанской (Р. Н. Мусина, Г. Ф. Габдрахманова, Л. Р. Низамова, Т. А. Титова), сибирской (Ю. В. Попков, Д. В. Ушаков, Е. А. Ерохина, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская) и иных этносоциологических научных школ, которые внесли определенный вклад в научное обоснование его методики.

Следует отметить, что ожидания научного сообщества, которые сложились к моменту внедрения новшества, строились на предположении о весомой роли экспертов в аналитической части реализации мониторинга. Кто, как не ученые – социологи, этнологи, антропологи – должны быть включены не только в процесс обоснования методологии мониторинга, но и допущены до аналитических процедур? Такие ожидания высказывались, в частности, в 2015 г. участниками круглого стола «Механизмы, критерии и принципы этноэкологической и этносоциальной экспертизы» на Конгрессе этнологов и антропологов России в Екатеринбурге [Ерохина, 2015]. Необходимо отметить, что часть этих ожиданий была оправдана. Так, например, при активном участии сотрудников Института социологии РАН (Л. М. Дробижевой, В. И. Мукомеля) была разработана социологическая составляющая мониторинга, реализуемая ныне ВЦИОМ [Хайкин, Бережкова, 2016].

Тем не менее ожиданиям не суждено было сбыться в той мере, в какой на это возлагались надежды исследователей. С момента своего образования ФАДН (Федеральное агентство по делам национальностей) приступило к разработке информационной системы, которая была призвана заменить неэффективные, по словам его сотрудников,

инструменты социологических исследований системой «искусственного интеллекта»². Отметим, что некоторые критические аргументы сотрудников ФАДН в адрес ученых выглядят как справедливые и обоснованные. В частности, тезис о существенном запаздывании результатов социологических исследований в ситуациях, когда необходимо немедленное реагирование на нарушение гражданских прав или угрозу национальной безопасности. Однако необходимо иметь в виду, что научное сопровождение национальной политики требует совсем иных процедур, чем оперативная аналитика, и противопоставлять эти инструменты не только некорректно, но и бессмысленно.

Так или иначе, усилиями ФАДН к середине 2016 г. была запущена электронная платформа, которая позволяет в режиме реального времени осуществлять мониторинг электронных СМИ и социальных сетей на предмет выявления публикаций, провоцирующих возникновение конфликтных ситуаций на межнациональной почве либо несущих угрозу экстремизма или ксенофобии. Объектом анализа и прогноза стала деятельность целого ряда институций, в том числе федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, некоммерческих организаций, представляющих интересы этнических общностей, религиозных организаций и объединений, казачьих общественных объединений, организаций, реализующих мероприятия, нацеленные на адаптацию и интеграцию мигрантов, групп лиц, представляющих интересы диаспор, лиц, активно распространяющих в Интернете информацию о межнациональных отношениях, а также СМИ, коммерческих организаций, образовательных учреждений и организаций, осуществляющих контроль и эксплуатацию объектов инфраструктуры.

В Систему в режиме реального времени поступают отчеты и донесения, которые автоматически классифицируются в привязке к ситуации или контекстному запросу, задаваемому пользователем. Вход в Систему доступен только для зарегистрированных пользователей – операторов «центра» и чиновников «на местах», представляющих соответствующие региональные и муниципальные структуры, отвечающих за реализацию Стратегии в субъектах РФ и на уровне местного самоуправления. В соответствии с первоначальным проектом, ситуация по уровням угроз могла быть квалифицирована в резуль-

² Из выступления заместителя начальника Управления мониторинга, анализа и прогноза ФАДН Романа Сафронова на семинаре-совещании по национальной политике в Красноярске 24–26 августа 2016 г.

тате морфологического, лингвистического или когнитивного анализа текста донесения или сообщения как «зеленая», «желтая», «оранжевая» или «красная».

В интервью «Комсомольской правде» заместитель начальника Управления мониторинга, анализа и прогноза ФАДН Роман Сафонов дал следующую оценку ее эффективности: «По сути, российскими специалистами создан тот самый “искусственный интеллект”, о котором фантасты говорят несколько веков. В Управлении мониторинга, анализа и прогноза установлено высокотехнологичное оборудование, имеющее в основе ранее созданную систему искусственного интеллекта под названием “Лев Толстой”... Российские специалисты разработали для Управления “свой” искусственный интеллект, собирающий и анализирующий информацию из различных сообществ, блогов и веб-сайтов, а затем на основе полученных данных предсказывающий возможные угрозы межэтнических и межконфессиональных конфликтов»³. В интервью особенно подчеркивалось, что у «нашей мониторинговой системы, искусственного интеллекта, нет ни одной лицензионной комплектующей, все придумано и произведено исключительно в России»⁴.

Ориентацию на замену экспертного знания системой искусственного интеллекта как более эффективного инструмента анализа и прогноза конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях иллюстрирует диалог журналиста и чиновника:

– Сколько же человек денно и ночью мониторят межэтническую и межконфессиональную ситуацию внутри огромной страны?

– В своей работе мы стремимся минимизировать человеческий фактор, в нашем «штабе» – всего десять человек, главным образом чиновники и эксперты, из которых два-три специалиста по этническим и религиозным вопросам. Если в систему поступило некоторое количество информации, собранной из соцсетей, которая говорит о тревожной ситуации в том или ином регионе, то загорается красная лампочка. И она не погаснет до тех пор, пока местные власти не сообщат, что сигнал, посланный из нашего управления, ими рассмотрен и должные меры принимаются. В зависимости от характера и интенсивности поступающих в систему сигналов есть три уровня определения угрозы межэтнического конфликта: красный, желтый и зеленый. В своей повседневной работе мы оперативно делимся полученными данными, проводимым нами анализом

³ У «Льва Толстого» искусственный интеллект // Многонациональная Россия. Спецвыпуск «Комсомольской правды» и Федерального агентства по делам национальностей. 12 декабря 2016. URL: <https://www.kp.ru/best/msk/muslims-russia> (дата обращения 23.04.2018).

⁴ Там же.

и сделанными прогнозами с соответствующими правоохранительными органами. При этом важно понимать, что меры принимаются не в нашей системе, а «на земле». То есть специалисты по межнациональным отношениям на местах должны отрабатывать проблемные вопросы с людьми, а не в кабинетах ⁵.

Нет сомнения в том, что Система мониторинга может сыграть важную роль в контексте решения задачи противодействия экстремизму в социальных сетях. Однако данная задача, реализуемая Стратегией государственной национальной политики РФ, является одной из многих, требующих качественного экспертного сопровождения. Сокращение сферы участия в мониторинге представителей научного сообщества, замена научного анализа контекстным анализом, мнимая легкость получения информации и кажущаяся простота ее обработки при помощи автоматических систем создают новое качество рисков. Рискогенным фактором оказывается качество анализа, которое объективно снижается в результате вытеснения процедур научного обоснования из процесса мониторинга. Это неизбежно ведет к ошибкам и искажениям, цена которых с трудом поддается исчислению. Рискогенным обстоятельством становится и сама иллюзия управляемости. Технологический надзор не может заменить реальное взаимодействие чиновника и гражданина. Между тем область ответственности чиновника из реальной жизни перемещается в виртуальную среду, а содержание его работы сводится к воспроизводству электронного документооборота, состоящего из «отписок» в ответ на требования системы «прореагировать» на тот или иной цветовой сигнал.

Образ какого будущего создают технологические новшества, подобные Системе мониторинга? Очевидно, такого, в котором искусственный интеллект победил экстремизм, насилие и ксенофобию по этническому, религиозному или расовому признаку. Образ такого «дивного нового мира», задаваемого рамками технократической утопии, оказывается возможным благодаря иллюзиям управления человеческим развитием посредством электронных интерфейсов и делегирования человеческих компетенций, в том числе аналитических и управленческих, искусственным системам.

Из этого вытекает вторая качественная характеристика практик социального проектирования постсовременного общества. Характер происходящих изменений требует от его членов, в том числе представителей научного сообщества, более активного участия в деятельности экспертных общественных институтов, в процедурах принятия

⁵ Там же.

решений, касающихся внедрения тех или иных, в том числе социальных, инноваций.

Общественная экспертиза – процесс осмысления нового, с чем мы еще не привыкли иметь дело, что может нести в себе риски, вызывать опасения [Пронин и др., 2017. С. 81]. Она предполагает активное участие обычного гражданина, «профана», «человека с улицы». Можно выделить различные кластеры общественной экспертизы: гражданские инициативы; гражданские объединения и сообщества, отстаивающие свои интересы; институты экспертизы с совместным участием представителей общества и власти; аналитическая деятельность медиа, профессиональная (институциональная) и научная экспертиза. Также имеет смысл говорить и об институционализации ее форм: общественных слушаний, этических комитетов, общественных палат при различных органах государственной власти и местного самоуправления. Применительно к сфере межэтнических отношений можно говорить о сложившейся системе институтов гражданского участия, способных брать на себя экспертные функции. Это консультативно-координационные советы по вопросам национальной политики, действующие при муниципалитетах, общественные структуры при органах территориального общественного самоуправления, некоммерческие организации, содействующие сохранению этнокультурного многообразия и развитию межэтнической интеграции в местных сообществах. Свои сети участия создают педагогические коллективы образовательных учреждений с многонациональным составом учащихся, в которых происходит обмен методиками диагностики и инструментарием педагогического сопровождения детей из семей этнических мигрантов.

Элементы технауки становятся инструментами государственной национальной политики. Это обстоятельство несет с собой ряд рисков для общества. Оценка и преодоление таких рисков требуют новых процедур гражданского участия, нового языка этического, нормативного и правового обоснования принятия решений, новых практик солидарности и доверия. В данной ситуации обнадеживающим обстоятельством остается способность общества генерировать социальные связи, восстанавливающие разрывы за счет механизмов социального участия, конструировать нейтрализующие отчуждение сети доверия. Какова роль научного, в том числе гуманитарного, сообщества в оценке рисков проектов технологического улучшения управления человеческим развитием, покажет ближайшее будущее.

Список литературы

- Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
- Ерохина Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск, 2012. 418 с.
- Ерохина Е. А. Механизмы, критерии и принципы этноэкологической и этносоциальной экспертизы (итоги работы секции в рамках XI Конгресса антропологов и этнологов России, г. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.) // Новые исследования Тувы. 2015. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_27/8183-erohina.html (дата обращения 23.04.2018).
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Миллер А. И. Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое изд-во, 2004. С. 263–285.
- Пронин М. А., Юдин Б. Г., Синеокая Ю. В. Философия как экспертиза // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 2. С. 79–96.
- Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Звездный час философии // Вопр. философии. 2015. № 12. С. 198–203.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
- Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 97–110.
- Jasanoff Sh. Imagined and Invented Worlds // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 2015. P. 321–342.

Материал поступил в редколлегию 04.07.2018

E. A. Erokhina

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

leroh@mail.ru

**OPPORTUNITIES AND RISKS OF TECHNOLOGICAL
ENHANCEMENT OF THE MONITORING SYSTEM OF INTER-
ETHNIC AND INTER-CONFESSIONAL RELATIONS AND EARLY
PREVENTION OF CONFLICT SITUATIONS**

The paper considers the risks of implementation of the technocratic model of national policy for local and regional communities. Two groups of socio-cultural determinants that govern the emergence of projects for technological enhancement of the monitoring system of the interethnic relations are highlighted: sociotechnical and managerial fictions. The example of introduction of artificial intelligence system into the procedures of information collection and analysis in the system of interethnic relations monitoring shows the contradiction between the growing influence of the techno-science and the underestimation of risks caused by the implementation of innovations. The paper also justifies the important role of institutions of public expertise in assessing the risks facing the society due to the implementation of projects of innovative and human development.

Keywords: monitoring, technological enhancement, sociotechnical fiction, managerial fiction, risk, national policy, modern, postmodern, Russia.

References

Beck U. Chto takoe globalizatsiya? [*What Is Globalization*]? Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. (In Russ.)

Erokhina E. A. *Sibirskii vektor vnutrennei geopolitiki Rossii* [*Siberian Vector of Internal Geopolitics of Russia*]. Novosibirsk, 2012. (In Russ.)

Erokhina E. A. Mekhanizmy, kriterii i printsipy etnoekologicheskoi i etnosotsialnoi ekspertizy (itogi raboty sektsii v ramkah XI Kongressa antropologov i etnologov Rossii, Ekaterinburg, 2–5 July 2015) [*Mechanisms, Criteria and Principles of Ethno-sociological and Ethno-ecological Expertise (the Results of Work of the Section in the Scope of the XI Congress of Anthropologists and Ethnologists, Ekaterinburg, Russia, July 2–5, 2015)*]. *Novye issledovaniya Tuvy* [*New Research of Tuva*], 2015,

no. 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_27/8183-erohina.html (In Russ.)

Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. (In Russ.)

Jasanoff Sh. Imagined and Invented Worlds. *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago and London, The University of Chicago Press, 2015, p. 321–342.

Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsionalnaya imperiya: vzniknovenie, istoriya, raspad [Russia – a Multinational Empire: The Emergence. The History. The Collapse]*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. (In Russ.)

Khaykin S. R., Berezhkova S. B. Sociologicheskii monitoring mezhnatsionalnyh i mezhhkonfessionalnyh otnoshenii Federalnogo agentstva po delam natsionalnosti [Sociological Monitoring of Interethnic and Inter-confessional Relations of the Federal Agency for Ethnic Affairs]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2016, no. 5, p. 97–110. (In Russ.)

Miller A. I. Imperiya i natsiya v voobrazhenii russkogo natsionalizma: Zametki na polyah odnoi stat'i A. N. Pypina [The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism: Notes on the Margins of an Article by A. N. Pypin]. *Rossiiskaya imperiya v sravnitelnoi perspektive [The Russian Empire in a Comparative Perspective]*. Moscow, New publ. house, 2004. (In Russ.)

Pronin M. A., Yudin B. G., Sineokaya Yu. V. Filosofiya kak ekspertiza [Philosophy as Expertise]. *Filosofskii zhurnal [Philosophical Journal]*, 2017, vol. 10, no. 2, p. 79–96. (In Russ.)

Tischenko P. D., Yudin B. G. Zvezdnyi chas filosofii [Star's hour of philosophy]. *Questions of Philosophy*, 2015, no. 12, p. 198–203. (In Russ.)

УДК 304. 42

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-143-151

И. С. Тарбастаева

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

inna-tarbastaeva@yandex.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Анализируются вопросы сохранения и развития этнокультурного многообразия посредством развития коллективных прав этнических сообществ. Отмечается, что при доминирующем конструктивистском подходе акцент ставится на ситуативности, множественности этнических идентичностей, а этнической культуре как важной человеческой ценности уделяется недостаточное внимание. Показывается, что этнические сообщества являются первоначальными носителями этнической культуры, которая не может функционировать в рамках отдельного индивида. Следовательно, для развития этнокультурного многообразия наряду с индивидуальными правами человека следует развивать коллективные права.

Ключевые слова: этнокультурное многообразие, примордиализм, конструктивизм, Р. Брубейкер, этническое сообщество, индивид, этническая культура, коллективные права.

Понятие «этнокультурное многообразие» стало одним из ключевых в системе современных политических, идеологических взглядов на проведение этнонациональной политики. В основном его используют, когда хотят обозначить культурную сложность российского общества. В академических кругах считается, что этнические, религиозные различия являются достоянием и важным ресурсом Российского государства [Попков, 2015; Тишков, 2017]. Эта позиция поддерживается властью, и в ряде нормативно-правовых актов этнокультурное многообразие официально рассматривается в качестве конкурентного преимущества ¹. Тем самым, по сути, дается высокая оценка

¹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (2013). Правительство

культурным смыслам, социальным практикам, духовным ценностям, которые легитимны и распространены в определенных сообществах.

Учитывая это, представляется важным раскрыть и обосновать роль коллективных образований в поддержании этой культурной сложности. Насколько она зависит от этнических сообществ или же способна функционировать вне групп, посредством воздействия внешних институциональных факторов – образования, средств массовой информации, идеологии? На наш взгляд, первичными носителями этнокультурного многообразия являются этнические сообщества [Тарбастаева, 2015], поскольку именно в них поддерживается этническая культура во всей своей полноте. Отдельные индивиды отражают лишь определенный ее аспект, они не в состоянии быть носителями всей культурной сложности, неоднородности, присущей этнической культуре. Поэтому для сохранения этнокультурного многообразия важно обеспечивать полноценное функционирование этнических сообществ в целом, в том числе посредством развития института коллективных прав. Под ними понимаются права, которые возникают у индивида в силу его причастности к определенному сообществу.

Полемика о коллективных правах предполагает категоризацию термина «этническое сообщество». Следует отметить, что после активной разработки советской теории этноса [Бромлей, 1987], исследовательский интерес к данной теме заметно угас. Напомним, что в советские времена этническая общность определялась как совокупность людей, обладающих общими культурой и языком, осознающих свою принадлежность к данной общности и отличие от людей, принадлежащих к другим подобным общностям [Там же]. В последние несколько десятилетий лидерами в области изучения этничности стали приверженцы *конструктивистского* подхода, одним из главных тезисов которого стала критика *примордиалистов* в их стремлении к «натурализации», овеществлению этничности. Конструктивисты полагают, что этнические сообщества не объективно существующие данности, а становятся объектом специального внимания за счет других социальных процессов и идеологических воззрений, благодаря которым они и воспринимаются как социальная реальность [Соколовский, 2004. С. 20–21]. Тем не менее в рамках этого подхода разрабатываются важные идеи в осмыслении феномена этничности, приближающие нас к пониманию механизма образования и поддержания фактических различий между людьми. Особого

России. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения 15.05.2018).

внимания заслуживает роль категоризаций и классификаций (в том числе в виде переписей населения) в выделении этнических групп и определении границ между ними [Барт, 2006].

Вместе с тем складывается ощущение, что в контексте конструктивистского анализа любое концептуальное обсуждение этнических сообществ расценивается как возврат к примордиализму. Как будто бы выявление способов поддержания этничности как ментальной конструкции в достаточной мере раскрывает этот феномен, а изучение роли этнических сообществ и тех культурных ценностей, носителями которых они являются, свидетельствует о научной наивности исследователей. Риторика в основном сводится к тому, что индивиды манипулируют этничностью, используют ее или, напротив, пренебрегают ею соответственно своим интересам. Так, авторитетный антрополог С. В. Соколовский определяет этничность как «изменчивую, многослойную, и чрезвычайно зависимую от политической конъюнктуры индивидуальную или групповую стратегию, а этнические сообщества – как сообщества интересов» [2004. С. 16]. Ю. В. Шабаев убежден, что этнические организации, в том числе через разработку региональных моделей этнонациональной политики, реализуют идеи этнического национализма, последовательной демонстрации отличительности групп и символического маркирования соответствующих культурных границ [2017]. Фокус внимания исследователей сместился с аксиологической составляющей этничности на осмысление ее как властного, структурного ресурса. И акцент на таком понимании этничности даже используется как основание избличения политических амбиций национальных элит.

Продуманная и расчетливая манипуляция этничностью, безусловно, имеет место быть. Но, следуя подобного рода установкам, мы практически отрицаем самостоятельную ценность тех культурных смыслов, которые сосредоточены в этнических сообществах. Признание же их позволяет вести речь о значимости соответствующих социальных практик, культурных установок, моделей поведения и для современности, и для будущих поколений.

Можно сказать, что в примордиалистическом дискурсе этническая культура являлась одним из важнейших концептов ², в современных же авторитетных конструктивистских исследованиях ей уделяется недостаточно внимания как самостоятельной ценности, достоянию

² Известны фундаментальные труды: Э. С. Маркарян «Очерки теории культуры» (1969), «Культура жизнеобеспечения и этнос» (1983), «Теория культуры и современная наука» (1983); Н. В. Шевченко «Системный подход к культуре в советской фило-софской литературе»; С. А. Арутюнов «Народы и культуры» (1989).

человечества. Так, В. А. Тишков, отмечая, что раньше понятие «культура» имела ограниченное, конкретно-материальное, сущностное и вневременное определение, хотя «главное в культурных различиях то, что они есть результат целенаправленных усилий со стороны активистов социального пространства: элит, управленцев и ученых, результат так называемого социального конструирования» [2005. С. 9, 15]. Акцент на «текучести», подвижности, множественности этнических идентичностей отводит на второй план значимость коллективных образований. Не будем вдаваться в подробности давней дискуссии примордиалистов и конструктивистов, она подробно описана во многих работах. Отметим лишь наиболее интересный момент, о котором писал авторитетный американский социолог Р. Брубейкер в книге «Этничность без групп» [2012]. Несмотря на то, что он является последователем конструктивистского подхода, его замечание по поводу субъектов «натурализации» этничности во многом проясняет позицию примордиалистов, в частности, показывает, что их воззрение намного глубже, чем просто субстанциональный взгляд на этничность как существующую объективно.

Р. Брубейкер, обращаясь к когнитивным исследованиям, показывает, что у человеческих существ есть глубокая расположенность воспринимать социальные категории как понятия, объективное содержание которых – унаследованные и неизменные сущности [Rothbart, Taylor, 1992]. Люди делают заключение о собственных характеристиках на основании поверхностной видимости и в результате начинают верить в них как в объективную реальность. В особенности это касается тех категорий, которыми легко мыслить – раса, этничность, национальность. Тенденции движения индивидов к натурализации культуры являются объектом исследования примордиалистов. Р. Брубейкер пишет: «...участники, а не аналитики являются настоящими примордиалистами, поскольку трактуют этничность как естественно данную и неизменную» [2012. С. 161]. Другими словами, собственная этническая идентичность воспринимается ее носителями как исходная и неизменная данность, а примордиалисты являются «аналитиками натурализаторов», а не «аналитиками натурализаторами» [Gil-White, 1999. P. 803].

В массовом сознании действительно с этничностью дело обстоит гораздо проще, чем в академических кругах. Например, тувинцы, алтайцы и представители других сибирских народов (за исключением узконаправленных специалистов из их числа в социальных науках) не склонны проводить рефлекссию относительно того, в силу каких политических, идеологических процессов создалось *то*, что они на-

зывают «моя этническая принадлежность». Мы солидарны с С. Е. Рыбаковым в том, что этничность скорее основана на бессознательных структурах психики, не всегда поддается управлению, корректированию с помощью внешних факторов, но реализуется вполне осознанно. И в этом смысле конструктивизм продуктивен только если речь идет о сознательном уровне определения этничности [Рыбаков, 2012. С. 150]. Он справедливо отмечает: «...этничность конструирована и ситуативна только в определенном смысле, до определенного уровня – лишь постольку, поскольку она сознательна» [Там же. С. 155].

Вернемся к понятию «этническое сообщество» – ключевому для понимания необходимости развития социально-философской концепции коллективных прав, так или иначе связанной с определенным правовым институтом. Как было сказано выше, современный дискурс по сути не касается аксиологической значимости культурных смыслов и практик этнической культуры, которые воспроизводятся сообществами. И здесь мы не согласны с Р. Брубейкером в том, что признавать группы (коллективы) за основные единицы анализа и элементы социального мира означает овеществлять их. Такую стратегию исследования он называет «группизмом» и призывает исследователей отказаться от нее [2012. С. 16]. По его мнению, этничность не требует групповости, а способна действовать через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки [Там же. С. 18].

На наш взгляд, сама по себе этничность – явление коллективное, свидетельствующее о существовании некоего сообщества. Причем его онтологический статус (реальный или символический) здесь большой роли не играет, достаточно признавать, фактически констатировать его наличие в коммуникативном публичном пространстве. Процесс этнической самоидентификации практически невозможно осуществить, если нет соответствующего сообщества. Этничность не появляется из состояния одиночества, она всегда отталкивается от того, что в мире уже существует (или существовал в прошлом) определенный коллектив с наименованием, традициями, антропологическим обликом. Глубина осознания конкретным индивидом своей принадлежности к этому коллективу может со временем меняться: известны случаи, когда в преклонном возрасте люди начинают больше внимания уделять своим этническим корням; возможен также полный разрыв эмоциональных, ментальных связей с данной группой и переход в другую или причисление себя к иным сообществам при сохранении первоначальной принадлежности (двойственная, тройственная этничность).

Еще раз подчеркнем, что этническая самоидентификация человека всегда происходит при наличии сообщества. Другой вопрос в том, что она может быть «пассивной», не выражаться в сознательных действиях индивида. Или усиливаться, меняться при воздействии социальных, политических институтов. Кроме того, именно сообщества являются «кладовой» культурных ценностей, и в этом заключается их важная роль для сохранения и поддержания общемирового благополучия. Отдельный человек выражает ограниченный спектр культурного многообразия, он не может отражать всю его многогранность (например, способен разделять какие-то ценности, стратегии жизненного поведения, но быть категорически не согласным с другими). Очевидно, что индивид не в состоянии быть носителем всей многомерности установок, легитимных в той или иной группе.

Идея обоснования значимости этнических сообществ и их поддержания посредством коллективных прав заключается в том, что этнические сообщества являются первоначальными носителями этнической культуры, которая только весьма ограниченно может функционировать на уровне отдельного индивида. Следовательно, этническое сообщество можно определить как форму социальной коллективности, в рамках которой функционирует этническая культура, не способная быть репрезентированной в полном мере в конкретном индивиде. В этой связи важным представляется вывод А. С. Ахиезера: «Любое сообщество существует только если оно субъект специфической субкультуры, если эта субкультура является основой для программ, которые направляют воспроизводственную деятельность этого субъекта сообщества... » [2000. С. 38].

Итак, если концептуализировать этничность подобным образом, уделяя внимание роли коллективных образований в ее поддержании, то становится ясно, что для развития этнокультурного многообразия важно сохранять сообщества, в том числе с подключением правовых ресурсов. И здесь наряду с индивидуальными правами человека значимыми являются коллективные права (в российском законодательстве они четко зафиксированы по отношению к коренным малочисленным народам).

Таким образом, природа коллективных прав, их основополагающий смысл заключаются в сохранении культурной самобытности, этнокультурного многообразия в современном мире. Наличие коллективных прав не означает, что сообщества должны быть организованными единицами, подобно коммерческим структурам. Субъектом права в них является этническое сообщество, а субъектом конкретных правоотношений – индивид, причисляющий себя к данному со-

обществу. При желании (или необходимости) человек в состоянии воспользоваться соответствующими правами. Однако существование общей нормы, указывающей на то, что сообщества имеют право получать, допустим, поддержку от государства при решении тех или иных вопросов, означает признание за сообществами важной роли в развитии этнических культур.

Список литературы

Ахиезер А. С. Философские основы социокультурной теории и методологии // *Вопр. философии*. 2000. № 9. С. 29–45.

Барт Ф. Введение // *Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий* / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. С. 9–48.

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. 333 с.

Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

Попков Ю. В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // *Социол. исследования*. 2015. № 4. С. 39–44.

Рыбаков С. Е. К вопросу об этническом феномене // *Мониторинг*. 2012. № 2 (108). С. 147–156.

Соколовский С. В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: Привет, 2004. 258 с.

Тарбастаева И. С. Коллективные права этнических общностей: к проблеме правосубъектности в этнонациональной политике // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 4. С. 101–110.

Тишков В. А. Мировой опыт полиэтничности и Россия: три причины для интереса // *Этническое и религиозное многообразие России* / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2017. С. 11–22.

Тишков В. А. О культурном многообразии // *Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 3–22.

Шабаетов Ю. В. Идея групповых прав в этнополитике и в идеологии этнических организаций (на примере финно-угров России) // *Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики* / Под ред. Ю. В. Попкова, И. С. Тарбастаевой; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Манускрипт, 2017. С. 47–57.

Gil-White F. How Thick Is Blood? The Plot Thickens...: If Ethnic Actors Are Primordialists, What Remains of the Circumstantialist / Primordialist Controversy? // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. No. 22. P. 789–820.

Rothbart M., Taylor M. Category Labels and Social Reality: Do We View Social Categories as Natural Kinds? // *Language, Interaction and Social Cognition* / Eds G. R. Semin, K. Fiedler. London: Sage, 1992. P. 11–36.

Материал поступил в редколлегию 12.07.2018

I. S. Tarbastaeva

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

inna-tarbastaeva@yandex.ru

COLLECTIVE RIGHTS OF ETHNIC COMMUNITIES AS THE CONDITION OF PRESERVING THE ETHNO-CULTURAL DIVERSITY

The article analyzes the issues of preservation and development of ethno-cultural diversity through the development of collective rights of ethnic communities. It is noted that with the dominant constructivist approach, the emphasis is made on situationality, the plurality of ethnic identities, and insufficient attention is paid to ethnic culture as an important human value. It is shown that ethnic communities are the original bearers of an ethnic culture that cannot function within a single individual. Consequently, for the development of ethno-cultural diversity, along with individual human rights, collective rights should also be developed.

Keywords: ethnocultural diversity, primordialism, constructivism, R. Brubaker, ethnic community, individual, ethnic culture, collective rights.

References

Ahiezer A. S. *Filosofskie osnovy sotsiokul'turnoi teorii i metodologii* [Philosophical bases of sociocultural theory and methodology]. *Question of Philosophy*, 2000, no. 9, p. 29–45. (In Russ.)

Barth F. *Vvedenie* [Introduction]. *Etnicheskie gruppy i sotsialnye granitsy. Sotsialnaya organizatsiya kulturnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference]. F. Barth (ed.). Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2006, p. 9–48. (In Russ.)

Bromlei Yu. V. *Etnosotsialnye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost* [*Ethnosocial Processes: Theory, History, Modernity*]. Moscow, 1987. (In Russ.)

Brubeiker R. *Etnichnost bez grupp* [*Ethnicity without Groups*] Moscow, High School of Economics, 2012. (In Russ.).

Popkov Yu. V. Natsionalnaya politika v Rossii: tselevye ustanovki i regionalnye modeli [Nationality policy in Russia: Target objectives and regional models]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [*Sociological Research*], 2015, no. 4, p. 39–44. (In Russ.)

Rybakov S. E. K voprosu ob etnicheskom fenomene [On the issue of the ethnic phenomenon]. *Monitoring*, 2012, no. 2 (108), p. 147–156. (In Russ.)

Sokolovskii S. V. *Perspektivy razvitiya kontseptsii etnonatsionalnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii* [*Prospects for the Development of the Concept of Ethno-National Policy in the Russian Federation*]. Moscow, Privet Publ., 2004. (In Russ.)

Tarbastaeva I. S. Kollektivnye prava etnicheskikh obschnosti: k probleme pravosubektnosti v etnonatsionalnoi politike [Collective rights of ethnic communities: to the problem of legal personality in ethno-national politics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [*Knowledge. Understanding. Skill*], 2015, no. 4, p. 101–110. (In Russ.)

Tishkov V. A. Mirovoi opyt polietnichnosti i Rossiya: tri prichiny dlya interesa [World experience of polyethnicity and Russia: three reasons for interest] *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [*Ethnic and Religious Diversity of Russia*]. V. A. Tishkova, V. V. Stepanova (eds.). Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 2017, p. 11–22. (In Russ.)

Tishkov V. A. O kulturnom mnogoobrazii [On Cultural Diversity], *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographic Review*], 2005, no. 1, p. 3–22. (In Russ.)

Shabaev Yu. V. Ideya gruppovykh prav v etnopolitike i v ideologii etnicheskikh organizatsii (na primere finno-ugrov Rossii) [The idea of group rights in ethnopolitics and in the ideology of ethnic organizations (on the example of the Finno-Ugrians of Russia)]. *Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv: problemy teorii i praktiki* [*Collective Rights of Ethnic Communities: Problems of Theory and Practice*]. Yu. V. Popkov, I. S. Tarbastaeva (eds.). Novosibirsk, Manuscript Publ., 2017, p. 47–57. (In Russ.)

Gil-White F. How Thick Is Blood? The Plot Thickens...: If Ethnic Actors Are Primordialists, What Remains of the Circumstantialist / Primordialist Controversy? *Ethnic and Racial Studies*, 1999, no. 22, p. 789–820.

Rothbart M., Taylor M. Category Labels and Social Reality: Do We View Social Categories as Natural Kinds? *Language, Interaction and Social Cognition*. G. R. Semin, K. Fiedler (eds.). London, Sage, 1992, p. 11–36.

УДК 316.347+316.356.2

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-152-161

М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

marika24@yandex.ru

СЕМЬЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

На основе классической концепции социальных институтов Т. Парсонса рассмотрена семья как социальный институт и ее роль в детерминации трансформации межэтнических сообществ. Предложена модель механизма детерминации, включающая этническую структуру населения, тип семьи, межпоколенные отношения в семье, социальные и межэтнические установки детей (молодежи), аккультурационные стратегии молодежи, социальную коммуникацию семьи с другими социальными институтами. Модель верифицирована на материалах конкретных социологических исследований в республиках Саха (Якутия), Хакасия, Тыва. Выявлена позитивная роль этнически смешанных семей в интеграции межэтнических сообществ.

Ключевые слова: семья, тип семьи, механизм детерминации, межэтническое сообщество, трансформация, молодежь, аккультурация, интеграция.

Семья как малая социальная группа и как социальный институт играет важную роль в развитии общества. Она опосредует социальные отношения между индивидами и группами во всех сферах жизни, реализует фундаментальную функцию самосохранения общества, воспроизводства новых поколений, их первичной социализации, инкультурации и аккультурации [Антонов, Медков, 1996]. Как классический социальный институт семья – это «организованная система культурных представлений норм, общих для большинства индивидов», удовлетворяющая требованиям формулы AGIL в концепции социальных институтов Парсонса: А – адаптации индивидов к социальной системе; G – осмысления целесообразности существующих порядков; I – интеграции индивидов в систему общественных взаи-

мосвязей; L – легитимации данного порядка вещей [Парсонс, 2000. С. 406].

Тем не менее именно как социальный институт семья недостаточно изучена в отечественной социологической науке, особенно в этносоциологии. Если же отдельные исследования проводятся, то в них семья рассматривается в основном как объект воздействия иных социальных институтов – политики, экономики и др., а не как субъект, активный фактор социальных преобразований, как детерминанта трансформаций. В то же время существенными составляющими межэтнического сообщества являются объективные элементы в виде этнической структуры населения определенного региона их проживания и субъектно-объектные характеристики в виде этнического состава семей (домохозяйств), возникающие в результате межэтнического взаимодействия, которые можно рассматривать как взаимовлияющие друг на друга. В итоге происходит изменение межэтнических сообществ – не только количественное изменение рассматриваемых структур, но и их качественное преобразование: появление межэтнических типов браков (семей и домохозяйств), а также изменение ценностных ориентаций.

В данной работе изложены основные результаты наших исследований по выявлению роли семьи именно в таком ракурсе – как детерминанты трансформации межэтнических сообществ, что весьма важно для полиэтничной России в условиях ее системной трансформации.

В трактовке концепта «межэтническое сообщество» мы разделяем позицию В. В. Мархинина и И. В. Удаловой, что это не просто общество, а исторически прочная форма общности народов [2014]. Различение межэтнических и мультикультурных сообществ и полиэтничных обществ, приведенное нами [Абрамова и др., 2017. С. 26–35], позволило уточнить содержание данного концепта, а анализ факторов интеграции и дезинтеграции межэтнических сообществ – выделить основные детерминанты их интеграции и обозначить роли различных социальных институтов в данном процессе. Институт семьи как детерминанта трансформации этнической структуры населения рассмотрен на примере Республики Хакасия [Там же. С. 46–61, 55–56].

Этническая структура населения является важной, но не единственной предпосылкой становления и трансформации межэтнических сообществ. Данная структура, в свою очередь, есть продукт истории межэтнических взаимодействий – экономических, миграционных, политических, культурных, духовных, а также этнической истории взаимодействующих этносов. От характера этих взаимодей-

ствий в конечном счете зависит, стало ли полиэтническое общество того или иного масштаба (цивилизация, страна, регион, поселение) межэтническим сообществом и каковы тренды его трансформации – интеграция или дезинтеграция.

В механизме действия социального института семьи как детерминанты трансформации межэтнических сообществ можно выделить наряду с этнической структурой населения такие важные структуры, как: тип семьи в этническом, социальном и социокультурном аспектах; социальные и межэтнические установки родителей и детей; аккультурационные стратегии молодежи, характер социальной коммуникации семьи в обществе в целом и в межэтническом сообществе. Каждая из структур состоит из многих элементов, взаимосвязанных между собой.

Возможно, из-за сложности и многоплановости данного механизма он пока недостаточно изучен как в теоретическом, так и в прикладном аспекте, хотя его отдельные структуры и элементы освещены в публикациях Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, В. В. Мархинина, Д. В. Ушакова, И. Н. Трошкиной, Р. К. Тангалычевой, Е. Г. Корнильцевой, Т. А. Ревушкиной, В. Т. Ананьиной.

Проведенные нами по единой методике массовые социологические опросы молодежи в республиках Саха (Якутия), Хакасия и Тыва, а также экспертный опрос в Якутии позволили получить более целостную картину по исследуемой теме – роли семьи и ее различных типов в трансформации межэтнических сообществ.

Сибирь – типичный регион России как российско-евразийской цивилизации, социокультурного славяно-тюркско-монгольского синтеза, поэтому выводы представленного исследования факторов, обуславливающих изменения в этнической структуре региона, могут быть репрезентативны для страны в целом. Отбор же республик для проведения опросов осуществлен исходя из различий этнической структуры населения, в первую очередь соотношений доминирующих по численности русского и титульных (саха, хакасского, тувинского) этносов. В Якутии это 2 : 3, в Хакасии – 4 : 1, в Тыве – 1 : 6. Эти соотношения могли, как предполагалось, влиять на частоту и качество межкультурных коммуникаций, а тем самым – на численность этнически смешанных семей. Соответственно, статистически и конкретно-социологически исследовались: динамика этнически однородных и смешанных семей (в том числе русско-титульных); ценностные ориентации и межэтнические установки молодежи из данных и других типов семей; влияние межпоколенных взаимоотношений в семьях

на установки и поведение молодежи в межэтническом сообществе, и другие вопросы по изучаемой теме.

В 2006–2012 гг. по репрезентативной выборке в Якутии было опрошено 3541 респондента среди учащейся молодежи (в том числе 1 768 – саха, 1 160 – русских, 284 – представителей коренных малочисленных народов Севера); в Хакасии – 1 713 респондентов (в том числе 1 108 – русских, 382 – хакаса), в Туве – 717 (русских – 80, тувинцев – 618) из типов семей – этнически однородных и смешанных: в Якутии – соответственно 2 804 и 739 семей, в Хакасии – 1 401 и 274, в Туве – 628 и 40. В Якутии в 2016 г. был проведен опрос экспертов (работников органов власти, учителей школ, преподавателей вузов, работников культуры и др.) по анкете «Современная молодежь: образование, семья, межэтническое взаимодействие». Опрошены 141 чел. из городов Якутск, Нерюнгри, а также сел и поселков (из 15 улусов) республики.

В данной статье приведем только основные выводы на базе анализа полученной содержательной информации о роли семьи в трансформации межэтнических сообществ.

Динамика этнической структуры в регионах является одной из главных объективных факторов динамики численности этнически однородных и смешанных семей.

Анализ статистических данных показал, что в советский период в результате социально-экономического развития Сибири и интенсивных миграций населения из других регионов СССР этническая структура автономий Сибири становилась более разнообразной, при увеличении доли русского населения. В постсоветский период ситуация несколько изменилась [Гончарова, 2014. С. 99]. Так, в Республике Саха (Якутия) только за период 2002–2010 гг. произошло абсолютное и относительное сокращение численности русских (на 9,5 и 8,5 % соответственно) и украинцев на (41,3 и 40,5 %) – основных этнических групп формирования этнически смешанных семей в республике. В Республике Тыва численность русских за этот период сократилась на 19,5 %, в Республике Хакасия на 2,5 %.

Динамика этнических типов семей. За 1989–2010 гг. произошла сильная этническая гомогенизация в Республике Тыва: доля тувинцев возросла с 64 до 81 %, а доля русских уменьшилась вдвое (с 32 до 16 %). Соответственно, почти вдвое (с 8,6 до 4,4 %) упала в республике доля этнически смешанных семей. По нашим оценкам, доля тувинско-русских семей снизилась (с 2,06 до 1,78 %). При этом существенно (с 56 до 76 %) повысилась доля этнически однородных тувинских семей. А доля русских семей снизилась почти вдвое (с 34,3 до 18,4 %).

Аналогичные тенденции характерны, хотя и в меньшей степени, для динамики этнически смешанных семей в Республике Саха (Якутия) и Хакасия. И их сдерживает только инерция достаточно высокого уровня этнического разнообразия в предшествующий период.

Для представления результатов по последующим параметрам мы использовали данные по двум республикам – Якутии и Хакасии, поскольку в выборке по Тыве группа этнически смешанных семей малочисленна.

Влияние типов семей на межэтнические установки молодежи. Это один из основных субъективных факторов, определяющих роль семьи в трансформации межэтнических сообществ. Межэтнические установки исследовались нами в отношении социальных дистанций (шкала Богардуса), предпочтений в выборе национальности супруга (и), предпочтений в социальной коммуникации (выбор этнической среды проживания и языка общения), аккультурационных стратегий (интеграции, ассимиляции, сепарации, маргинализации).

Социальные дистанции измерялись по ответам респондентов на вопрос анкеты «Людей какой национальности Вы предпочли бы при выборе: 1) друга (подруги); 2) партнера по работе; 3) руководителя по работе; 4) сотрудников органов власти; 5) руководителя республики?».

Анализ ответов показал, что и в Якутии, и в Хакасии молодежь из однородных семей саха предпочитает человека своей национальности в наибольшей степени при выборе друга (подруги) – 60 % и при выборе руководителя республики – 68 %. Аналогичны предпочтения и молодежи из русских семей (соответственно 57 и 55 %). Однако в однородных семьях саха и русских формируются предпочтения «своих» при выборах всех позиций социальной дистанции (и друзей, и коллег, и др.). Наиболее индифферентна и русская, и якутская молодежь при выборе партнера по работе (ответы «все равно» – 48 и 34 % соответственно).

Для молодежи из этнически смешанных семей характерна, во-первых, меньшая вдвое степень этноцентризма по всем дистанциям, а во-вторых, определенная этнокультурная близость молодежи из семей саха – КМНС (народы Севера), саха – другие национальности. Также необходимо отметить, что они имеют отличия от молодежи из семей «русские – другие национальности», «русские – КМНС»: первые предпочитают выбор саха по всем позициям, вторые – русского.

В Хакасии молодежь из этнически однородных семей также предпочитает выбор «своего» – особенно руководителя республики (56 и 52 % – соответственно хакасы и русские), однако степень этноцен-

тризма у хакасской молодежи выражена меньше, чем у молодежи саха, при выборе и друга (37 % предпочитают хакаса, но 12 % – русского, в то время как среди саха – соответственно 60 и 3 %). В смешанных же семьях («хакасы – русские», «хакасы – другие народы») молодежь лишь при выборе руководителя республики отдает некоторое предпочтение человеку хакасской национальности (21 и 33 % соответственно, при 52–59 % ответов «все равно, какой национальности»).

Среди юношей и девушек из этнически смешанных семей примерно вдвое выше, чем среди их сверстников из однородных семей, процент тех, кому не важно проживание среди лиц своей национальности (соответственно 37 и 21 % – в Якутии, 46 и 25 % – в Хакасии), а также общение на языке своей национальности (соответственно 26 и 14 % в Якутии и 32 и 12 % – в Хакасии). При этом для молодежи всех типов семей в обеих республиках язык своей национальности важнее этнической среды проживания.

Установки на выбор национальности супруга. Этнически смешанный тип семьи снижает также (примерно вдвое) степень этноцентристских установок молодежи при выборе супруга(и): в Якутии – с 38 % ответов «да, национальность важна» у детей из этнически однородных семей до 21 % аналогичных ответов детей из смешанных семей. При этом особых различий между однородными русскими и семьями саха нет: для выходцев из тех и других семей мотив «хочу, чтобы мои дети были моей национальности» немного предпочтительнее мотива «общность обрядов, обычаев и языка способствуют взаимопониманию» (24 и 20 % ответов против 18 % соответственно). Для молодежи из смешанных семей типа саха-русские намного важнее второй, культурно-психологический мотив, нежели первый (12 и 4 % соответственно), в то время как среди молодежи других этнически смешанных типов на базе русских и саха заметно предпочтение мотиву наследования национальности (первый мотив). По-видимому, сказывается специфика определения этнической самоидентификации детей из смешанных семей под влиянием одного из родителей, что требует дополнительного исследования.

Результаты исследования в Хакасии выявили аналогичную зависимость по данному вопросу, с той разницей, что дети из семей типа хакасы – русские при положительном отношении к выбору супруга из своей национальности отдают предпочтение мотиву «хочу, чтобы мои дети были моей национальности».

Аккультурационные стратегии молодежи. Это важное звено в механизме детерминации семей трансформации межэтнических сообществ. Развивая идеи Дж. В. Берри о различных способах осуществ-

вления аккультурации (приобщения к иной, не этнической, культуре) как групп, так и отдельных людей [Berry, Kalin, 1995] с учетом теории Тэджфела о социальной идентичности и концепции Камилльери о стратегиях идентичности [Differentiation..., 1978], на основе соотношения этнической и общероссийской (гражданской) самоидентификаций индивидов мы выделили теоретически и эмпирически верифицировали на материалах конкретных исследований в республиках Сибири 4 аккультурационные стратегии – интеграция, сепарация, ассимиляция и маргинализация, – определяющие все пространство выбора стратегий аккультураций. При утверждении значимости как этнической, так и гражданской самоидентификации индивид выбирает стратегию интеграции, а при нивелировании обеих – маргинализации. Доминирование этнической самоидентификации обуславливает выбор сепарационной стратегии, а при доминировании гражданской – ассимиляции.

Реализация молодежью той или иной аккультурационной стратегии означает влияние на ту или иную тенденцию трансформации сообществ – их интеграцию либо дезинтеграцию. Отметим, что для России как цивилизации исторически сложилось понимание наций как этнокультурных, а не полиэтнических сообществ, поэтому из всех аккультурационных стратегий оптимальной для индивидов и групп следует признать интеграцию.

Исследование показало, что юноши и девушки обоих типов семей (этнически однородных и смешанных) и всех национальностей в Якутии и Хакасии в основной своей массе (50–85 %) выбирают стратегию интеграции. Этнически смешанный тип семьи немного снижает возможность выбора молодежью интеграционной стратегии и существенно (в полтора-два раза) повышает возможность выбора стратегии ассимиляции, особенно среди самоопределившихся, как саха, хакасы или русские. И хотя доля семей саха – русские и хакасы – русские невелика, усиление ассимиляционных и ослабление интеграционных стратегий у детей из этих, а также однородных русских семей – нежелательная тенденция, ослабляющая роль государствообразующего этноса России – русских.

Важно отметить, что сепарационные стратегии среди молодежи всех типов семей незначительны. Семья как социальный институт выполняет свою функцию консолидации общества – в целом сохраняет доминирование интеграционных тенденций в межэтнических сообществах России.

Экспертное сообщество о роли семьи в межэтнической интеграции. Проведенный в Республике Саха (Якутия) опрос экспертов по-

казал, что при оценке роли в формировании нормальных отношений между людьми разных национальностей таких социальных институтов, как система образования, учреждения культуры, семья, органы власти, СМИ, Интернет, все три группы экспертов (представители власти, педагоги и другие) на первое место по важности поставлена семья.

Для конкретизации ведущей роли семьи в гармонизации межэтнических отношений эксперты оценили: дети, из какого типа семьи (этнически однородных и смешанных, полных и неполных, мало – и хорошо обеспеченных семей и т. д. – всего 10 типов) наиболее уважительно относятся к людям других национальностей? Эксперты всех групп на первое место поставили семьи, в которых родители и дети много читают, занимаются самообразованием, на второе – семьи с благоприятной психологической атмосферой; на третье – семьи, где учитывается мнение детей, на четвертое – полные семьи (оба родителя). На пятом месте оказались семьи этнически смешанные, на седьмом – этнически однородные семьи и на последнем – малообеспеченные семьи.

Мы рассмотрели в данной статье только основные блоки механизма детерминации процессов в межэтнических сообществах с участием социального института семьи. Тема эта неисчерпаемая, но, к сожалению, находящаяся на периферии интересов, как научного сообщества, так и властных структур. Семья как субъект или фактор государственной политики отсутствует и в Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации. Однако на уровне практиков социального регулирования – работников муниципальных органов власти, педагогов, работников культуры, понимание факта важной роли семьи в целом и ее типов в гармонизации межэтнических отношений существует.

Задача научного сообщества – расширить тематику исследований по данной проблеме и содействовать интеграции социальных институтов науки, образования, семьи, политики, культуры, средств массовой информации в интеграции народов России.

Список литературы

Абрамова М. А., Зазулина М. Р., Костюк В. Г. Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России: подходы, факторы интеграции и дезинтеграции. Новосибирск, 2017.

Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Гончарова Г. С. Динамика и факторы формирования этнически смешанных семей у народов Южной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 98–107.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 70–78.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. проект, 2000.

Berry J. W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // International Journal of Intercultural Relations. 1995. No. 3. P. 99–112.

Differentiation between social groups / Ed. by H. Tajfel. London: Academic Press, 1978.

Материал поступил в редколлегию 24.06.2018

M. A. Abramova, G. S. Goncharova, V. G. Kostyuk

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marika24@yandex.ru

FAMILY AS A DETERMINANT OF ETHNIC COMMUNITIES TRANSFORMATION

On the basis of T. Parsons' classical concept of social institutions the authors consider the family as a social institution and its role in determining the transformation of interethnic communities. The model of the mechanism of determination is offered including the ethnic structure of the population, type of family, intergenerational relations in the family, social and interethnic attitudes of children (youth), acculturation strategies of youth, social communication of family with other social institutions. The model is verified with the materials of specific sociological studies in the republics of Sakha (Yakutia), Khakassia, Tuva. The positive role of ethnically mixed families in the integration of interethnic communities is revealed.

Keywords: family, family type, mechanism of determination, interethnic community, transformation, youth, acculturation, integration.

References

Abramova M. A., Zazulina M. R., Kostyuk V. G. *Sotsiokulturnaya dinamika mezhetnicheskikh i lokalnykh soobshchestv Rossii: podkhody, faktory integratsii i dezintegratsii* [Socio-Cultural Dynamics of Interethnic and Local Communities of Russia: Approaches, Factors of Integration and Disintegration]. Novosibirsk, 2017. (In Russ.)

Antonov A. I., Medkov V. M. *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the Family]. Moscow, MGU Publ., 1996. (In Russ.)

Berry J. W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society. *International Journal of Intercultural Relations*, 1995, no. 3, p. 99–112.

Differentiation between social groups. H. Tajfel (ed.). London, Academic Press, 1978.

Goncharova G. S. Dinamika i faktory formirovaniya etnicheski smeshannykh semei u narodov Yuzhnoi Sibiri [Dynamics and factors of formation of ethnically mixed families in the peoples of southern Siberia]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2014. vol. 12, no. 1, p. 98–107. (In Russ.)

Markhinin V. V., Udalova I. V. Mezhetnicheskoe soobshchestvo kak sotsiokulturnyi kontsept (postanovka problemy) [Interethnic community as a socio-cultural concept (problem statement)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 1, p. 70–78. (In Russ.)

Parsons T. *O strukture sotsialnogo deistviya* [On the structure of social action]. Moscow, Akadem. proekt Publ., 2000. (In Russ.)

УДК 316.334

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-162-172

В. С. Шмаков

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090. Россия*

vsshmakov@gmail.com

ТОЧКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА АПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется проблема определения факторов, темпов и направлений социально-экономического роста в аграрной сфере Российской Федерации. Для обеспечения устойчивого развития аграрной экономики и сельских локальных сообществ определены наиболее значимые точки совершенствования АПК: государственная аграрная политика, инновационно-технологическое развитие, создание кластерной структуры производства, формирование человеческого капитала. Дается анализ влияния точек роста на развитие АПК. Внедрение новой техники и технологий, привлечение инвестиций может способствовать социально-экономическим и социокультурным преобразованиям сельских локальных сообществ, качественным и количественными изменениями в жизни села. Предложен комплексный подход к оценке современного состояния развития российского села.

Ключевые слова: Российская Федерация, агропромышленный комплекс, точки экономического роста, инновации, сельские локальные сообщества.

Опыт исторического развития России показывает, что благополучие села всегда было сердцевиной развития Российского государства. Агропромышленный комплекс (далее – АПК) производит основные жизненно важные продукты питания и сырье для промышленности. В настоящее время АПК дает более 4,5 % ВВП, в сельском хозяйстве занято порядка 9,7 % трудоспособного населения, на селе проживает около 26 % жителей страны [Шагайда, Узун, 2016. С. 14–15]. Сельское хозяйство выступает значимой сферой российской экономики, обеспечивающей продовольственную безопасность государства, формирующей рынок сельскохозяйственной продукции, способствующей развитию сельских территорий и сельских локальных сообществ. Его

необходимо рассматривать как важнейший сектор экономики страны с особым укладом жизни сельских жителей. *Это предопределяет необходимость поиска новых подходов и направлений в управлении социально-экономическим ростом АПК.* В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. сформулированы основные задачи реформирования и развития АПК¹. Экономический рост является важнейшей целью развития сельскохозяйственного комплекса страны, активного использования природных, инновационно-технологических, человеческих ресурсов и капиталов, активизации поступательного развития сельских локальных сообществ. Мы полагаем, что *для обеспечения динамичного и устойчивого социально-экономического роста аграрного сектора необходимо выделить основополагающие, стимулирующие и поддерживающие факторы роста, определить основные направления стратегии аграрной политики, создать систему инновационно-технологического развития отрасли, сформировать кластерную структуру сельского хозяйства и сельских территорий, обратить особое внимание на формирование человеческого капитала сельских сообществ, обеспечить устойчивое развитие сельских территорий, всестороннее развитие жителей села и повышение их жизненного уровня.*

В литературе вопросам социально-экономических и социокультурных изменений в сельскохозяйственных регионах уделяется достаточно много внимания. Проблемы реформирования аграрного сектора, формирования государственной аграрной политики, социального развития территорий рассматривают экономисты, социологи, философы (см.: [Алтухов, 2005; Нечипоренко, 2010; Ушачев, 2013] и др.). Предметом обсуждения являются задачи модернизации сельского хозяйства, развития многоукладной аграрной экономики, государственного регулирования и поддержки сельских территорий. И. Г. Ушачев, анализируя современное социально-экономическое развитие АПК, рассматривает несколько перспективных вариантов экономического роста и повышения конкурентоспособности сельского хозяйства [2009]. О. Г. Голиченко подчеркивает, что развитие науки, техники, технологий и инновационной деятельности в сфере АПК является одним из основных направлений государственной аграрной политики [2011]. Обсуждается проблема структурной модернизации АПК как основы формирования новой модели динамического роста агропромышленного производства и развития социальной структу-

¹ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. strategy2030.midural.ru...ustoychivogo...period...2020 (дата обращения 15. 04. 2018).

ры села [Гасанов, 2004]. Рассматриваются процессы экономического роста АПК [Анохина, 2017]. В качестве движущей силы интенсификации развития аграрной экономики для обеспечения социально-экономического роста определяются территориально-производственные комплексы (кластеры), способствующие концентрации финансовых, научных, технологических, инновационных, трудовых ресурсы [Щетинина, 2013; Козлов, 2016]. С конца XX в. в России проявился большой интерес к теории человеческого капитала. Можно выделить ряд работ, в той или иной степени раскрывающих содержание, структуру, особенности, формы проявления человеческого капитала (см.: [Долгушкин, 2004; Плискевич, 2012; Хмельёва, 2012] и др.), развивающих теоретические и практические положения о роли человеческого капитала в социально-экономических процессах. В целом, в исследованиях российских ученых подчеркивается необходимость формирования долгосрочной стратегии социально-экономического роста АПК России, основанного на приоритетах инновационного развития [Ушачев, 2013].

Мы полагаем, что наиболее значимыми факторами и основой резервов роста аграрной экономики и эволюции сельских локальных сообществ являются государственная аграрная политика, инновационно-технологическое развитие, формирование кластерной структуры ведения хозяйства, повышение уровня развития человеческого капитала. Объектом нашего исследования являются сельские локальные сообщества как основной актор развития АПК Российской Федерации. Точки социально-экономического роста АПК составляют предметную область анализа.

Российский АПК можно квалифицировать как сложную многофункциональную структуру производства, на которую оказывают существенное влияние сезонность работ, географическая, экономическая и этническая специфика региона, наличие природных, человеческих ресурсов и капиталов. Сложившийся в процессе трансформаций 90-х гг. неэквивалентный обмен между сельским хозяйством и промышленностью, слабый технический и технологический уровень, при котором индустриальный труд зачастую сочетается со значительной долей труда немеханизированного, отток квалифицированных кадров, социальные потери в области медицины, образования, инфраструктуры не способствовали стабильности в развитии сельских локальных сообществ. За последние годы в стране сложились определенные положительные тенденции. Идет процесс дифференциации и поляризации социально-экономического пространства сельских территорий, что оказывает разноплановое влияние на развитие

села. Решение проблемы импортозамещения привело к росту основных показателей по производству сельскохозяйственной продукции, идут процессы становления агрохолдингов, что приводит к упадку традиционных форм организации экономики. Эти подвижки привели к некоторому экономическому росту АПК, но для его дальнейшего развития необходимо сконцентрировать внимание на следующих основных условиях роста социально-экономического развития сельских территорий.

1. Совершенствование государственной аграрной политики, предполагающей формирование сбалансированной государственной программы инновационного развития АПК, ориентированной на задачи диверсификации экономики. При этом многократно усиливается роль долгосрочного прогнозирования, планирования, выбора и обоснования макроэкономических приоритетов развития АПК.

- В целях обеспечения взаимодействия по ресурсам между сельским хозяйством и промышленностью необходимо осуществить систему мер, поддерживающих паритетность цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

- Изменить кредитную политику, снизить высокие процентные ставки по кредитам, в том числе и по инновационным программам, сформировать систему налоговых льгот, провести регулирование ценообразования на инновационную продукцию.

- Определить порядок, способы финансирования инновационных программ и наукоемкого аграрного производства, особенно в области селекции, семеноводства.

- Активизировать развитие малого и среднего бизнеса, в частности, в сфере переработки и сбыта сырья, восстановить кооперацию на селе.

- Осуществить формирование системы государственных заказов на достаточно длительный период, при размещении их не только среди крупных агрохолдингов, но и в малых и средних хозяйствах.

- В условиях международных санкций разработать систему протекционистских мер по защите российских сельскохозяйственных товаропроизводителей.

2. Необходимость инновационно-технологического развития сельской экономики связана с закономерным историческим процессом смены технологических укладов. В этой ситуации особая роль дальнейшего развития АПК отводится использованию инноваций. Технично-технологическая модернизация должна быть направлена, во-первых, на инновационный путь развития сельского хозяйства, и важным фактором является осуществление модернизации АПК

России, связанное с внедрением результатов научно-технического прогресса. Инновации в сельском хозяйстве – это, прежде всего, новые технологии, техника, сорта растений, породы животных, удобрения и средства защиты, методы профилактики и лечения животных, формы организации, финансирования и кредитования производства, а также изменения политики в системе подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Во-вторых, исходя из того, что экономическое положение большинства сельскохозяйственных производителей не позволяет финансировать инвестиции из прибыли ввиду ее отсутствия или низкой рентабельности производства, необходимо разработать научно-технические и инновационные программы, определяющие концепцию, порядок финансирования инновационных разработок с учетом многоканальности поступления финансов, координацию в их распределении и вложении в инновационные проекты, осуществлять государственный контроль за их эффективным использованием. Внедрение инноваций в аграрную экономику способствует выявлению и активизации резервов сельскохозяйственного производства.

3. Одним из инновационно-хозяйственных методов развития аграрной экономики является создание территориальных производственных комплексов – кластеров, способных сконцентрировать вокруг себя значительные финансовые, технологические, инновационные, трудовые ресурсы, позволяющие обеспечить стабильный экономический рост и повышение конкурентоспособности отраслей АПК. На сегодняшний день кластер являет собой перспективную форму перехода на экономику инноваций [Грядов, Ковалева, 2009]. Сельскохозяйственный кластер – это система, которая представляет собой группу географически соседствующих производителей сельскохозяйственной продукции и переработчиков, действующих на основе конкуренции и кооперации. Создается устойчивая производственная цепочка, способствующая повышению эффективности каждого участника кластера за счет использования экономических и технологических преимуществ объединения взаимосвязанных производственных предприятий и сервисных организаций. Нормативно-правовая база в сфере формирования кластерной политики только начинает развиваться, но первые шаги в этом направлении сделаны. Утверждены Правила распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пи-

лотных инновационных территориальных кластеров². Закреплены правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета субъектам России на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства³. Агропромышленные кластеры, являясь инновационной структурой, в которой представлены все субъекты аграрного производства, способны создать базовые положения для ускорения инновационного развития АПК, в том числе и с учетом сложных климатических условий. Кластеризация сельскохозяйственного пространства России вполне может способствовать росту инвестиционной активности, повышению доступности и удешевлению кредитных ресурсов, особенно по инвестиционным проектам за счет государственных гарантий.

4. Процессы реформирования АПК затронули еще одну существенную составляющую устойчивого его обновления – это проблема человеческого капитала села. В целях более эффективного использования трудовых ресурсов необходимо комплексное развитие сельских локальных сообществ. Для более полного понимания категории «человеческий капитал», выделим его основные функциональные особенности. Они различаются по обладанию: 1) производственными способностями индивида, имеющего характерные для него знания, навыки, мотивацию, энергию, необходимые для производства товаров, услуг, которыми он может пользоваться сам и предлагать рынку в течение определенного периода времени; 2) инвестиционными свойствами, поскольку формирование человеческого капитала происходит за счет инвестиций в человека (затраты на обучение, поддержание здоровья, квалификационная подготовка и переподготовка, и т. п.). Отсюда следует, что формирование человеческого капитала требует определенных затрат на его развитие, сохранение и совершенствование. Можно сформулировать основные задачи, решение которых будет способствовать преодолению этой проблемы. Одним из узловых вопросов следует признать необходимость создания со-

² Постановление Правительства РФ от 06.03.2013 № 188 (ред. от 15.09.2014) «Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров». Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143138/ (дата обращения 10. 04. 2018).

³ Постановление Правительства РФ от 30.12.2014 № 1605 (ред. от 25.05.2016) «О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства в 2015 году». Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173683/ (дата обращения 10. 04. 2018).

временной и эффективной системы непрерывного профессионального образования и переобучения работников, позволяющей им лучше адаптироваться к динамичным технологическим и структурным изменениям в отрасли. Следует развивать систему профессиональной подготовки для получения знаний, навыков и умений в динамике, формировать мотивацию к той или иной трудовой деятельности. Необходимо создание развернутой системы здравоохранения на селе, где ее, кстати, сегодня практически нет. Человеческий капитал – это не только экономическая категория. При анализе категории «человеческий капитал» необходимо учитывать и морально-нравственные, интеллектуальные, культурные, социальные составляющие. Наши исследования позволяют сделать вывод о низком качестве, недостаточном накоплении и воспроизводстве человеческого капитала АПК России. Социальные институты, формирующие человеческий капитал (семья, образование, здравоохранение, культура) сельских локальных сообществ, находятся в состоянии кризиса. Говоря в целом, инвестиции в человеческий капитал, при всей очевидной значимости этого направления, осуществляются пока крайне медленно, что, естественно, осложняет общий подъем аграрного производства и возрождение сельских территорий; необходимо проведение стимулирующей инвестиционной и социальной политики [Шмаков, 2015]. Формирование инновационного человеческого капитала села будет способствовать росту квалификационного уровня и доходов жителей села, повышению производительности труда, привлекательности сельскохозяйственного производства, повышению жизненного уровня сельских сообществ.

В итоге можно отметить, что социально-экономический рост является одним из основным критериев при определении степени развития общества, определяющим условием обеспечения продовольственной безопасности страны, повышения уровня и качества жизни людей. Его динамика предопределяется в комплексе взаимодействием таких основных факторов, как совершенствование государственной аграрной политики, предполагающей формирование сбалансированной государственной программы инновационного развития АПК, формирование и развитие агропромышленных кластеров, представляющих собой инновационно направленную, территориально локализованную интегрированную структуру с элементами сетевой организации, включающую различные сферы АПК, системное развитие человеческого капитала сельских локальных сообществ, предполагающее инвестирование, направляемое в человеческий капитал и капитал знаний. Нельзя оставить без внимания подготовку высококвал-

лифицированных специалистов в сфере управления инновациями в АПК. Следует разработать меры по их привлечению и закреплению в селах. Необходимо обновление инфраструктуры сельских территорий. Активизация работы по развитию точек социально-экономического роста аграрной сферы позволит вывести агропромышленное производство на траекторию устойчивого развития, ликвидировать продовольственную зависимость, вывести развитие сельских локальных сообществ на уровень городских поселений, закрепить положительную динамику в производстве агропромышленной продукции.

Список литературы

- Алтухов А. И. Территориальное разделение труда в агропромышленном производстве страны // Экономист. 2005. № 8. С. 81–91.
- Анохина М. Е. Исследование процессов экономического роста АПК // Проблемы агроэкономических исследований. 2017. Вып. 1. С. 41–45.
- Гасанов М. А. Структурная модернизация – фактор устойчивого развития экономики: Дис... канд. экон. наук. Томск, 2004. vital.lib.tsu.ru
- Голиченко О. Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России. М., 2011.
- Грядов С. И., Ковалева И. В. Агропромышленный кластер: проблемы и перспективы развития // Вестн. Алт. гос. аграр. ун-та. 2009. № 4. С. 52–54.
- Долгушкин Н. К. Формирование кадрового потенциала сельского хозяйства (Вопросы теории и практики). М., 2004.
- Козлов М. П. Региональные агропромышленные кластеры: методические аспекты формирования и развития в условиях инновационной экономики // Экономика и социум. 2016. № 2 (21). С. 1–21. www.iurp.ru (дата обращения 28. 04. 2018).
- Нечипоренко О. В. Сельские локальные сообщества изменяющейся России. Новосибирск, 2010.
- Плискевич Н. М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. М., 2012.
- Ушачев И. Г. Экономический рост и конкурентоспособность сельского хозяйства Российской Федерации // АПК: экономика, управление. 2009. № 3. С. 1–9.
- Ушачев И. Г. Аграрная политика России: проблемы и решения. М., 2013.

Хмельёва Г. А. Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики региона. Самара, 2012.

Шагайда Н. И., Узун В. Я. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России. Аналитический доклад. М., 2016. С. 14–15. www.csr.ru.

Шмаков В. С. Человеческий капитал как фактор устойчивого развития села // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2015. Т. 13, вып. 3. С.112–118.

Щетинина И. В. Роль агропромышленных кластеров в инновационном развитии АПК // Сибирская финансовая школа. 2013. № 4. С. 117–121.

Материал поступил в редакцию 05.07.2018

V. S. Shmakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

vsshmakov@gmail.com

POINTS OF SOCIAL-ECONOMIC GROWTH OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyses the problem of determining the factors, rates and directions of social and economic growth in the agrarian sphere of the Russian Federation. To ensure the sustainable development of the agrarian economy and rural local communities, the most significant points of agricultural development have been identified: the state agrarian policy, innovation and technological development, the creation of a cluster structure of production, and the formation of human capital. An analysis of the influence of growth points on the development of the agro-industrial complex is provided. The introduction of new machinery and technologies, attraction of investments can contribute to socio-economic and sociocultural transformations of rural local communities, qualitative and quantitative changes in the life of the village. A comprehensive approach to assessing the current state of development of the Russian village is proposed.

Keywords: Russian Federation, agro-industrial complex, points of economic growth, innovations, rural local communities.

References

Altuhov A. I. Territorialnoe razdelenie truda v agropromyshlennom proizvodstve strany [Territorial division of labor in the agricultural production of the country]. *Economist*, 2005, no. 8, p. 81–91. (In Russ.)

Anohina M. E. Issledovanie protsessov ekonomicheskogo rosta APK [Study of the processes of economic growth of agriculture]. *Problems of agricultural economic research*, 2017, no. 1, p. 41–45. (In Russ.)

Gasanov M. A. *Strukturnaya modernizatsiya – faktor ustoichivogo razvitiya ekonomiki: dis. ... kand. ehkon. nauk* [Structural Modernization as a Factor of Sustainable Economic Development]. Tomsk, 2004. (In Russ.)

Golichenko O. G. *Osnovnye faktory razvitiya natsionalnoi innovatsionnoi sistemy: uroki dlya Rossii* [Key Factors in the Development of the National Innovation System: Lessons for Russia]. Moscow, 2011. (In Russ.)

Gryadov S. I., Kovaleva I. V. Agropromyshlennyy klaster: problemy i perspektivy razvitiya [Agro-industrial cluster: problems and prospects of development]. *Vestnik of the Altai State Agrarian University*, 2009, no. 4, p. 52–54. (In Russ.)

Dolgushkin N. K. *Formirovanie kadrovogo potentsiala selskogo hozyaistva (Voprosy teorii i praktiki)* [Formation of Human Resources in Agriculture]. Moscow, 2004. (In Russ.)

Kozlov M. P. Regionalnye agropromyshlennyye klastery: metodicheskie aspekty formirovaniya i razvitiya v usloviyah innovatsionnoi ekonomiki [Regional agro-industrial clusters: methodological aspects of formation and development in the conditions of innovative economy]. *Economy and society*, 2016, no. 2 (21), p. 1–21. (In Russ.)

Nechiporenko O. V. *Selskie lokalnye soobshchestva izmenyayuscheysya Rossii* [Rural Local Communities of Changing Russia]. Novosibirsk, 2010. (In Russ.)

Pliskevich N. M. *Chelovecheskii kapital v transformiruyuscheysya Rossii* [Human Capital in Transforming Russia]. Moscow, 2012. (In Russ.)

Ushachev I. G. Ekonomicheskii rost i konkurentosposobnost selskogo hozyaistva Rossiiskoi Federatsii [Economic growth and competitiveness of agriculture in the Russian Federation]. *Agribusiness: Economics, management*, 2009, no. 3, p. 1–9. (In Russ.)

Ushachev I. G. *Agrarnaya politika Rossii: problemy i resheniya* [Agricultural Policy of Russia: Problems and Solutions]. Moscow, 2013. (In Russ.)

Hmelyova G. A. *Chelovecheskii kapital kak uslovie formirovaniya innovatsionnoi ekonomiki regiona* [Human Capital as a Condition of Formation of Innovative Economy of the Region]. Samara, 2012. (In Russ.)

Shagaida N. I., Uzun V. Ya. *Tendentsii razvitiya i osnovnye vyzovy agrarnogo sektora Rossii. Analiticheskii doklad* [*Development Trends and Main Challenges of the Russian Agricultural Sector*]. Moscow, 2016, p. 14–15. (In Russ.)

Shmakov V. S. Chelovecheskii kapital kak faktor ustoichivogo razvitiya sela [Human capital as a factor of sustainable rural development]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 112–118. (In Russ.)

Schetinina I. V. Rol' agropromyshlennykh klasterov v innovatsionnom razvitii APK [The role of agro-industrial clusters in the innovative development of agriculture]. *Siberian financial school*, 2013, no. 4, p. 117–121. (In Russ.)

УДК 316.334

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-173-184

М. Р. Зазулина

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

zamashka@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА АГРАРНОГО СЕКТОРА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Показана динамика институтов аграрного сектора в постсоветский период. Дана характеристика экономических и социальных последствий этих изменений для развития сельских сообществ. Показано что в аграрных институтах репрезентируются две различные компоненты, архаическая и современная, вокруг которых структурируется жизнь сельского социума. Архаическая компонента, представленная институтом личных подсобных хозяйств, связана с минимизацией всех процессов жизнеобеспечения и обеспечивает выживаемость села в условиях кризиса. Современная компонента, представленная сельскохозяйственными организациями и фермерством, связана с развитием инновационного аграрного производства, а не с поддержкой сельских сообществ. Развитие инновационных форм хозяйствования приводит к ослаблению социально-экономического потенциала личных подсобных хозяйств и неустойчивой динамике сельского социума.

Ключевые слова: сельское локальное сообщество, трансформация, институт, личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственные организации, фермерство, социальные последствия.

За последние десятилетия в сфере сельскохозяйственного производства произошли значительные изменения, повлиявшие на развитие и особенности трансформации сельских сообществ. Реорганизация колхозов и совхозов сопровождалась становлением обновленной системы аграрных институтов. Именно она послужила не просто импульсом, а базовым элементом, предопределившим структурно-институциональные изменения в сельской экономике (сокращение занятости сельского населения в аграрном секторе и появление

альтернативных форм занятости) и деградацию социальной сферы села, в том числе развал большей части сельской инфраструктуры, традиционно существовавшей на балансе муниципальных и государственных предприятий.

Цель данной статьи – показать, как в постсоветский период закономерности и противоречия развития институтов аграрного сектора формируют и поддерживают процесс трансформации сельских сообществ.

Для этого, во-первых, необходимо обратиться к данным статистики, позволяющим проанализировать динамику институтов аграрного сектора, а во-вторых, дать характеристику этим институтам с точки зрения их сущности, логики формирования и механизма функционирования.

Наблюдение за данными официальной статистики позволяет увидеть, что основными тенденциями в динамике аграрных институтов являются сокращение общего количества предприятий, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью, и изменение в структуре сельхозпроизводителей. Сравнение данных двух сельскохозяйственных переписей населения, осуществленных в 2006 и 2016 гг., показывает, что имеет место значительное сокращение среди всех категорий сельхозпроизводителей (табл. 1). Особенно значительные изменения коснулись сельскохозяйственных организаций, количество которых за 10 лет сократилось с 59,2 тыс. до 36,4 тыс., т. е. на 39 %. В том числе количество крупных и средних сельскохозяйственных организаций сократилось на 72 %, с 27,8 до 7,6 тыс. предприятий. Единственным исключением являются личные подсобные хозяйства населения, расположенные в сельской местности, которые продемонстрировали небольшой количественный рост с 14 млн 800 тыс. до 15 млн.

Изменения в структуре сельскохозяйственного производства стали следствием реорганизации крупных сельскохозяйственных предприятий в 1990-е гг., что спровоцировало отток рабочей силы в личные подсобные хозяйства (далее – ЛПХ). Следствием стало значительное сокращение продукции, производимой сельскохозяйственными организациями (с 74 % в 1990 г. до 50 % в 1995 и 44 % в 2010 (см. табл. 2)), и увеличение значимости ЛПХ в качестве сельскохозяйственных производителей: если в 1990 г. ЛПХ производили 26 % продукции, то в 1995 г. – уже 47 % и в 2000 – 52 % (максимальный показатель для этого института). Начиная с 2005 г. доля продукции, производимой в ЛПХ, снижается, однако в общей структуре снижение производства в личных подсобных хозяйствах компенсируется ростом производства продукции в фермерских хозяйствах при сохранении доли продукции сельскохозяйственных организаций.

Таблица 1

Число сельскохозяйственных производителей, тыс.*

Категория хозяйств	Год	
	2006	2016
Сельскохозяйственные организации, всего	59,2	36,1
В том числе		
Крупные (более 250 раб.) и средние сельскохозяйственные организации (от 100 до 250 раб.)	27,8	7,6
Малых предприятий (менее 100 раб.)		7,1
Микропредприятий (менее 15 раб.)	20,4	17,2
Крестьянско-фермерские хозяйства	253,1	136,7
Личные подсобные хозяйства населения	22 799	23 487
В том числе		
Личные подсобные хозяйства населения, расположенные в сельской местности	14 800	15 000

* Примечание. Таблица составлена по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2016/prez-pred-itog.pdf

Таблица 2

Структура продукции сельского хозяйства
по категориям хозяйств по Российской Федерации, % *

Категория хозяйств	Год											
	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Сельскохозяйственные организации	73,7	50,2	45,2	44,6	44,5	47,2	47,9	47,6	49,5	51,5	52,5	52,7
Хозяйства населения	26,3	47,9	51,6	49,3	48,3	43,8	43,2	42,6	40,5	37,4	35,4	34,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства	...	1,9	3,2	6,1	7,2	9,0	8,9	9,8	10,0	11,1	12,1	12,7

* Примечание. Источник: Россия в цифрах. М.: Росстат, 2017.

Таким образом, динамика аграрных институтов последнего десятилетия показывает, что при сокращении общей численности сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств доля производимой в них продукции неуклонно увеличивается, что свидетельствует о росте их эффективности и производительности. Личные подсобные хозяйства населения, напротив, демонстрируют количественный рост при снижении объемов производимой продукции. Подобная динамика позволяет предположить, что разделение аграрных институтов на товарно-ориентированные и ориентированные преимущественно на натуральное потребление, возникшее в условиях кризиса 1990-х, не только не преодолено, но, во-первых, закрепилось окончательно, а во-вторых, вновь приобретает актуальность.

По мнению ряда исследователей, необычайное распространение в 90-е гг. института ЛПХ объясняется архаизацией сознания сельских жителей, которая стала своеобразным ответом на ситуацию кризиса всех сфер жизни [Виноградский, 2000]. Именно архаическое сознание обусловило всплеск архаических экономических и социальных практик, в частности развитие ЛПХ в форме натурального хозяйства. Подобная ситуация часто встречается в переходных экономиках, когда непродуманность экономических финансовых и институциональных механизмов перехода к рыночной модели экономики вынуждает сообщества «оживлять» (реинституционализировать) традиционные практики, которые не соответствуют рыночной эффективности, но позволяют населению выживать в тяжелых условиях.

Однако можно было бы предположить, что за два десятилетия институт, сформировавшийся как архаичный, должен был бы эволюционировать и либо исчезнуть, либо свою архаичность преодолеть.

Многочисленные исследования и в том числе данные переписи показывают, что деятельность в ЛПХ существует в качестве единственной и, как правило, не является основной, а сочетается с другими формами занятости (это может быть как работа в крупной сельскохозяйственной организации, так и занятость в бюджетной сфере, например в школе, или занятие частным бизнесом и пр.). В большинстве случаев доход от деятельности в ЛПХ является вспомогательным по отношению к другим источникам доходов. Ведение личных подсобных хозяйств представляет собой семейный тип организации сельскохозяйственной деятельности. В большей или меньшей степени в ней принимают участие все члены семьи от маленьких детей до стариков.

В силу такой специфической организации производства, ЛПХ оказываются крайне дифференцированы и с трудом поддаются

учету: это могут быть хозяйства пенсионеров, бюджетников, безработных. При этом деятельность в ЛПХ оказывается максимально укоренена в сельском образе жизни и включена в различные неформальные социальные и экономические практики. Все это говорит о том, что за прошедшую с начала реформ четверть века ведение ЛПХ – это по-прежнему необходимая стратегия самообеспечения, ориентированная на выживание сельского населения, но абсолютно неэффективная с экономической точки зрения и не являющаяся современным рыночным институтом. Но при этом, оставаясь основным занятием сельского населения и будучи дополненным другими стратегиями жизнеобеспечения, институт ЛПХ позволяет удерживать трудовые и человеческие ресурсы в селе, что, несомненно, важно для сохранения и устойчивого развития сельских сообществ. С другой стороны, выступая в качестве стихийно сформированного механизма адаптации, подсобные хозяйства населения выполняют не только экономические, но и социальные функции: самообеспечение сельского населения продуктами питания, самозанятость населения, высвобождающегося в ходе реформирования агропромышленного комплекса, предотвращение его пауперизации; сохранение заселенности сельских территорий и др. Именно с этим моментом связаны основные изменения, произошедшие с институтом ЛПХ. Дело в том, что за время постсоветских трансформаций институт личных подсобных хозяйств из «подсобного», т. е. второстепенной структуры, выполняющей вспомогательные функции, превратился в ведущую форму организации социальной жизни российского села.

Еще одной характерной чертой института ЛПХ является его экономическая несамостоятельность: он продолжает оставаться зависимым, в технологическом и ресурсном аспектах, от поддержки, получаемой извне (от предприятий в виде зарплат, от государства в виде пенсий и пр.), выступая таким образом функцией (производной) от экономической самоорганизации сельского социума. Складывается ситуация, когда институт личных подсобных хозяйств, находясь в центре сельской экономики и являясь структурообразующим ее элементом, не может функционировать полностью самостоятельно, а вынужден составлять различные симбиотические формы с другими формами занятости.

Более продвинутой версией института ЛПХ должно было стать фермерство. И если ЛПХ – это традиционный институт, то крестьянско-фермерское хозяйство (КФХ) – это инновационный институт, который в России возник лишь в середине 90-х гг. XX в., как вариант развившегося крупного успешного личного подсобного хозяйства,

получившего юридическое оформление и занимающегося коммерчески ориентированной сельскохозяйственной деятельностью. Однако КФХ не получили массового распространения и на фоне ЛПХ выглядят крайне малочисленно. Сравнение результатов двух переписей показывает, что за 10 лет количество фермерских хозяйств сократилось с 253 тыс. до 136 тыс. При этом увеличились средний размер земель, обрабатываемых фермерами, и доля произведенной ими продукции (с 6 % в 2006 до 12 % в 2012 г.). Таким образом, очевидно происходит специализация этого вида деятельности, связанная с повышением показателей.

Однако уменьшение общего количества фермерских хозяйств свидетельствует о том, что занятие КФХ сегодня – это уже не стратегия выживания, но и не путь к обогащению, а само фермерство вряд ли станет массовым явлением в России и не сыграет важной роли в развитии сельских сообществ. Фермеры и члены фермерских хозяйств оказываются представителями альтернативной системы ценностей, отличающейся от ценностей большинства сельских семей. Они в большей степени ориентированы не просто на сельскохозяйственный труд, но на получение прибыли, при этом обладают достаточными материальными, техническими и финансовыми ресурсами необходимыми для первоначальных вложений в бизнес. Их деятельность является сугубо аграрной и не сочетается с иными экономическими стратегиями, такими как отходничество, работа вахтовым методом или в бюджетной сфере. Все эти черты крайне отличают фермерские семьи от большинства обычных сельских семей. В то же время ресурсы единичного фермерского хозяйства не столь значительны, чтобы выступать в качестве меценатов и служить значительным подспорьем для жизни всего сельского сообщества.

Кроме этого, современное российское фермерство хоть и является семейным занятием, но его нельзя назвать в полной мере многопоколенным. Проводимые нами исследования показали, что одной из главных проблем развития фермерства оказывается отсутствие преемственности между поколениями, которое проявляется в полном нежелании детей копировать образцы поведения своих отцов-фермеров. В большинстве случаев в ходе интервью фермеры указывали, что дети либо не собираются продолжать их дело в дальнейшем, либо уже уехали в город. Причем отношение самих фермеров к такому жизненному выбору своих детей можно охарактеризовать как понимающее.

Изменения в секторе сельскохозяйственных организаций привели к формированию двух принципиально различных типов предприя-

тий. Отличия между этими типами касались не столько формы собственности предприятий и не особенностей их организационного оформления, а особенностей реализуемой ими социальной и экономической политики.

Первый тип последовал политике предприятий советских времен, по мере возможности осуществляя поддержку всего локального сообщества и подсобных хозяйств своих работников. Характерной особенностью их деятельности стали специфические формы интеграции между предприятиями и подсобными хозяйствами населения, которые можно назвать симбиотическими. Симбиотическая интеграция предполагает, что, во-первых, интегрируются разнородные экономические и социальные субъекты (например, хозяйства населения и «крупхозы»); во-вторых, что экономические субъекты начинают выполнять несвойственные им социальные функции; и, в-третьих, большая часть отношений и взаимодействий между субъектами носит неформальный характер. Симбиоз оказывается следствием специфической закрытости сельской экономики в условиях нехватки ресурсов.

Пример симбиотической интеграции в сельских сообществах показывает, что выполнение крупными хозяйствами некоторых производственных функций (например, заготовка кормов и их распределение между жителями села по льготным ценам или по себестоимости) оказывается фактором, обеспечивающим устойчивость мелкого производства и мелкой частной собственности на землю. Хозяйства населения, в свою очередь, выполняют важную функцию по стабилизации материального положения работников, которым крупхозы не могут обеспечить постоянный и достаточный для удовлетворения необходимых потребностей доход. Неформальный характер такой интеграции позволяет сельским семьям выживать в условиях длительных задержек заработной платы, и без того невысокой, и сезонной безработицы.

Второй тип крупных сельскохозяйственных предприятий, получил в научной литературе название «агрохолдинги». Несмотря на то, что агрохолдинги, также как и симбиотические крупхозы, могут принимать различные организационные формы: ЗАО, ОАО, ООО, они представляют собой качественно новый инновационный, рыночно-ориентированный уклад. Они характеризуются вертикально интегрированными рыночными структурами, как правило, действительно представляют собой филиал в длинной цепочке агропромышленного холдинга, их деятельность максимально унифицирована, а директорат приглашается извне. Характерными чертами

агрохолдингового хозяйства является выполнение только экономических функций по отношению к своим работникам, сворачивание всех социальных функций по неформальной поддержке сельского социума (например, прекращается поставка кормов по льготным ценам, что напрямую влияет на эффективность и объем производства в ЛПХ).

В российских условиях агрохолдинговые структуры, наряду с институтом фермерства, представляют собой пример продвижения инновационных стратегий в развитии сельскохозяйственного производства. Политика внедрения предприятий агрохолдингового типа, ориентированных прежде всего на рыночную эффективность, оказалась оправданной с точки зрения развития агропромышленного комплекса и решения проблемы импортозамещения и продовольственной безопасности, о чем свидетельствует увеличение доли сельскохозяйственных организаций в общем объеме производимой продукции, произошедшее за последние годы. Однако отсутствие в деятельности агрохолдингов элементов «социальной опеки», присущей предшествующим формам крупного с/х производства, представляет угрозу для устойчивого развития сельских локальных сообществ [Калугина, Фадеева, 2009.] Деятельность агрохолдингов приводит к сокращению активности селян на личном подворье. Они не обеспечивают решение самых острых проблем реформируемого социума (бедности и безработицы) – поскольку практически повсеместно занятость работников агрохолдинга носит сезонный характер, что порождает новый вид структурной (сезонной) безработицы. В результате развития данных процессов жители сел лишаются не только работы, но и возможности для ведения крупных подсобных хозяйств. Ликвидация крупных хозяйств, образующих основу социально-экономической жизни сообществ и экономики личных подсобных хозяйств, неизбежно ведет к катастрофическому снижению жизненного уровня жителей села, деградации и гибели сельских локальных социумов [Нечипоренко, Самсонов, 2012].

Подводя итог анализу влияния аграрных институтов на трансформацию сельских сообществ, подчеркнем, что основным трендом и основной проблемой оказывается разрыв традиционных экономических и социальных связей между аграрными институтами и сельскими сообществами. Этот разрыв появился как следствие изменения институтов аграрного сектора, вынужденных быть более коммерчески успешными и минимизировавших для себя поддержание социальной сферы села. Но следствием этого разрыва в свою очередь оказывается уменьшение аграрной составляющей в жизни сельских

сообществ, при которой сельское все больше перестает быть сельскохозяйственным. И зависимость ЛПХ от ресурсов, поступающих извне, является одним из аспектов проблемы разрыва между аграрными институтами и селом, между сельскохозяйственным и сельским, которая оказалась еще одним следствием изменения.

Также последствиями разрыва социально-экономических связей между аграрными институтами и сообществами оказываются усиливающаяся ориентация сельского населения на миграцию в город и социальная дифференциация. Начиная с конца 2000-х гг. в сельских сообществах происходит изменение ситуации, обусловленное сменой трудовых поколений и процессом рационального осознания неудовлетворительных результатов следования прежним моделям социально-экономического поведения и проявляющееся в прогрессирующем отказе от аграрного труда как такового: и в виде самозанятости в ЛПХ, и в виде работы на сельхозпредприятиях, в то время как все большее распространение, особенно в среде молодежи, получает работа вахтовым методом и «нео-отходничество». Например, социологическое обследование 2015 г. показало, что в условиях фактического отсутствия возможностей трудоустройства около $\frac{1}{3}$ населения не заинтересовано в создании новых рабочих мест в сельском хозяйстве [Самсонов, 2013].

Проблема сельских сообществ связана с тем, что реакции, которые они демонстрируют и которые лежат в основе их поведенческих практик, оказываются двойственными и включают две противоположные компоненты: архаическую и современную. Каждая из этих компонент репрезентируется в специфически сформированных аграрных институтах, вокруг которых и структурируется жизнь сельского социума и которые по своей внутренней социально-экономической природе оказываются разнополярны (часть из них больше отражает общественно-коллективные интересы, а другая – частнособственнические). Именно эта черта выступает важной особенностью современных российских сельских сообществ и движущей силой, определяющей направленность и ход их трансформации.

На протяжении последних двух десятилетий происходит постепенное вытеснение первичных архаичных практик, представленных, прежде всего, институтом ЛПХ, инновационными формами организации хозяйства, представленными фермерством и агрохолдингами.

Приспособление к инновационным укладам происходит крайне медленно, поскольку сопровождается сокращением сельскохозяйственной занятости и ведет к изменению образа жизни сельских сообществ. В сфере индивидуальных социально-экономических ори-

ентаций это проявляется, прежде всего, в виде установки сельского населения на формальную занятость, а также на специализацию деятельности при ведении личных подсобных и фермерских хозяйств. В институциональной сфере эти процессы сопровождаются развитием организационно-производственных структур нового типа, в результате чего меняется доминирующая модель социальных взаимодействий: ослабевает значимость неформальных социальных связей (различного рода социальных сетей), происходит ослабление взаимозависимости крупных экономических единиц и экономики ЛПХ.

Вместе с тем развитие инновационных форм хозяйствования приводит к ослаблению социально-экономического потенциала ЛПХ, института, который сегодня является для сельского сообщества системообразующим и обеспечивает выживание значительной его части, вследствие чего динамика сельского социума приобретает крайне неустойчивый характер.

Список литературы

Виноградский В. Орудия слабых: технология и социальная логика крестьянской семейной экономики // Знание–сила. 2000. № 7 (877). С. 66–70.

Калугина З. И., Фадеева О. П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009. 338 с.

Нечипоренко О. В., Самсонов В. В. Хозяйственные уклады российского сельского социума: модели и стратегии развития // Вестн. РГНФ. 2012. № 4 (169). С. 50–61.

Самсонов В. В. Трансформации сельского социума и кризис трудового этоса крестьянства // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 4. С. 101–107.

Материал поступил в редколлегию 02.07.2018

M. R. Zazulina

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

zamashka@yandex.ru

**INSTITUTIONAL DYNAMICS
OF THE AGRICULTURAL SECTOR
AS A FACTOR OF TRANSFORMATION
OF RURAL COMMUNITIES**

The paper shows dynamics of the institutions of the agrarian sector in the post-Soviet period and provides the characteristics of the economic and social consequences of these changes for the development of rural communities. It was revealed that in the agrarian institutions two different components are present, the archaic and the modern, which structure the life of the rural society. The archaic component is represented by the institution of private subsidiary farms, is associated with the minimization of all life support processes and ensures the survival of the village in times of crisis. The modern component, represented by agricultural organizations and farming, is associated with the development of innovative agricultural production, and not with the support of rural communities. The development of innovative forms of management leads to a weakening of the social and economic potential of personal subsidiary plots and the unsustainable dynamics of the rural society.

Keywords: rural local community, transformation, institution, personal subsidiary farm, agricultural organizations, farming, social consequences.

References

Kalugina Z. I., Fadeeva O. P. *Rossiiskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskie zarisovki* [*Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches*]. Novosibirsk, 2009. (In Russ.)

Nechiporenko O. V., Samsonov V. V. *Hozyaistvennyye układy rossiiskogo selskogo sotsiuma: modeli i strategii razvitiya* [*Economic structures of the Russian rural society: models and development strategies*]. *Vestnik of RGNF*, 2012, no. 4, p. 50–61. (In Russ.)

Samsonov V. V. Transformatsii selskogo sotsiuma i krizis trudovogo etosa krest'yanstva [Transformation of rural society and the crisis of peasant labor ethos]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, no. 4 (11), p. 101–107. (In Russ.)

Vinogradskii V. Orudiya slabykh: tekhnologiya i sotsial'naya logika krest'yanskoi semeinoi ekonomiki [Tools of the weak: technology and social logic of peasant family economy]. *Znanie – sila [Knowledge is a Power]*, 2000, no. 7 (877), p. 66–70. (In Russ.)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 801 (733)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-185-191

В. В. Останин¹, М. А. Суботялов^{2,3}

¹ *Алтайский государственный аграрный университет
пр. Красноармейский, 73, Барнаул, 656049, Россия*

² *Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

³ *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

vadim_bh@mail.ru; subotyalov@yandex.ru

ОБРАЗ ШАНКАРЫ В КОММЕНТАРИЯХ БХАКТИВЕДАНТЫ

Рассматривается герменевтическая установка известного вайшнавского мыслителя А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады, получившая название *амбивалентной*. В соответствии с ней большинство как вайшнавских, так и невайшнавских индийских философов принимаются им двояко. С одной стороны, Прабхупада, очевидно, пользуется их интеллектуальными наработками, с другой, критически разбирает их наследие. В качестве характерного примера в данной статье проводится анализ амбивалентного отношения Прабхупады к личности и учению великого мыслителя индийского раннего Средневековья – Шанкаре. Выводы подтверждаются укорененностью Прабхупады в собственной религиозно-философской традиции и его связью с такими вайшнавскими мыслителями, как Бхактивинода Тхакур и Мадхва.

Ключевые слова: индийская философия, веданта, Шанкара, *гаудия*-вайшнавизм, Прабхупада.

А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада (1896–1977) – знаменитый проповедник идей бескорыстного служения Богу и всем живым существам, плодовитый экзегет, мыслитель, общественный деятель и признанный святой, представитель религиозно-философского течения *гаудия*-вайшнавизм, являющегося ветвью магистрального направления древней и средневековой индийской философской мыс-

ли – веданты. *Гаудия* означает «бенгальский», ведь как раз в Бенгалии данную школу философии основал Шри Чайтанья (1486–1534), а его наиболее прославившимся последователем стал именно Прабхупада. Среди его достижений: создание конфедерации храмов, монастырей и сельскохозяйственных общин; перевод и комментирование таких наиважнейших осевых текстов, как «Бхагавад-гита», «Шримад-Бхагаватам» (или «Бхагавата-пурана»), «Иша-упанишада» и др.; тысячи учеников и доброжелателей; создание мощнейшей организации, ориентированной на достижение религиозно-философского идеала, преуспевающей и развивающейся поныне.

Прабхупада не создавал оригинального философского учения, похоже, своей основной целью он видел аккуратную, но приспособленную к возможностям и потребностям аудитории трансляцию вполне традиционного религиозно-философского учения вайшнавизма. Поэтому главные его работы – это толкования священных текстов с опорой на предыдущую комментаторскую традицию.

Отсюда мы можем заключить, что оригинальность, специфичность наследия и послания Прабхупады нужно искать отнюдь не в том, *что* он писал и говорил, а, скорее, *как* он это делал. Для нас очевидно, что такая оригинальность ему не только вполне присуща, но, более того, проявлена им в высшей степени. Таким образом, мы можем заключить, что самобытность Прабхупады как мыслителя в первую очередь раскрывается в пространстве *герменевтики*.

Существенной составляющей герменевтической работы любого экзегета является усмотрение той роли, которую сыграли в установлении традиции ее оппоненты. В данном исследовании предпринята попытка рассмотрения тех герменевтических принципов, в соответствии с которыми Прабхупада относился к монументальной фигуре индийского философа, мыслителя и поэта Шанкары (или Шанкарачарьи) (788–820), главного представителя *адвайта*-веданты – основной оппонирующей вайшнавизму религиозно-философской школы [Бутор, 2003].

Принцип, согласно которому Прабхупада оценивает учение Шанкары, назван нами *амбивалентным*, ибо двойственность интерпретации достижений практически любого вайшнавского и невайшнавского философа – кредо герменевтики Прабхупады. С одной стороны, Прабхупада критически оценивает философские разработки любого рассматриваемого в контексте его трудов мыслителя. С другой стороны, он проникнут духом трепетного уважения к фактически каждому из цитируемых им философов.

Нечто похожее мы находим в буддийской герменевтике, но не в отношении персоналий философов, что логично в контексте обще-буддийской концепции бессамости, а в отношении базисных текстов различных традиций. Каждая школа буддизма по-своему решает следующий вопрос: «Какие именно тексты отнести к непрекаемому авторитету, а какие подвергнуть всесторонней критике?».

«В текстах Палийского канона различаются два смысла слов Будды: ясный, очевидный, выраженный прямо – *нитартха* (пали *нитатта*) и имплицитный, угадываемый, требующий интерпретации – *неяртха* (пали *неяттатта*). Буддийские экзегеты постоянно спорили о том, какие высказывания Будды являются *неяртха*, а какие – *нитартха*. Когда слова Будды не поддавались интерпретации в пользу их собственной доктрины, они объявляли их *неяртха* – “условными”» [Индийская философия: энциклопедия, 2009].

Прабхупада осуществляет фактически ту же процедуру, но уже в отношении учений, интересующих его в контексте собственных комментариев философов. Концепции, разделяемые Прабхупадой, используются в качестве истинных учений, а идеи, не сходящиеся с взглядами его традиции, берутся как условные и подвергаются тщательной критике.

Здесь необходимо отметить, что в отношении Шанкары еще задолго до Прабхупады известнейший богослов из *гаудиев* – Бхактивинода Тхакур (1838–1914) предложил использовать следующую методологию. В своем монументальном труде «Джайва-дхарма» он пишет: «Всю деятельность, выполняемую в этом мире, можно оценивать с двух точек зрения. Одна деятельность полезна в рамках конкретного промежутка времени, другая же полезна всегда. Шанкарачарья выполнил труд, имевший огромное значение для того исторического периода» [Бхактивинода Тхакур, 2013].

Таким образом, Бхактивинода выделяет два типа свершений.

Сарва-калика – деяния, имеющие абсолютное историческое значение, например пришествие Шри Чайтаньи, основателя учения *гаудия-вайшнавизма*.

Тат-калика – деяния, имеющие условное историческое значение, как, например интересующее нас пришествие Шанкары.

Согласно амбивалентному принципу, задействованному Прабхупадой, подобное разделение можно провести с любым философом, скажем, таким как сам Шанкара. Тогда вышеозначенная дифференциация предстанет в следующем виде.

Сарва-калика – деяния Шанкары, имеющие абсолютное историческое значение. Например, написание им трудов и молитв во славу

Кришны, почитаемого у *гаудиев* верховной ипостасью Бога-Личности. К таковым, несомненно, нужно отнести небольшую поэму «Моха-мудгара» («Молот, сокрушающий кандалы иллюзии»), гораздо более известную под названием, взятым из ее же рефрена – «Бхаджа Говиндам» (букв. «Поклоняйся Говинде», т. е. Кришне). Сюда же необходимо добавить «Гита-дхьянам» и «Гита-махатмйам» и многие другие. Оба текста были прокомментированы самим Прабхупадой и прямо прославляют знаменитую «Библию» индуизма – «Бхагавад-гиту», а также ее рассказчика – Кришну. Все три указанных текста, принадлежащие перу Шанкары, были переведены с санскрита автором статьи [Шри Шанкарачарья, 2016].

Тат-калика – создание трудов, таких как «Шарирака-бхашья» (комментарий на «Веданта-сутру»), «Вивека-чудамани» и др., имеющих условное историческое значение и обеспечивающих философский фундамент учения об иллюзорности природ мира и личности (*майявада*).

Приведем свидетельства в пользу обеих позиций.

Так, в одном из комментариев на «Шримад-Бхагаватам» (4.24.18) Прабхупада замечает: «Господь Шива воплотился на земле в облике Шанкарачарьи, чтобы проповедовать философию *майявады*, однако ближе к концу своих игр в этом мире он стал проповедовать вайшнавскую философию: *бхаджа говиндам бхаджа говиндам бхаджа говиндам мудха-мате*. В этом стихе он трижды подчеркивает необходимость поклоняться Господу Кришне, Говинде, и открыто предупреждает своих последователей о том, что жонглирование словами и грамматические головоломки не помогут им обрести освобождение, *мукти*. Тот, кто действительно хочет получить *мукти*, должен поклоняться Господу Кришне. Таково последнее наставление Шрипады Шанкарачарьи» [Прабхупада, 1996].

Напротив, в одном из своих комментариев к «Чайтанья-чаритамрите» (1.7.114), представляющей собой жизнеописание основателя традиции – Шри Чайтаньи, Прабхупада резко заявляет буквально следующее: «Вьясадева написал “Веданта-сутру”, чтобы дать обусловленным душам возможность освободиться из плена материального мира, но Шанкарачарья своим толкованием “Веданта-сутры” нанес человечеству большой вред, поскольку любой, кто следует философии *майявады*, обрекает себя на духовную гибель. В “Веданта-сутре” ясно говорится о преданном служении, но *майявади* отказываются признать, что у Верховной Абсолютной истины есть духовное тело и что живое существо обладает индивидуальным бытием, отдельным от бытия Верховного Господа. Тем самым они сеют безбожие и хаос

по всему миру, ибо их выводы противоречат самой природе трансцендентного чистого преданного служения. Утопическое стремление приверженцев *майявады* стать едиными со Всевышним через отрицание бытия Личности Бога оборачивается вреднейшим искажением духовного знания, и тот, кто следует этой философии, обрекает себя на вечное пребывание в материальном мире. Поэтому последователей учения *майявады* называют *авишуддха-буддхайах* (ссылка на стих из «Шримад-Бхагаватам», 10.2.32. – В. О.) – людьми, обладающими нечистым знанием. Из-за такого оскверненного знания все их аскетические подвиги ничего им не дают. Хотя поначалу этих людей могут почитать за глубокие духовные познания, со временем они опускаются до мирской деятельности, посвящая себя политике, благотворительности и т. д. Так, вместо того, чтобы слиться с Верховным Господом, они сливаются с бурным потоком мирской деятельности» [Прабхупада, 2003].

В этом смысле становится очень интересным мнение некоторых последователей знаменитейшего вайшнавского философа Мадхвы (1238–1317) о том, что в теле Шанкары одновременно сосуществовали бог Шива (светлая сторона личности) и демоническая сущность Маниман (темная сторона личности) [Гададхара Пандит, 2008].

Таким образом, необходимо заключить, что в отношении как философии, так и личности самого Шанкары Прабхупада использует оригинальную амбивалентную герменевтическую установку, согласно которой во взглядах знаменитого философа нужно четко различать положения, соответствующие высшим критериям истинности, отвечающим, по мнению Прабхупады, учению вайшнавизма, и элементы абсолютного монизма, которые необходимо подвергнуть тщательному анализу и благоразумно отвергнуть.

Список литературы

Бутор Ю. Шри Шанкарачарья. Жизнь и учение // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2003. Т. 10, вып. 1(2). С. 92–100.

Бхактиведанта Свами Прабхупада А. Ч. Чайтанья-чаритамрита. М., 2003. Т. 1. 944 с.

Бхактиведанта Свами Прабхупада А. Ч. Шримад-Бхагаватам. Четвертая Песнь. М., 1996. Т. 3. 732 с.

Бхактивинода Тхакур. Джайва-дхарма. М., 2013. 784 с.

Гададхара Пандит. Мадхва-виджая. М., 2008. 400 с.

Индийская философия: Энциклопедия. М., 2009. 950 с.

Шри Шанкарачарья. Гита-дхйанам. Гита-махатмйам / Пер. с санскрита В. В. Останина. Барнаул, 2016. 119 с.

Материал поступил в редколлегию 02.07.2018

V. V. Ostanin¹, **M. A. Subotyalov**^{2,3}

¹ *Altai State Agrarian University*
73 Krasnoarmeiskii Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation

² *Novosibirsk State Pedagogical University*
28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

³ *Novosibirsk State University*
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

vadim_bh@mail.ru; subotyalov@yandex.ru

THE IMAGE OF SHANKARA IN BHAKTIVEDANTA'S PURPORTS

The article deals with the hermeneutic setting of the famous Vaishnava thinker A.C. Bhaktivedanta Prabhupada, which was called *ambivalent*. In accordance with it, the majority of both Vaishnava and non-Vaishnava Indian philosophers are accepted in two ways. On the one hand, Prabhupada obviously uses their intellectual know-how, on the other hand, critically examines their heritage. As a characteristic example in this article, an analysis of the ambivalent attitude of Prabhupada to the personality and teachings of the great thinker of the early Indian Middle Ages – Shankara. The conclusions are confirmed by Prabhupada's rootedness in his own religious and philosophical tradition and his connection with such Vaishnava thinkers as Bhaktivinoda Thakura and Madhva.

Keywords: Indian philosophy, Vedanta, Shankara, Gaudiya Vaisnavism, Prabhupada.

References

Bhaktivedanta Swami Prabhupada A. Ch. *Chaitan'ya-charitamrita* [*Chaitanya-charitamrita*]. Moscow, 2003, vol. 1. (In Russ.)

Bhaktivedanta Swami Prabhupada A. Ch. *Shrimad-Bhagavatam. Chetvertaya Pesn'* [*The Srimad-Bhagavatam. The Fourth Song*]. Moscow, 1996, vol. 3. (In Russ.)

Bhaktivinoda Thakur. *Dzhaiwa-dharma [Jiva-Dharma]*. Moscow, 2013. (In Russ.)

Butor Yu. Shri Shankarachariya. Zhizn' i uchenie [Shri Shankaracharya. The life and teachings]. *Evraziiskii zhurnal regionalnyh i politicheskikh issledovaniy [Eurasian Journal of Regional and Political Studies]*, 2003, vol. 10, no. 1 (2), p. 92–100. (In Russ.)

Gadadhara Pandit. *Madhva-vidzhaya [The Madhva-Vijaya]*. Moscow, 2008. (In Russ.)

Indiiskaya filosofiya: entsiklopediya [Indian Philosophy: Encyclopedia]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Shri Shankarachariya. Gita-dhianam. Gita-mahatmiam [Gita-Dhyanam. Gita-mahatmyam]. Barnaul, 2016. (In Russ.)

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-192-203

В. В. Бровкин

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

drakar@ngs.ru

КИНИКИ И ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА

Установлено, что ослабление морально-этического ригоризма в киническом учении в эпоху эллинизма было связано с радикализмом древних киников и невозможностью его дальнейшего сохранения. Также установлено, что в философии киников в эпоху эллинизма проявилось две тенденции: отчуждение индивида от общества и стремление к политической активности. Несмотря на участие отдельных киников в политике, кинизм в эллинистическую эпоху сохранил свой глубоко индивидуалистический характер.

Ключевые слова: кинизм, эпоха эллинизма, морально-этический ригоризм, Диоген, Онесикрит, Бион Борисфенский, Керкид из Мегалополя.

В данной статье мы рассмотрим проблему ослабления морально-этического ригоризма в философии киников в эпоху эллинизма. В науке уже давно сформировалось мнение о смягчении кинического учения в III в. до н. э. Однако существующие в научной литературе объяснения данного феномена являются, на наш взгляд, слабыми и неубедительными. Одним из немногих отечественных исследователей, которые уделили внимание данной проблеме, был Исай Михайлович Нахов. По его мнению, киническое учение в эпоху эллинизма постепенно утратило свой непримиримый характер. В кинизм проникли черты облегченного гедонизма, идеи социального компромисса и частичного примирения с окружающей реальностью. Согласно Нахову, «компромиссный характер среднего кинизма был обусловлен временной стабилизацией рабовладения, дальнейшим развитием

рабства, разложением мелкого свободного производителя, как социального слоя, опустошительными и кровопролитными войнами, усилением нейтралистских тенденций, упадком демократии и установлением политических порядков, жестоко подавлявших любое стремление к свободе» [1982. С. 192]. Незначительное отступление от бескомпромиссных принципов древнего кинизма, как полагает Нахов, было следствием утомленности, разочарованности и апатии масс. Люди устали от непрерывных войн, политической нестабильности и социальной несправедливости. Киники, уловив господствующие настроения в обществе, понимали, что для того, чтобы достигать до людей, быть услышанными народом, необходимо понизить градус морально-этического ригоризма и ослабить радикализм отдельных аспектов учения. Таким образом, согласно Нахову, киники продемонстрировали умение приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни, тем самым обеспечив своему философскому учению известность и востребованность в эллинистическом мире (см.: [Там же. С. 192]).

По мнению Луиса Навии, эллинистический мир характеризовался смешением культур и устойчивым упадком эллинских традиций (см.: [Navia, 1996. P. 146]). Данные обстоятельства породили в кинизме плюрализм мнений, невысказанный для Диогена. Почти у всех представителей эллинистического кинизма традиционные для этого учения идеи перемешались с другими философскими и мировоззренческими представлениями. Прежде всего это касалось таких моментов, как отход от жесткого аскетизма и автаркии, стремление к некоторым удовольствиям и участие в политической деятельности. Так, Онесикрит и Керкид из Мегалополя принимали активное участие в государственных делах. Бион Борисфенский не отказывал себе в чувственных удовольствиях и призывал приспосабливаться к жизненным обстоятельствам. Менипп из Гадары успешно занимался финансовыми делами. Навия так же, как и Нахов, отмечает, что строгость древних киников была нехарактерна для представителей этого учения в эпоху эллинизма. У последних можно обнаружить либо смягчение учения Диогена, либо погружение в другие философские доктрины и образы жизни (см.: [Ibid. P. 150]). Участие отдельных киников эпохи эллинизма в политической деятельности Навия объясняет тем, что они были поставлены в такие условия, которые требовали от них проявления активности. Полное отрицание древними киниками общественно-политических институтов было возможно как раз потому, что они жили в то время, когда эти институты полноценно функционировали. Иначе говоря, сама полисная система и предоставляла возможность ки-

никам ее критиковать. Но когда полисы подверглись разрушению, киники столкнулись с новой реальностью. В этих условиях высокие моральные убеждения подтолкнули некоторых киников отказаться от космополитических идей в пользу служения интересам отдельных правителей и государств (см.: [Ibid. P. 162–163]).

В научной литературе существует еще одна точка зрения, которая объясняет смягчение кинического учения в эпоху эллинизма. Речь идет о такой якобы характерной для кинизма черте, как отсутствие институционального характера. Как отмечает Пьер Адо, кинизм, как и пирронизм, «не организовались в особые школы, у них нет догматов» [1999. С. 115]. Кинизм, по мнению Адо, представлял собой образ жизни, проповедуемый Диогеном. Киники не использовали доказательства для обоснования своего учения. Они вообще не излагали никакого учения: «Сама их жизнь выражает некий смысл и заключает в себе целое учение» [Там же]. Данной точки зрения придерживается и Дональд Дадли, по мнению которого кинизм никогда не был философской школой в строгом смысле (см.: [Dudley, 1937. P. 59]). Навия пишет, что кинизм не являлся монолитным идеологическим движением с четко определенными философскими принципами и догмами. Это было аморфное движение интеллектуального и социального протеста против господствующих в обществе представлений и верований (см.: [Navia, 1996. Preface vii–viii]).

Итак, существует несколько точек зрения, объясняющих смягчение кинического учения в эпоху эллинизма. Но как мы отметили в самом начале статьи, все они имеют слабые места. Рассмотрим их. Если говорить о войнах в эпоху эллинизма, в частности о войнах диадохов, то следует подчеркнуть, что они были не более разрушительными, чем те войны, которые велись в V–IV вв. до н. э. Классическая эпоха в истории Древней Греции была ознаменована нескончаемыми войнами, некоторые из них были очень масштабными, длительными и кровопролитными. Достаточно вспомнить Греко-персидские войны (500–449 гг. до н. э.) и Пелопоннесскую войну (431–404 гг. до н. э.). К числу разрушенных греческих городов в ходе военных действий в эпоху эллинизма можно отнести Фивы (335 г. до н. э.), Мегалополь (223 г. до н. э.), Коринф (146 г. до н. э.). При этом, как отмечает Уильям Дезмонд, в VI–IV вв. до н. э. были разрушены следующие греческие города: Фокея (540 г. до н. э.), Сибарис (510 г. до н. э.), Милет (494 г. до н. э.), Эретрия (490 г. до н. э.), Акрагант (405 г. до н. э.), Платеи (428, 373 гг. до н. э.), Сикион (421 г. до н. э.), Мелос (416 г. до н. э.), Олинф (348 г. до н. э.), Гистийи (446 г. до н. э.), Микалесс (415 г. до н. э.) (см.: [Desmond, 2006. P. 9]). На грани полного уничтожения были Афины

(480 г. до н. э.) и Спарта (362 г. до н. э.). Разграбление городов, убийство побежденных врагов, продажа в рабство мирных жителей, преследование политических противников, расправа над ними, изгнание – всем этим была пронизана история Греции в V–IV вв. до н. э., задолго до завоеваний Александра и войн диадохов. Безусловно, ведение войн в эпоху эллинизма отличалось от предыдущей эпохи. Здесь можно упомянуть о возросшей роли наемников, значительно расширившемся за счет Азии и Африки театре военных действий, повышении роли новых видов войск (боевые слоны) и военной инженерии. Но что касается последствий войн, то нужно признать, что в классическую эпоху они были не менее разрушительными, чем в эпоху эллинизма.

Тезис об упадке демократии, установлении автократических режимов и, как следствие, подавлении свободы также, на наш взгляд, выглядит спорным. Если обратиться к истории Греции в эпоху эллинизма, то выяснится, что многие полисы продолжали пользоваться автономией. Некоторые полисы были вполне самостоятельными. Кроме этого, многие города-государства входили в Ахейскую и Этолийскую федерации, которые в III – начале II в. до н. э. играли весьма заметную роль в Греции. Эллинистические монархии (особенно Македония) активно вмешивались в греческие дела, но максимум, что им удавалось, это установить временную гегемонию над отдельными областями и полисами в Греции. Весьма показательным моментом, характеризующим политическое развитие Греции, является острое противостояние в III в. до н. э. ахейцев, этолийцев, спартанцев как с Македонией, так и друг с другом. Причем борьба греков друг с другом в ряде конфликтов была еще более напряженной, чем противостояние греков с македонянами.

Что касается так называемого упадка демократии, то здесь также все было неоднозначно. С одной стороны, в эпоху эллинизма действительно характерное для V–IV вв. до н. э. противостояние по линии демократия – олигархия значительно ослабло. Афины как центр греческой демократии также отошли на второй план. Но при этом нельзя сказать, что демократические институты и традиции в полисах в эпоху эллинизма полностью утратили свое влияние. О сохранении демократии в Греции говорит тот факт, что выборы и народное голосование оставались важными элементами системы политического управления во многих полисах III–II вв. до н. э. Кроме этого, не стоит забывать о том, что демократия не всегда оказывала благотворное влияние на развитие философии. Именно демократические Афины изгнали Анаксагора и Протагора, осудили на смерть Сократа,

вынудили покинуть город Аристотеля. Ровно об этом говорит и Адо, который подвергает сомнению утверждение о том, что демократический строй был благоприятен для философии (см.: [1999. С. 106]).

Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что политическая обстановка в эллинистическом мире не препятствовала развитию греческой философии. Уровень свободомыслия в Греции в эту эпоху оставался высоким. Те же киники свободно распространяли свои взгляды. Появлялись новые философские школы с разными, порой противоположными, учениями. Именно в эпоху эллинизма наиболее громко и остро прозвучала критика в отношении религии. Одним из главных критиков религиозных представлений, наряду с Эпикуром и Феодором Безбожником, был как раз киник Бион Борисфенский. Философские школы в это время никто не ограничивал в деятельности и не закрывал, философов не преследовали и не подвергали судебным разбирательствам. Таким образом, мы полагаем, что политические изменения в эпоху эллинизма не помешали свободному развитию греческой философии.

Представление о том, что смягчение кинического учения в эллинистическую эпоху было связано с тем, что оно было только образом жизни, не имевшим догматов, на наш взгляд, имеет два недостатка. Во-первых, само представление о кинизме как чистом образе жизни является весьма спорным. Мы согласны с Джоном Моулсом, который полагает: «Ошибочно утверждать, что, поскольку кинизм был прежде всего образом жизни, он всегда был терпимым к доктринальному разнообразию» [Moles, 1995. P. 144]. По мнению Моулса, «доктрины первоначального кинизма немногочисленны и просты, но они существовали, были внутренне согласованными и лежали в основе образа жизни» (см.: [Ibid.]).

Во-вторых, и что более важно, образ жизни киников в эпоху эллинизма претерпел серьезные изменения. Основу образа жизни Диогена, Кратета и Монима составляли жесткий аскетизм, бродяжничество, неучастие в общественно-политической деятельности и грубое нарушение всех существующих норм и обычаев. Жизнь самых видных киников в эпоху эллинизма выглядела иначе. Онесикрит помогал Александру в его походах, а позднее был замечен при дворе диадоха Лисимаха. Бион Борисфенский любил роскошную жизнь, предавался различным удовольствиям и поддерживал тесные связи с царем Македонии Антигоном Гонатом. Менипп успешно занимался ростовщичеством. Телет из Мегар был школьным учителем. Керкид из Мегалополя занимал важные посты в своем полисе и Ахейском союзе. Он занимался дипломатической деятельностью (участвовал в перего-

ворах с македонским царем Антигоном Досоном), принимал участие в законотворчестве (написал законы для своего полиса), возглавлял отряд в битве при Селласии в 222 г. до н. э. в составе объединенных ахейско-македонских войск против спартанцев. И только Менедем эпатировал общественность чудаческими выходками, впрочем, довольно безобидными. Хорошо видно, что в образе жизни киники эллинистической эпохи очень сильно отделились от Диогена и Кратета. Как пишет Навия, Онесикрит, находясь под руководством Александра и командуя его флотом, безусловно удивил бы и огорчил своего учителя Диогена (см.: [Navia, 1996. P. 148]). В результате можно сказать, что именно в философских взглядах, а не в образе жизни проявилась преемственность между эллинистическими и древними киниками.

Итак, как мы показали, существующие решения проблемы ослабления морально-этического ригоризма в философии киников в эпоху эллинизма выглядят слабо и неубедительно. Но данная проблема осложняется еще одним обстоятельством. Дело в том, что в отличие от киников во всей остальной греческой философии в эпоху эллинизма наблюдалось как раз усиление морально-этического ригоризма. Идея самодостаточного мудреца, счастье которого не зависит от внешних обстоятельств, получила самое широкое распространение в эллинистической философии. Особым ригоризмом отличалось учение ранних стоиков, которые проповедовали стремление к полной апатии и самодовлению. Как учили стоики, мудрец сохранит счастье даже при пытках. Но сходного мнения придерживались и эпикурейцы. Учение Эпикура отличалось стремлением к самодостаточному существованию, которое достигалось путем самоограничения и внутренней дисциплины. Философское учение Пиррона с его стремлением к полному безразличию к жизни и автаркии также требовало от человека серьезных моральных усилий. Даже в платоновской Академии при Ксенократе и Полевоне проявилась тенденция к усилению этического ригоризма (см.: [Диллон, 2005. С. 192]).

В этих условиях, которые, казалось бы, никак не должны способствовать ослаблению строгого и непреклонного следования морально-этическим принципам, в кинизме происходят неожиданные на первый взгляд изменения. Киническое учение отходит от своих первоначально суровых и бескомпромиссных принципов. Главные киники эллинизма уже не ведут нищенствующий образ жизни, не шокируют общественность возмутительными выходками. Киники приспособляются к социальной реальности, они преподают, зарабатывают деньги и играют по правилам, принятым в обществе. Наиболее емко и точно суть кинического учения в III–I вв. до н. э. передает

фраза Телета, приписываемая Биону: «Приспосабливайся к обстоятельствам, как моряки приспособливают паруса к ветру» [Антология кинизма, 1984. С. 182].

Но самые серьезные изменения, которые произошли в кинизме эллинистического периода, на наш взгляд, касались вопроса об отношении к политической деятельности. Здесь наблюдалась удивительная картина. Полное неприятие политики у древних киников сменилось активным участием в ней отдельных представителей эллинистического кинизма. Откровенно негативное отношение к политикам и государственным делам у древних киников основывалось на противопоставлении закона природе. В государстве и законах древние киники видели искусственные установления, которые портят человека и ограничивают его свободу. Поэтому они выступали против какого-либо взаимодействия с властями и участия в политической деятельности. Как сообщается, Диоген «меньше всего считался с законами государства, предпочитая им законы природы» [Там же. С. 79]. Но с наступлением новой исторической эпохи в кинизм проникли нехарактерные для него идеи. На примере Кратета и Онесикрита мы видим двух учеников Диогена, взгляды которых на политическую деятельность кардинально разошлись. Сложно представить более пренебрежительное отношение к политике и государству, чем то, которое продемонстрировал Кратет в одном эпизоде. Когда Александр разрушил родной город Кратета Фивы и спросил у него, хочет ли он, чтобы город восстановили, философ ответил: «Зачем? Какой-нибудь новый Александр возьмет и разрушит его опять» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 243]. Онесикрит почти в это же самое время сопровождал Александра в его завоевательных походах в качестве придворного историка, царского посла и флотоводца (см.: [Плутарх, 1963. С. 442–443]). При этом Плутарх прямо называет Онесикрита «философом из школы киника Диогена» [Там же. С. 442]. Еще в одном фрагменте Кратет называет военачальников погонщиками ослов (см.: [Диоген Лаэртский, 1986. С. 243]). Но спустя сто лет другой киник Керкид из Мегалополя уже сам оказывается в роли «погонщика», возглавляя отряд в битве при Селласии. К сожалению, источники не дают нам объяснения того, каким образом у киников эллинистического периода уживались их кинические убеждения с активным участием в политической деятельности.

Может сложиться впечатление, что от древнего кинизма в эпоху эллинизма ничего не осталось. Но в действительности это не так. В новую историческую эпоху киники продолжали в едкой и насме-

шливой форме критиковать человеческие и общественные пороки. В своих выступлениях и сочинениях они остро обличали социальную несправедливость и неравенство. В этом плане эллинистические киники шли в русле своих предшественников. При этом кинизм не стоял на месте и продолжал развиваться. В частности, заслуга представителей кинизма III в. до н. э. заключается в создании и популяризации новых жанров в философии – диатрибы, пародии и сатиры (см.: [Нахов, 1982. С. 195–197]). И во всех этих произведениях киники критиковали и высмеивали социальную действительность. Таким образом, можно констатировать, что в эллинистическом кинизме прослеживались две тенденции. К традиционной для этого философского направления тенденции к отчуждению индивида от общества присоединилась тенденция к политической активности.

Но в целом мы видим, что ситуация вокруг проблемы смягчения кинического учения в эпоху эллинизма остается сложной и запутанной. В заключительной части статьи мы попытаемся дать свое решение данной проблемы. На наш взгляд, объяснение ослабления морально-этического ригоризма киников в эллинистическую эпоху кроется в изначальном радикализме этого учения. Во взглядах и поведении Диогена, Кратета и Монима кинизм достиг своего предельного радикализма. Диоген стал символом кинической философии. Ему принадлежит заслуга в создании той версии кинизма, которая станет каноничной для всех последующих киников и кинизирующих писателей. Как отмечает Моулс, на протяжении всех периодов античной философии Диоген выступал в качестве главного «стандарта» кинизма (см.: [Moles, 1995. P. 144]). В лице Диогена философия киников приобрела своего самого бескомпромиссного и радикального представителя. Очевидно, что дальнейшая радикализация кинического учения после Диогена была уже невозможна.

Как чисто морально-этическое учение кинизм после своих основоположников мог развиваться только в двух направлениях. Это могло быть либо смягчение первоначальной версии кинизма, либо ее сохранение. Правомерным является вопрос: почему первоначальная версия кинизма не смогла сохраниться? Что послужило причиной того, что учение древних киников в эпоху эллинизма частично утратило свой бескомпромиссный и непримиримый характер? На наш взгляд, сохраниться в первоизданном виде учению киников было не суждено по той причине, что оно было слишком жестким и требовательным. От человека, желающего стать киником, это учение требовало очень много усилий. Необходимо было полностью порвать со всей

своей прежней жизнью. Необходимо было отказаться от всех материальных благ, порвать со всеми связями, в том числе с родными и близкими, решительно отказаться от всех общественных установлений и даже от элементарных рамок приличия. Это учение требовало вести нищенствующий образ жизни и мужественно переносить все страдания и невзгоды. Идти по пути древнего киника означало добровольно принять судьбу изгоя. На наш взгляд, в таком виде, это учение не могло долго просуществовать. Весьма показательным является общественное восприятие древних киников. Так, сообщается, что Платон якобы назвал Диогена «безумствующим Сократом» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 230]. А бывший хозяин Монима, наблюдая за тем, как тот стал вести образ жизни Диогена и Кратета, «все больше убеждался в его безумии» [Там же. С. 240]. Еще одним ярким примером может служить история с Зеноном Китийским, который приходился учеником Кратету. Как пишет Диоген Лаэртский, Зенон «при всей своей приверженности к философии был слишком скромным для кинического бесстыдства», поэтому в конечном счете покинул Кратета [Там же. С. 248]. И это тот самый Зенон, который станет основателем Стои с ее очень строгим и суровым морально-этическим учением. Но даже для Зенона, как мы видим, кинизм оказался слишком радикальным учением.

В пользу версии о том, что киническое учение не смогло бы долго просуществовать в своем первоначальном виде, говорит такой факт, что и другие философские учения, отличавшиеся морально-этическим ригоризмом, со временем также отчасти утратили свой суровый и непреклонный характер. Это хорошо заметно на примере стоиков. Морально-этический ригоризм ранних стоиков уступил место компромиссу в ряде важнейших вопросов у средних стоиков (см.: [Столяров, 1995. С. 257–259]). Похожую картину можно наблюдать и в пирронизме. Образ жизни Пиррона поражал современников своей последовательностью в проявлении полного безразличия к жизни. Но в возрожденном пирронизме уже не осталось места для подобного поведения. В повседневной жизни неопирроники отказались от полного безразличия в пользу предпочтения того, что соответствует законам и обычаям.

Таким образом, сохраниться учению древних киников в первоначальном виде мешал его радикальный характер. Соответственно, дальнейшее развитие кинизма могло проходить только в одном направлении: в постепенном смягчении морально-этического ригоризма. Как мы знаем, именно в этом направлении философия киников и развивалась в эпоху эллинизма. Смягчение кинизма наиболее за-

метно проявилось в участии отдельных киников в политике. На наш взгляд, это говорит о появлении в кинизме такой нехарактерной для него тенденции, как стремление к политической активности. Но, несмотря на это, тенденция к отчуждению индивида от общества в философии киников осталась господствующей.

Список литературы

- Адо П. Что такое античная философия? М.: Гуманит. лит., 1999.
- Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион. М.: Наука, 1984.
- Диллон Дж. Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
- Нахов И. М. Философия киников. М.: Наука, 1982.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. М.: АН СССР, 1963. Т. 2.
- Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М.: Изд-во АО «Ками Групп», 1995.
- Navia L. E. Classical cynicism: a critical study. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1996.
- Dudley D. R. A History of Cynicism. From Diogenes to the 6th Century A. D. London: Methuen and Company Limited, 1937.
- Desmond W. D. The Greek Praise of Poverty: Origins of Ancient Cynicism. Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 2006.
- Moles J. L. The Cynics and politics // Justice and Generosity: Studies in Hellenistic Social and Political Philosophy: Proceedings of the Sixth Symposium Hellenisticum / Eds. A. Laks, M. Schofield. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 129–158.

V. V. Brovkin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

drakar@ngs.ru

CYNICS AND THE HELLENISTIC ERA

It is established that the weakening of moral and ethical rigorism in the cynical doctrine in the Hellenistic era was associated with the radicalism of the ancient Cynics and the impossibility of its further preservation. It is also shown that in the philosophy of the Cynics in the Hellenistic era, two tendencies emerged: the alienation of the individual from society and the desire for political activity. Despite the involvement of individual Cynics in politics, Cynicism in the Hellenistic era retained its deeply individualistic character.

Keywords: cynicism, Hellenistic era, moral and ethical rigorism, Diogenes, Onesicritus, Bion, Cercidas.

References

Ado P. *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [*Qu'est-ce que la philosophie antique*]. Moscow, Gumanitarnaya literatura, 1999. (In Russ.)

Antologiya kinizma. Antisfen. Diogen. Kratet. Kerkid. Dion [*Anthology of Cynicism*]. Moscow, Nauka, 1984. (In Russ.)

Desmond W. D. *The Greek Praise of Poverty: Origins of Ancient Cynicism*. Indiana, Univ. of Notre Dame Press, 2006.

Dillon J. *Nasledniki Platona: Issledovanie istorii Drevnei Akademii* [*The Heirs of Plato. A Study of the Old Academy (347–274 B. c.)*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Petersburg's un-ta, 2005. (In Russ.)

Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [*Lives of Eminent Philosophers*], Moscow, Mysl' Publ., 1986. (In Russ.)

Dudley D. R. *A History of Cynicism. From Diogenes to the 6th Century A.D.* London, Methuen and Company Limited, 1937.

Moles J. L. The Cynics and politics. *Justice and Generosity: Studies in Hellenistic Social and Political Philosophy: Proceedings of the Sixth Symposium Hellenisticum*. A. Laks, M. Schofield (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1995, p. 129–158.

Nakhov I. M. *Filosofiya kinikov* [*Philosophy of Cynics*]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.)

Navia L. E. *Classical cynicism: a critical study*. Westport, Connecticut, Greenwood Press, 1996.

Plutarkh. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [*Parallel Lives*]: In 3 vols. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1963, vol. 2. (In Russ.)

Stolyarov A. A. *Stoya i stoitsizm* [*Stoa and Stoicism*]. Moscow, «Kamigrupp» Publ., 1995. (In Russ.)

УДК 1 (091+141)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-204-218

В. В. Суворов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия*

svv@srcc.msu.ru

**РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО:
КОНЦЕПЦИЯ УМА В ТРАКТАТЕ «ПРОСТЕЦ ОБ УМЕ»**

В трактате «Простец об уме» Николай Кузанский представил альтернативный своим основным мировоззренческим установкам рационалистический проект, в котором в качестве философского принципа и творящего начала выступает вечный и бесконечный ум. Продемонстрирована рационалистичность: в раскрытии атрибутов и акциденций ума соразмерно числам и сообразно именам, в трактовках понимания и конципирования, в определении для человека роли в создании и места в структуре философской системы; отмечается факт обращения к медицинскому знанию в объяснении ощущений (учение «физиков»). Показан приоритет аристотелевской традиции в трактате относительно генезиса человеческих способностей и возникновения понятий, что альтернативно дополняет общепринятые представления о приверженности философа неоплатонизму и пантеизму. Сформулирована концепция, в которой представлены во взаимосвязи атрибуты ума.

Ключевые слова: ум, душа, человек, вещь, число, имя, конципирование, ощущение, восприятие, понимание.

Введение

Философское наследие Николая Кузанского (1401–1464) не составляет определенную философскую систему. О ряде его произведений в исследовательской литературе говорится как о своего рода самостоятельных проектах. Трактат «Простец об уме» [Николай Кузанский, 1979], написанный в 1450 г., – уникальный проект, в котором философ представил рационалистические идеи мироустройства, полагая творящим началом вечный и бесконечный ум, о котором он говорит так же, как о первообразе человеческого ума. Понятие ума является

одним из центральных в философии Николая Кузанского, в трактате «Простец об уме» оно получает раскрытие с наибольшей полнотой (см.: [Тажуризина, 1979]). При этом число публикаций в мировой литературе, содержащих выделенное рассмотрение трактата, составляет менее полутора десятков (см.: [Лосев, 2013; Biechler, 1986; González, 2007] и др.).

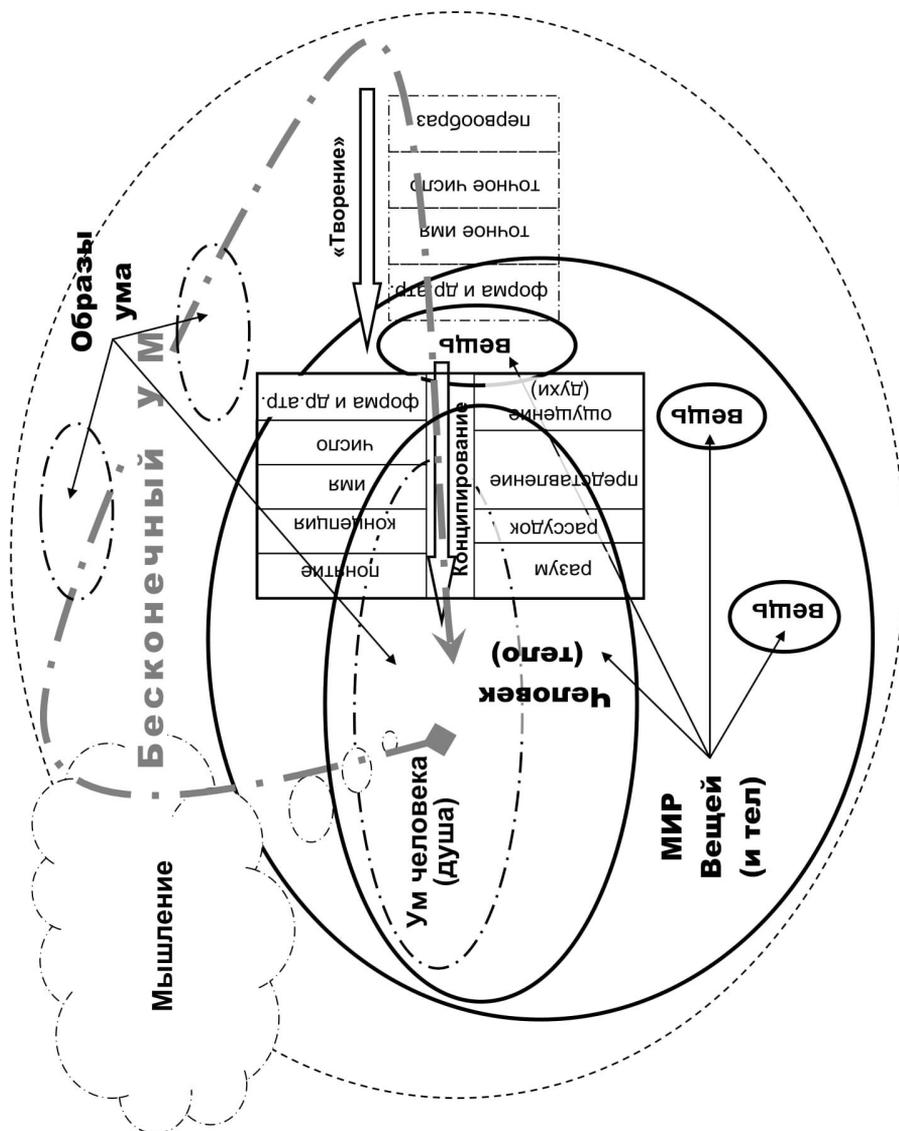
Форма диалога явилась инструментом реализации диалектического метода изложения воззрений Николая Кузанского на мироустройство¹. В понятие ума включается при этом широкий спектр определений – от обыденных представлений до возведения в принцип философской системы, естественными представляются различные, также противоположные, суждения, служащие частными определениями ума и его атрибутов.

Известные публикации, содержащие рассмотрение трактата, посвящены, главным образом, вопросам историографии, структуре диалога и различным аспектам содержания. В настоящей работе решается задача придания учению об уме системной формы концепции, включающей во взаимосвязи основные атрибуты ума. Дается схематическое представление концепции (см. рисунок).

Рационализм в произведениях Николая Кузанского присутствует явным образом в признании разумности бога-создателя и ума человека, в установлении границ и математических соотношений, а также в подчеркивании значения математики в постижении устройства мира. В этом же смысле рационализм Николая Кузанского анализируется в современной литературе [Евлампиев, 2011; Мухамедзянов, 2011; Нечипоренко, 2007; 2008]. Вместе с тем, хотя классическая парадигма рационализма является порождением Нового времени, имеется значимый рационалистический аспект мировоззрения философа – не декларируемый, но заключенный в контексте произведений. Наиболее целостно этот аспект представлен в диалоге «Простец об уме» – установление связей и различий для понятий: бога, бесконечного ума, человеческих душ, создания вещей, форм и других акциденций соразмерно числам и сообразно именам.

В постнеклассической интерпретации трактата теоретическое построение концепции дополняется выявлением присутствующей в тексте оценки реального человеческого ума, при этом трактат приобретает реалистичность в современном понимании. Независимо от встречающихся апелляций к богословским ценностям, в трактате

¹ О соотношении диалектики Николая Кузанского с диалогами Платона см.: [Нечипоренко, 2008].

де-факто рассматриваются понятия, объективно имеющие философское и психологическое содержание: ум, мир вещей, ощущения, чувственное восприятие, представления, понимание и др.

Принятый за основу русскоязычный текст трактата [Николай Кузанский, 1979] сопоставлялся нами с латинским текстом, а также немецким и английским переводами. Сделан вывод об определенных преимуществах русского перевода, главным образом ввиду более тщательного следования терминологии оригинала ². Сопоставление переводов способствовало установлению случаев, нуждающихся в уточнении (примеры приведены далее в тексте и сносках).

Приоритет аристотелевской традиции

В диалоге, в отличие от опирающейся на другие произведения автора современной точки зрения, что философ стоит ближе к платоновской, чем к аристотелевской традиции, – Николай Кузанский в сравнительных оценках учений Платона и Аристотеля высказывается в пользу последнего. На вопрос Философа, прав ли Аристотель, что *«никакое понятие не сотворено вместе с нашим умом или душой»* [Там же. С. 398], или Платон, что *«понятия созданы вместе с душой, но она забыла их из-за бремени тела»* [Там же. С. 399], Простец, выражающий позицию автора, отвечает, что *«правильным представляется мнение Аристотеля, который отрицает, что сначала душе были врожденны понятия, а по воплощении она их утратила»* [Там же]. Также он говорит, что *«нельзя верить, что с душой были созданы понятия, которые она утратила, оказавшись в теле, но для того она нуждается в теле, чтобы довести до осуществления сотворенную с нею способность [понимания]... Подобно тому как зрительная способность души не может получить осуществления... если ей не противостоят чувственные образы... – так и способность ума... не может получить осуществления... без посредствующих чувственных представлений»* [Там же]. Николай Кузанский говорит о человеческом теле как условии и средстве осуществления способности понимания и необходимости чувственного возбуждения тела объектами извне для осуществления способности к восприятию и пониманию.

² Например, введение в русском переводе заимствования «концептирование» для латинского *concipere* имеет преимущество в сравнении с переводом словами естественного языка *Begreifen / Erfassens* (нем. текст) и *conceiving* (англ. текст), так как защищает от переноса на термины существенно отличающегося от него естественного словопонимания.

Компоненты концепции ума

Ощущения. Учение об артериальных духах – факт медицинского знания прошлых эпох. А. Ф. Лосев задается вопросом, «зачем понадобилось Н<иколаю> К<узанскому> в таком чисто философском месте заговорить о физиологии ощущений» [2013. С. 142] и почему ему пришлось прибегнуть к введению «не очень ясного для нас понятия “артериального духа”» [Там же].

Вот как представлено учение о духах в диалоге. *«Физики утверждают, что душа связана с разлитым по кровеносным сосудам тончайшим духом, так что этот дух оказывается носителем души, а носителем этого духа – кровь. Определенный кровеносный сосуд, наполненный оным духом, идет в направлении глаз...» [Николай Кузанский, 1979. С. 417]. В одних случаях говорится о распространении духа по кровеносным сосудам, в других – по нервам. Также в отношении дифференциации духов говорится, что дух в зрительном нерве не может воспринимать идеи звуков. Дух понимается главным образом как «инструментальное» средство, которым пользуется ум – «Во всех... областях [восприятия] наш ум распространяется через дух, заключенный в артериях...» [Там же. С. 412]. «Когда какая-либо вещь оказывается препятствием для духа... душа... воспринимает... ту вещь, которая является препятствием» [Там же. С. 418].*

Ощущения приходят, таким образом, извне через органы чувств, через посредство духов в нервах (кровеносных сосудах), в результате придания им определенности душой (душа – воплощение ума в человеческом теле) они становятся чувственными образами. Далее, *«в передней части головы, в ячейке воображения находится некоторый дух... Когда душа пользуется им в качестве инструмента, она изоощряется до такой степени, что даже в отсутствие вещи воспринимает ее форму в материи» [Там же].* Наконец, *«в средней части головы... которую называют ячейкой рассудка, находится дух» [Там же. С. 419],* пользуясь которым, душа *«изоощряется до такой степени, что уже отличает одно состояние от другого, как устойчивое, так и то, что приносит форма... Эта способность души называется рассудком» [Там же].*

Для оценки обоснованности включения Николаем Кузанским духов в философское учение, приведем некоторые сведения из истории медицины. С древнейших времен (Вавилон, Египет, Китай, Индия) главным фактором связи психики с организмом было признано кровообращение. Очень древним является также представление о пневме. В Позднем Средневековье жизненная и душевная пневма именуется

как «жизненный дух». Понятие пневмы в течение многих веков обозначало материальный субстрат носителя душевных процессов. «*В медицинских кругах пневма мыслилась как факт, а не как теория*» [Петровский, Ярошевский, 1998]. Естествоиспытатель и основоположник анатомии Везалий Андреас (XVI в.) и, наконец, Декарт уже в Новое время считали, что носителями психического качества являются «животные духи». Описание нервных процессов с апелляцией к пневме и духам сохранялось вплоть до открытия в XIX в. электрических явлений в живых тканях.

В объяснении ощущений Николай Кузанский стремился использовать достижения естественно-научных знаний своего времени. Он рационально и конструктивно описал строение и функционирование нервной системы – от воздействия внешних предметов на органы чувств до рассудочного понимания, прибегая к гипотетическим понятиям духов и «изощрений души» для обозначения подразумеваемых реальностей, не открытых к тому времени³.

«Число» – модельный прообраз вещного мира. Учение Николая Кузанского о «числе» имеет предпосылки в Античности – у Пифагора. «Идеи» Платона имеют общее с числами пифагорейцев, В. Ф. Асмус пишет: «*“Идеи” и “числа” – бестелесные прообразы пластических телесных типов вещей, а также прообразы закономерности ...как и у пифагорейцев, “число” – причина порядка, связь вечно постоянного мирового строя... В поздний период своего развития Платон ...отождествил свои “идеи” с “числами” пифагорейцев*» [1976. С. 258].

На просьбу Философа привести основания для утверждения – «числа – начала вещей», Простец связывает в ответе число с первоначалом и соразмерностью, говоря при этом – «*из ума – и числа и все <...> полагаю, можно неопровержимо утверждать, что первообразом вещей в духе создателя является число <...> число является первообразом понятий нашего ума*» [Николай Кузанский, 1979. С. 407]. В отношении бесконечного ума число выполняет функцию модели, конструктивно выражающей вещь, существующую в духе создателя.

Николай Кузанский конкретизировал и развил ряд созданных исторически раньше понятий. В наибольшей степени это относится к числу «не математическому». Простец говорит: «*Пифагорейцы... мыслители глубокие и остроумные; я убежден, что они, говоря о числе,*

³ Понятие ощущения получает систематическую разработку в «Философии духа» Гегеля [1977], где, как и у Николая Кузанского, спекулятивное мышление апеллирует к естественно-научному знанию. Современная нейропсихология дает объективное подтверждение правомерности спекулятивных определений ощущения философами [Suvorov, 2018].

имели в виду не число математическое и происходящее из нашего ума, ведь само собой понятно, что это число не есть принцип какой-нибудь вещи, – но что они символически и доступным для рассудка образом (*rationabiliter*) говорили о числе... в отношении которого математическое число есть только образ» [Там же. С. 405]. Здесь прямо говорится о числе, которое есть «принцип» вещи, для которого «число математическое» есть образ.

Соразмерности придается специальное значение, не ограниченное соотношением размеров и соотнесением с некоторой нормой. Высшей формой соразмерности становится человек – человеческое тело, имеющее «устройство», позволяющее деятельности души – «...уму свойственна деятельность, по которой он называется душой, он требует подходящего устройства тела, в уподобление ему соразмерного...» [Там же. С. 433], – и далее – «[ум] не может одушевить тела, соответственным образом не соразмерного» [Там же].

Обобщая сказанное, можно заключить, что Николай Кузанский представляет число как, говоря современным языком, математическую модель, отображающую каждую вещь и вещный мир в целом во всей сложности взаимосвязей, заключающую соразмерности всех форм, включая «устройство» тела в «уподобление» уму. Такой код, с одной стороны, существует изначально в вечном уме и претворяется в вещный мир, а с другой – приходит в человеческий ум не через платоновские идеи, а через восприятие и понимание.

«Имя» – номинативный слой ума и бытия. Тема имени существует с древнейших времен, от предфилософии до современности. У Платона в «Кратиле»: «Кратил, о Сократ, утверждает, что для каждой из вещей имеется по природе правильность имени и что имя – это вовсе не то, что какие-нибудь люди, условившись [это] так называть». [Платон, 1968. С. 424]. Также у Платона говорится о неразрывной связи имени вещи с самой вещью: «Кто знает имена, тот знает и вещи. <...> когда кто-то знает имя, каково оно, – а оно таково же, как вещь, – то он будет знать и вещь, если только она оказывается подобной имени» [Там же. С. 495].

Об имени Простец говорит: «Каждое наименование соединено с вещью на том же основании, на каком форма приходит в материю; и верно, что наименование обусловлено формой, так что [точные] имена окажутся у вещей не в результате налагания, но от века, а произвольно только само налагание, – все-таки я нахожу, что налагается соответствующее имя, хотя бы оно и не было точным» [Николай

Кузанский, 1979. С. 390] ⁴. Здесь наименование обусловлено формой, приводящей в материю, имена являются не просто идентификаторами, но отображениями вещей в некотором подпространстве (номинативном и понятийном).

Слова именуют отдельные вещи и их совокупности, но существует *«слово, являющееся точным именем всех вещей... Это невыразимое имя отражается по-своему во всех именах как бесконечная именительная сила всех имен и бесконечная называемость всего выражаемого в языке, так что вследствие этого всякое имя есть отображение точного имени»* (с. 394). Здесь говорится о языке, в котором слова-имена образуют систему и есть слово – точное имя всех вещей. Это слово есть не название множества всех вещей в совокупности, как, например, «бытие», но слово, производящее все имена и имеющее отображения в имена «неточные». Пример с именованием многоугольников является предвестием возникших много позднее проектов универсальных формальных языков.

Аргументируя значение слов для мышления, Николай Кузанский упоминает Аристотеля, *«...который... вероятно, утверждает, что рассудок через науку, возникающую при помощи слов, восходит к разумному познанию»* (с. 439). В современной терминологии можно сказать, что имя у Николая Кузанского символизирует язык с тезаурусом понятий, с универсальной (абстрактной) грамматикой конструирования идентификаторов (имен). Каждое «точное» имя есть точка в пространстве имен понятий, имеющая связи со всеми другими точками-именами, так что знание точного имени одной вещи дает знание всех имен через множество взаимосвязей. Имя, как и число, связано с соразмерностью, характеризующей не только форму, но и другие акциденции.

Через конципирование и понимание – к «учению» и «умопостижению». О конципировании в трактате говорится как об известном собеседникам понятии. Простец поясняет, что *«о концепциях говорят, имея в виду подражание <...> концепцией она [способность ума] называется от подражания, так как она воспроизводит материю или форму... ее можно назвать также и подобием или понятием вещи»* (с. 416).

Беседа о конципировании направляется Философом на разъяснение того, чем является понимание. Одно из определений ума у Простеца – способность конципировать. Понимание он называет

⁴ Далее ссылки на эту работу приводятся в круглых скобках с указанием страницы.

совершенным (законченным, завершенным) конципированием – «он [ум] движется, создавая концепции, пока не достигнет понимания» (с. 415). Конципирование означает восприятие в модусе «материи или формы», при этом ум «создает подобия вещей», «видовые различия, виды, собственные или случайные признаки».

Конципирование имеет ряд признаков, относящихся и к пониманию, но «мы... не говорим, что понимание тождественно конципированию». Например, «актуальное бытие понимается, но не конципируется». Простец поясняет, что «об актуальном, однако, говорится как о понимаемом, т. е. своеобразии его умом схватывается». Далее – «началом движения [ума] является впечатление, а его завершением – понимание» (с. 415). Конципирование стоит в одном ряду с понятиями «способность конципировать, концепция, подобие, понятие, впечатление и понимание», но «о концепциях говорят, имея в виду подражание, а о понимании – совершенство...» (с. 416). Николай Кузанский разъясняет здесь, что во взаимосвязанных процессах конципирования и понимания в движении к завершенности имеется их существенная нетождественность, в частности в случае обращения к «актуальному бытию».

На вопрос Философа: «Значит, и концепция есть результат впечатления?» (с. 416) – Простец отвечает: «Нет, не значит... хотя роды и виды относятся к мышлению, они... не становятся впечатлениями души; впечатление души прекращается, а роды и виды остаются» (с. 416). Простец заключает указанием на две стороны результата конципирования: «созерцание в сложной необходимости» – в концепциях и методах, которое Простец называет «учением», и сила ума, которая «созерцает все в простоте и вне сложности, может быть названа умопостижением (*intelligentia*)» (с. 417).

Постнеклассическая интерпретация⁵ – ключ к современному прочтению трактата

Николай Кузанский высказывает теологический постулат – «...существует некая бесконечная мощь, которую мы называем богом...» – и далее, – «в божественной простоте сосредоточены все вещи...» (с. 394). Но в продолжение дает философское развитие – «Ум [чело-

⁵ Постнеклассическая парадигма включает субъективный человеческий фактор, «расширяет поле рефлексии над деятельностью... учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте... с особенностью средств и операций деятельности... и ценностно-целевыми структурами» [Степин, 2000. С. 635].

веческий] есть образ этой сосредоточивающей простоты. Поэтому если эту божественную простоту ты назовешь бесконечным умом, то он как раз и будет первообразом нашего ума» (с. 396). Это одно из мест в диалоге, где обозначается разделение рационального и иррационального.

В первой главе трактата показана позиция естественного человеческого ума, стремящегося понять свои истоки и пределы. Простец, отвечая на вопрос философа, говорит: «Я полагаю, что нет и не было ни одного человека, который, достигши зрелости, не составил бы себе того или иного понятия об уме» (с. 388). Тем самым первым по ходу изложения называется естественное представление о реальном уме человека. Сделанное заключение не принадлежит номинально представляемой концепции, но оно правомерно как логическое следствие из цитированного высказывания и является первым дополнением постнеклассической интерпретации трактата.

В пятой главе об уме говорится как об одной из духовных составляющих, наделяющей тело способностью ощущения, силой рассудочной, разумной и умопостижения. Но, кроме того, «Ум есть живая субстанция, которая, как мы знаем по опыту, внутренне говорит в нас и судит и которая больше любой другой способности из всех ощущаемых нами в себе духовных способностей уподобляется бесконечной субстанции и абсолютной форме» (с. 400). Кузанский говорит об «ощущении» духовных способностей, о знании об уме «по опыту» (индивидуальному), причем как о признанном факте – «мы знаем», также говорит об уме, который «внутренне говорит в нас».

Отвечая на вопрос Философа – не есть ли наш ум «гармония, или самодвижущееся число...», Простец говорит: «Все говорившие о числе могли высказать подобное мнение, движимые своим ощущением способностей ума. Именно, они находили в своем уме суждение относительно всякой гармонии; они замечали, что ум изготовляет (*fabricare*) из себя понятия и движет себя... можно считать, что то или другое мнение об уме или душе мыслители высказывали на основании таких или подобных наблюдений над самими собой (*experientias*)» (с. 409).

Фразеологизмы Николая Кузанского об «ощущении способностей ума», «нахождении в своем уме суждений», «изготовлении умом понятий из себя» и, что важнее всего, утверждение, что «то или другое мнение об уме или душе мыслители высказывали на основании наблюдений над самими собой», – дополняют учение об уме и дают основания для постнеклассической интерпретации трактата. Из приведен-

ных высказываний можно сделать логический вывод, дополняющий собственно учение, что вечный ум возникает как гипотеза человеческого ума, становящегося источником теоретического представления о своем первообразе.

Заключение

Трактат, написанный более полутысячелетия назад и остающийся до настоящего времени мало исследованным, содержит в достаточной степени целостную оригинальную философскую концепцию мироустройства, включающую разработку конкретных философских и психологических понятий. Концептуальные положения трактата представляются имеющими значение для современной философии и психологии и служат, в частности, указанием на остающийся в значительной степени нераскрытым потенциал философского знания для современной психологии (см.: [Суворов, 2016; 2017]).

Трактат характеризуется реалистичностью в следовании аристотелевской традиции и рационалистичностью в представлении структуры ума как основания мироустройства и способностей человека. Постнеклассическая интерпретация, имеющая основания, с одной стороны, в тексте трактата, с другой – в примененном методе исследования, способствует более полному раскрытию миропонимания философа и его учения об уме.

Схематическое изображение концепции, дополненной постнеклассической интерпретацией, представлено на рисунке.

Список литературы

- Асмус В. Ф.* Античная философия. М.: Высш. шк., 1976. 544 с.
- Гегель.* Энциклопедия философских наук: В 3 т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 471 с.
- Евламиев И. И.* Соотношение рационального и мистического познания в философии Николая Кузанского // *Verbum*. 2011. Вып. 13. С. 63–85.
- Лосев А. Ф.* О трактате Николая Кузанского «Об уме» // *Вопр. философии*. 2013. № 9. С. 140–160.
- Мухамедзянов Ф. Ф.* Понятие рациональности у Николая Кузанского // *Вестн. РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2011. № 15. С. 172–182.

Нечипоренко А. В. Гносеология и онтология в философии Николая Кузанского // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2007. Т. 5, вып. 1. С. 112–116.

Нечипоренко А. В. Особенности диалектики Николая Кузанского в трактате «Об ученом незнании» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 156–162.

Николай Кузанский. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 488 с.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.

Платон. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 860 с.

Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Суворов В. В. «Созерцание» в произведениях философов Античности // Вестн. Москов. ун-та. Серия 7 «Философия». 2016. № 6. С. 5–16.

Суворов В. В. Философские произведения предьстории психологии – источник психологических идей // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлёва, В. А. Кольцовой. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. С. 340–347.

Тажуризина З. А. Николай из Кузы // Николай Кузанский. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1: Вступ. статья З. А. Тажуризиной. С. 5.

Biechler J. E. Opera Omnia V: Idiota de sapientia; Idiota de mente; Idiota de staticis experimentis by Nicholas of Cusa (review) // The Thomist: A Speculative Quarterly Review. 1986. No. 1 (50). P. 158–160.

González Á. L. La doctrina de Nicolás de Cusa sobre la mente // Valentina Studia Philologica. 2007. No. 7 (10). P. 1–24.

Suворov V. Hegels Begriff der Empfindung, experimentellen Daten der Neuropsychologie und «qualia» der Philosophie des Geistes // Proc. 32nd International Hegel-Congress. Tampere, Finland: Univ. of Tampere, 2018. P. 74–75.

V. V. Suvorov

*Moscow State University
1 Lenin hills, Moscow, 119991, Russian Federation*

svv@srcc.msu.ru

**NICHOLAS OF CUSA'S RATIONALISTIC PROJECT:
THE CONCEPT OF MIND IN IDIOTA DE MENTE:
THE LAYMAN, ABOUT MIND**

The paper analyses *Idiota de Mente* and formulates the concept of the mind. In *Idiota de Mente* Nicholas of Cusa outlined the rationalistic views of the world order, believing the eternal and infinite mind to be the origin of creation. The article shows Nicholas of Cusa's realistic assessment of the role and place of a person in the creation and structure of the philosophical system; the priority of the Aristotelian tradition over the Platonic tradition in the essay; and the fact of referring to natural-science knowledge (to «physics») when explaining perceptions. The obtained results alternatively supplement the generally accepted notions of the philosopher's adherence to Neoplatonism and pantheism. The author makes a conclusion about the productiveness of the ideas presented in *Idiota de Mente* for modern philosophy and psychology, as well as for modeling of thought in the area of computer technologies.

Keywords: mind, soul, sensation, perceptual power, understanding, conceiving, number, name, intellect.

References

Asmus V. F. *Antichnaya filosofiya [Ancient Philosophy]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. (In Russ.)

Biechler J. E. *Opera Omnia V: Idiota de sapientia; Idiota de mente; Idiota de staticis experimentis* by Nicholas of Cusa (review). *The Thomist: A Speculative Quarterly Review*, 1986, no. 1 (50), p. 158–160.

Evlampiev I. I. *Sootnoshenie racionalnogo i misticheskogo poznaniya v filosofii Nikolaya Kuzanskogo [The ratio of rational and mystical knowledge in the philosophy of Nicholas of Cusa]*. *Verbum*, 2011, no. 13, p. 63–85. (In Russ.)

González Á. L. La doctrina de Nicolás de Cusa sobre la mente. *Valentina Studia Philologica*, 2007, no. 7 (10), p. 1–24.

Hegel. *Entsiklopediya filosofskikh nauk: V 3 t.* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences: In vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1977, vol. 3. (In Russ.)

Kuzanskii N. *Sochineniya: V 2 t.* [Nicholas of Cusa. Works: In 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1979, vol. 1. (In Russ.)

Losev A. F. O traktate Nikolaya Kuzanskogo «Ob ume» [On the treatise of Nicholas of Cusa «About the mind»]. *Question of Philosophy*, 2013, no. 9, p. 140–160. (In Russ.)

Mukhamedzyanov F. F. Ponyatiye ratsionalnosti u Nikolaya Kuzanskogo [The concept of rationality in Nicholas of Cusa]. *Vestnik of RGGU. Series «Philosophy. Sociology. Art criticism»*. 2011, no. 15, p. 172–182. (In Russ.)

Nechiporenko A. V. Gnoseologiya i ontologiya v filosofii Nikolaya Kuzanskogo [Gnoseology and ontology in the philosophy of Nikolai Kuzansky]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2007, vol. 5, no. 1, p. 112–116. (In Russ.)

Nechiporenko A. V. Osobennosti dialektiki Nikolaya Kuzanskogo v traktate «Ob uchenom neznanii» [Features dialectics of Nicholas of Cusa in the treatise «On Learned Ignorance»]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2008, vol. 6, no. 2, p. 156–162. (In Russ.)

Petrovskii A. V., Yaroshevskii M. G. *Osnovy teoreticheskoi psikhologii* [The Foundations of Theoretical Psychology]. Moscow, INFRA-M, 1998. (In Russ.)

Plato. *Sochineniya: V 4 t.* [Works: In 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1968, vol. 1. (In Russ.)

Stepin V. S. *Teoreticheskoye znaniye* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. (In Russ.)

Suvorov V. Hegels Begriff der Empfindung, experimentellen Daten der Neuropsychologie und «qualia» der Philosophie des Geistes. *Proc. 32nd International Hegel-Congress*. Tampere, Finland, University of Tampere, 2018, p. 74–75.

Suvorov V. V. «Sozertsanie» v proizvedeniyakh filosofov Antichnosti [«Contemplation» in the works of philosophers of Antiquity]. *Vestnik of the Moscow State University. Series 7 «Philosophy»*, 2016, no. 6, p. 5–16. (In Russ.)

Suvorov V. V. Filosofskie proizvedeniya predystorii psikhologii – istochnik psikhologicheskikh idei [Philosophy prehistory psychology – a source of psychological ideas]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii: rezultaty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and Applied Researches of Modern Psychology: Results and Prospects]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 2017, p. 340–347. (In Russ.)

Tazhurizina Z. A. Nikolai iz Kuzy [Nikolay from Cusa]. *Nikolai Kuzanskiy. Sochineniya: V 2 t.* [Nicholas of Cusa. Works: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1979, vol. 1, p. 5. (In Russ.)

УДК 141.111

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-219-226

Т. Ю. Седыченко

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sedychenko-82@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ СПИНОЗЫ: РОЛЬ ОНТОЛОГИИ В ОБОСНОВАНИИ ЭТИКИ ЦЕЛЕЙ *

Раскрыты особенности этики Спинозы в соответствии со спецификой его онтологии, а именно, показано, что этические цели Спинозы состоят в достижении понимания человеком сущности добродетелей и аффектов, что влечет за собой раскрытие заложенной в природе человека нравственности и освобождение от страстей. Показано, что свобода человека понимается Спинозой как реализация человеком собственных устремлений и целей. Установлено, что онтология Спинозы выступает в качестве *теоретического фундамента* его этики: цель Спинозы в построении такой онтологии в том, чтобы дать иное представление о сущности и содержании традиционных этических положений. Обосновано, что гносеология является *стержнем* всей философской системы, а именно, на оценке адекватности и неадекватности познания Спинозой выстроены онтологический фундамент и дальнейшие этические положения. Оценено, в какой степени этический компонент учения Спинозы определяет содержание и характер остальных его компонентов.

Ключевые слова: этические цели Спинозы, нравственность, роль онтологии, гносеология.

Этику Спинозы можно понимать либо широко как его философию в целом, либо только как раздел философии, изложенный в его «Этике», где исследуется все то, что относится к страстям, характеристике моральных и нравственных действий человека, либо же понимать под ней собственно этический смысл, вкладываемый Спинозой. Определение ключевых целей его учения зависит от того, насколько широко мы понимаем содержание его этики. При широком понимании этики как философии в целом можно сказать, что содержание всех разделов его учения направлено на достижение им этических

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-33-00009/16-ОГН «Онтология как теоретический фундамент этики Спинозы»).

целей. Здесь мы согласны с М. Киснером: этика как надстройка формирует подструктуру¹.

Если квалифицировать этику Спинозы через понятия разумного эгоизма, индивидуализма и т. д., то такой подход ничего не скажет нам о его пантеистическом мировоззрении. Следует выяснить, можно ли цели этики Спинозы реконструировать так, чтобы это предполагало разработку им пантеистической и рационалистической составляющих философии.

Под этическими целями чаще всего понимают цели для общества и для индивида: достижение человеком блаженства вследствие адекватного познания им всех явлений (наличия бесконечной познавательной любви к богу), стремление к совершенству посредством усовершенствования разума, обретение свободы через избавление от аффектов, следование всем добродетелям, и, прежде всего, первой добродетели «действовать, жить, сохранять свое существование (эти три выражения обозначают одно и то же) по руководству разума на основании стремления к собственной пользе»². Этическое учение Спинозы также имеет целью показать аффектированную сторону природы человека во всех ее проявлениях, и посредством целостного познания им этой природы научиться преодолевать ее, стать свободным от власти аффектов.

Так или иначе, перечисленные цели сводятся к одному: Спинозе важно показать пути к освобождению человека от страстей и негативных мыслей и в итоге следования добродетелям.

В своих работах Спиноза рассматривает две разновидности человеческой природы: человека, обремененного страстями, и человека свободного – того, кто понимает, в чем состоит его рабство, кто выработал навык освобождения от предрассудков, страстей, неадекватности, негативных мыслей и эмоций, кто свободен в выборе по отношению к собственному мышлению и поступкам. Такой человек берет ответственность на себя, поэтому традиционный бог исключается сам собой. Однако при таком прочтении целей (и всей этики философа) необходимость в его онтологии и гносеологии пропадает – этика предстает самодостаточной, понятной, вполне традиционной вместе с требованием бесконечной познавательной любви к богу-природе. Если допустить, что вся философия построена с прицелом на этические цели, возникает вопрос о смысле такой глубокой разработки весьма неординарных онтологии и теории познания.

¹ Подробнее о позиции М. Киснера по вопросу соотношения этики и онтологии Спинозы см.: [Kisner, Youpa, 2014].

² Пер. по изд.: [Спиноза, 1957. С. 541].

В согласии с пантеистическими установками Спинозы (а именно, с признанием им имманентности бога-субстанции всему существующему) мы считаем, что добродетели, утверждаемые им, принципиально отличны от традиционных, в частности тем, что они изначально присущи каждому человеку, а не предписаны извне. Сами по себе навыки познавать и действовать адекватно, быть свободным от страстей и *следовать* добродетелям – лишь внешние проявления, не предполагающие смены мировоззрения. Основополагающая же этическая цель Спинозы в контексте всей его философии состоит, на наш взгляд, в достижении понимания человеком сущности добродетелей, в открытии и развитии их в самом себе, в раскрытии собственной нравственной природы. Такое понимание, по Спинозе, невозможно без всестороннего изучения человека и мира.

В такой трактовке этической цели Спинозы прослеживаются метафизические и пантеистические составляющие (имманентность субстанции и наличие всех добродетелей в человеке). Прочие цели – лишь следствия, внешние проявления человека нравственного. Вместе с преобразованием трансцендентного личностного бога в имманентную миру субстанцию, Спиноза преобразует и мораль – внешние требования и нормы преобразуются в имманентные человеку «законы» нравственности, которые возможно раскрыть посредством адекватного всестороннего познания, в том числе добродетелей и норм традиционной морали.

Спиноза многократно говорит о фундаментальном свойстве субстанции и модусов – стремлении сохранять свое существование: «Стремление к самосохранению есть первое и единственное основание добродетели» [Спиноза, 1957. С. 541]. Эта добродетель у Спинозы, выражающаяся также в понимании человеком наличия данного стремления у *другого*, является имманентным неотъемлемым нравственным качеством каждого, «законом» природы. К способности сохранять свое существование Спиноза добавляет ключевые положения: жить под руководством разума и на основании стремления к собственной пользе. Так называемая аморальная греховная природа человека, провозглашаемая церковью, объясняется у Спинозы просто: именно негативные аффекты и прочие интенции, порождаемые внешними причинами, заглушают разум человека, и как следствие – его природную нравственность.

Основанная на индивидуальном адекватном методичном познании этика пантеиста Спинозы становится этикой адекватного познания всего существующего.

Спиноза задается вопросом о том, как эти добродетели, присущие каждому, но до него не раскрытые в полной мере, сделать устойчивыми, если на протяжении веков этики так и не могли сделать людей счастливыми. По Спинозе, этому мешают суеверия, страхи, мораль, которая не может стать практической, поскольку оторвана от человека, дана извне. Спиноза создает этику как практическую философию, в которой выражает свое видение того, что и как реально происходит в мире природы и отношений, описывая конкретные связи, действия, мысли, мотивы поступков человека и их последствия. В этой конкретности и претендующей на то, чтобы быть исчерпывающей, вариативности возможных проявлений чувств, эмоций, действий человека – отличительная особенность и сила спинозовской этики. Демонстрируя причинно-следственные связи между эмоцией, мыслью, действием, он выявляет психические закономерности, благодаря которым возможно вывести и законы этические.

В 3-й части «Этики» Спиноза подробно рассматривает причинно-следственные связи между психическими реакциями, мыслями и действиями человека без ссылки на бога, что само по себе было новым в философии. Для того чтобы обосновать свою позицию, Спинозе необходимо было представить и новую онтологию, без традиционного представления о боге, основанную на выявленных и уже известных законах природы, которые согласовались бы с законами в области этики (психологии). Основопологающими принципами для Спинозы становятся всеобщий детерминизм, единство и взаимосвязь частей целого, равноценность материального и духовного.

Однако следует заметить, что разработка Спинозой новой онтологии не дает оснований полагать, что этические положения менее значимы для него. Тот факт, что свою «Этику» Спиноза начинает с онтологии и все дальнейшие положения в этой своей работе так или иначе сводит к субстанции, не говорит о том, что онтология является наиболее важной частью его философии. Напротив, посредством такой онтологии Спиноза стремится рассмотреть этические вопросы под новым углом. Можно вести речь лишь о соотносительности этики и онтологии в геометрических построениях Спинозы: «...я буду трактовать *о природе и силах аффектов и могуществе над ними души* по тому же методу, следуя которому я трактовал в предыдущих частях *о боге и душе*, и буду рассматривать человеческие действия и влечения точно так же, как если бы вопрос шел о линиях, поверхностях и телах» [1957. С. 455]. Согласно этому высказыванию, моральные нормы мы можем соотнести определенным образом с законами действия субстанции и модусов в физическом мире, поскольку состоя-

ния аффекта и действия являются модификациями тела и души человека. Мы говорим здесь о точке зрения на соотношение онтологии и этики у Спинозы как об онтологическом и этическом параллелизме, при котором для анализа философии Спинозы становятся возможными варианты рассмотрения и онтологии как теоретического основания этики и этики как побудительного мотива разработки онтологии.

Если рассматривать онтологию в качестве теоретического фундамента, на который опирается Спиноза при построении этического учения, то можно отметить, что цель такой онтологии – онтологии модусного мира без традиционно понимаемого бога – в том, чтобы дать иное представление о сущности и содержании этики как основополагающей дисциплины, познание которой также необходимо для адекватного познания мира. По методу Спинозы только после верного понимания природы субстанции, ее законов и выработки навыков адекватного познания следует переходить к изучению этической части: аффектов и добродетелей. Вне такой последовательности, взятое само по себе, этическое учение не достигнет своей цели – усовершенствования разума, поскольку само по себе оно не обладает той ценностью и оригинальностью, которые имеет в составе всей философии Спинозы.

Онтологические положения у Спинозы призваны изменить у читателя отношение к действительности, а следовательно, и ко всем известным этическим положениям. Нетрадиционная онтология подразумевает и нетрадиционность этики, содержание этических положений в контексте пантеистического мировоззрения Спинозы отличается от традиционных моральных утверждений, и этот аспект в спинозоведении еще недостаточно раскрыт. Можно предположить, что по замыслу Спинозы после усвоения таких смелых для того времени онтологических положений этические положения будут восприняты читателем с иной точки зрения: как фундаментальные естественные «законы», а не предписания «извне». Такая онтология способствует достижению этических целей. Однако использование Спинозой понятия «бог» в собственно этической части его философии (в частности, в разделах 4–5 «Этики») влияет на восприятие читателем этических положений, способствуя принятию их как традиционных. Частое использование Спинозой этого понятия, несмотря на то, что под ним он понимает субстанцию, зачастую вносит путаницу в сознание читателя, уж слишком в нем укрепилось традиционное представление о боге. Чтобы избежать смешения понятий, заменим понятие «бога» на понятие «природы» или «субстанции»,

и мы увидим совершенно иное представление о мире. На наш взгляд, частое употребление Спинозой понятия «бог» вносит недопонимание и смешение, является камнем преткновения в представлении читателя о единстве его системы. Тем не менее онтологию Спинозы можно рассматривать и как мировоззренческий фундамент, исключающий культурные, моральные и прочие установки читателя, с целью продемонстрировать мир как он есть в его многообразии. Онтология модусного мира с субстанцией, замещающей традиционного бога, необходима для нейтрального восприятия человеком мира, поскольку такое восприятие нужно для преодоления аффектов, возникающих вследствие привязанности к вещам.

Итак, онтология рассматривается нами как теоретический фундамент этики, необходимый для смены мировоззрения, для иного понимания традиционных этических положений. Изучение и понимание теории бытия, по Спинозе, должно предшествовать этике так же, как это происходит в других системах, поскольку иначе этические положения нельзя воспринять адекватно.

Онтология – теоретический фундамент этики, потому что на демонстрации законов взаимодействий тел Спиноза объясняет взаимодействие между чувствами, мыслями, действиями человека по отношению к себе и *другому*. По Спинозе, изучив эти законы, человек может обрести свободу действовать с максимальной пользой для себя и для общества в целом, возлагая ответственность на самих себя, а не «волю бога». Единство этических целей (достижение собственной пользы с учетом пользы для всех) и онтологических положений прослеживается всюду: «для человека нет ничего полезнее человека; люди, говорю я, не могут желать для сохранения своего существования ничего лучшего, как того, чтобы все, таким образом, во всем согласовались друг с другом, чтобы души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело, чтобы все вместе, насколько возможно, стремились сохранять свое существование и все вместе искали бы общепользующего для всех. Отсюда следует, что люди, управляемые разумом, т. е. люди, ищущие собственной пользы по руководству разума, не чувствуют влечения ни к чему, чего не желали бы другим людям, а потому они справедливы, верны и честны» [1957. С. 538].

Онтология и натурализм Спинозы выступают в качестве обоснования этических положений. В то же время этические нормы и эмоционально-психические реакции человека – лишь одна из сторон природы: они могут быть соотнесены с физическими законами природы у Спинозы, но не могут *логически* вытекать из них.

Чтобы верно понять метафизические и онтологические положения, необходимо изучить теорию познания. В действительности, именно гносеология является тем стержнем, на котором держатся этика и онтология, поскольку последние построены с учетом контроля адекватности идей и родов познания. Неудовлетворенность всей предшествующей этикой Спиноза связывает с тем, что она основана на неадекватном, с его точки зрения, познании.

Можно предположить, что гносеологические установки Спинозы (декартовский принцип *cogito*, критерии ясного, отчетливого познания, характеристики родов познания и идей) предшествуют разработке этических положений, потому что причины страданий людей Спиноза видит именно в характере их познания. Анализ ошибок нашего познания и, следовательно, действий, приводит Спинозу к постановке определенных этических целей. Высшее блаженство, о котором говорит Спиноза, состоит в удовольствии от интуитивного целостного познания (восприятия) самого себя и внешнего объекта во взаимосвязи со всеобщим, от восприятия самого себя как части внешнего мира. С другой стороны, для осуществления этических целей, для освобождения человека от аффектов необходима смена образа мышления (привычка рефлексии, контроля адекватности идей и характера познания), для чего Спинозе необходимо тщательно разработать гносеологическую составляющую учения. Свободу человека Спиноза понимает как свободу (широту) мысли и познания, которую всей своей философией демонстрирует он сам.

Свобода человека понимается Спинозой как реализация человеком *собственных* устремлений и целей, умение различать и понимать которые зависит от познавательных способностей. Можно сказать, что этика Спинозы предполагает самое серьезное и трепетное отношение к познанию и, соответственно, к его теории.

Список литературы

- Спиноза Б. Избр. произв. М., 1957. Т. 1. 631 с.
Kisner M. J., Youpa A. *Essays on Spinoza's Ethical Theory*. Oxford: Oxford Univ. Press. 2014. 282 p.

T. Yu. Sedychenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sedychenko-82@mail.ru

**SPINOZA'S PHILOSOPHY:
THE ROLE OF ONTOLOGY IN JUSTIFICATION
THE ETHICS OF ENDS**

The paper shows the characteristic features of Spinoza's ethics are revealed in accordance with the specifics of his ontology, namely, it is shown that Spinoza's ethical goals are to achieve a person's understanding of the essence of virtues and affects, which entails disclosing the morality inherent in human nature and liberation from passions. It is shown that human freedom is understood by Spinoza as the realization by man of one's own aspirations and goals. It is established that Spinoza's ontology serves as the theoretical foundation of his ethics: Spinoza's goal in constructing such an ontology is to give a different idea of the essence and content of traditional ethical positions. It is substantiated that epistemology is the core of the entire philosophical system, namely, an ontological foundation and further ethical positions are built on the assessment of the adequacy and inadequacy of cognition. It is estimated to what extent the ethical component of Spinoza's teachings determines the content and character of the rest of his philosophy.

Keywords: ethical goals of Spinoza, morality, the role of ontology, epistemology.

References

Kisner M. J., Youpa A. *Essays on Spinoza's Ethical Theory*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2014.

Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow, 1957, vol. 1. (In Russ.).

УДК 930.85:316.42.42:140.8

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-227-237

П. А. Горохов¹, Е. Р. Южанинова²

¹*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (филиал в г. Оренбурге)
ул. Курача, 26, Оренбург, 460000, Россия*

²*Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, 460018, Россия*

erliz@yandex.ru; yuterina@yandex.ru

ВЗГЛЯД НА ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕГЕЛЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ

Осуществлено сравнение глобализационных процессов современности с эпохой наполеоновских войн, когда была сделана попытка интегрировать Европу в единое политическое, экономическое и социокультурное целое. Историко-философским базисом предпринятого сравнения выступают труды Г. В. Ф. Гегеля. Авторы приходят к выводу, что если интеграционные процессы начала XIX в. носили исторически-прогрессивный характер, то современная глобализация – явление регрессивного порядка для истории человечества.

Ключевые слова: глобализация, философия истории, философское осмысление, Г. В. Ф. Гегель, Наполеон, прогресс, социокультурная интеграция.

За последние годы много было написано о сущности тех геополитических и социокультурных феноменов, которые наблюдаются в мире после распада Советского Союза и обычно именуется глобализацией. Если рассматривать глобализацию как искусственно организованный процесс, осуществляемый чаще всего силовыми методами, то в таком случае она не является чем-то новым во всемирной истории. В этой работе мы сравним геополитические и социальные процессы нашего времени с бурной эпохой наполеоновских войн. Именно на рубеже XVIII–XIX вв. почти удалась попытка унифицировать Европу по единому образцу и создать целостное европейское пространство.

Историко-философской базой для сравнения двух «глобализаций» стали труды великого систематика Г. В. Ф. Гегеля, который в основу всей всемирной истории помещал дух. В «Философии истории» читаем: «...всемирная история совершается в духовной сфере {...} Субстанциальным является дух и ход его развития {...} Дух на той сцене всемирной истории, на которой мы его рассматриваем, является перед нами в своей конкретной действительности» [Гегель, 1935. С. 16].

Хотя о Гегеле существует богатейшая литература, в отечественных историко-философских исследованиях еще не проводилось сравнение интеграционных процессов наполеоновской эпохи и современной глобализации на основе наследия великого систематика. Ряд аспектов этой проблемы затрагивали Д. Лукач [1987] и А. И. Тимофеев [2003].

Гегель отмечал в «Лекциях по истории философии», что именно в трагические и переломные эпохи растет интерес к философии, когда «дух ищет прибежища в области мысли» [2001, С. 109–110]. Вся немецкая философская классика, несмотря на сложнейший понятийный аппарат, была проникнута практической целью: указать человечеству путь к достижению свободы. По Гегелю, все развитие человеческого духа имеет благородную цель – действительность понятия свободы. В «Философии истории» он пишет: «Всемирная история... излагает развитие сознания духа о его свободе и о производимой этим сознанием реализации» [1935. С. 61]. Определенный народ приобретает всемирно-историческое значение лишь тогда, когда он в своей действительности реализует необходимую в определенное время ступень развития свободы. Поэтому разумная цель определяет целостность всемирно-исторического процесса, осуществляемого различными народами. Гегель постулирует: «Свобода состоит лишь в том, чтобы знать и иметь в виду такие общие субстанциональные предметы, как право и закон, и создать соответствующую им действительность – государство» [Там же. С. 157].

Именно свобода – наряду с равенством и братством – была духовным и идеологическим лейтмотивом Французской революции. События 1789–1799 гг. вызвали катастрофические последствия для самой Франции и ужаснули всю Европу потоками пролитой крови. Эти события породили великого Наполеона Бонапарта, которого А. С. Пушкин гениально оценил как «мятежной вольности наследник и убийца». В бурную эпоху Французской революции практически был осуществлен преимущественно негативный аспект свободы, т. е. «свобода от». Во Франции забыли о свободе позитивной, т. е. о свободе для осуществления великих социальных целей. И именно На-

полеон устранил негативные крайности революции и в полной мере применил ее положительный эффект, выразившийся в насильственном очищении от феодальных пережитков не только французского общества, но и всей Европы.

Вольтер и Руссо мечтали о свободе народа, но своей деятельностью они лишь духовно растлили французов, ибо свобода, лишенная морали и веры, обращается в свою противоположность. Гегель в «Феноменологии духа» обозначил переход от принципа полезности к осознанию индивидуумами своей абсолютной свободы. Именно такая полная, ничем не ограниченная свобода приводит к страшному террору, особенно если субъект такой свободы не включен в гражданско-правовые отношения. Гегель ярко описывает разгул террора во времена революционных событий во Франции: «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть, и притом смерть, у которой нет никакого внутреннего объема и наполнения; ибо то, что подвергается негации, есть ненаполненная точка абсолютно свободной самости; эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды» [1959. С. 318].

Всемирной истории потребовался гений Наполеона, чтобы остановить кровавое половодье революции во Франции, где головы рубили, действительно, с такой же легкостью, как капустные кочаны. Наполеон, в полной мере применив свой дар великого полководца, начал долгий путь к созданию всемирной империи. Поэтому эта деятельность Бонапарта может по праву оцениваться как попытка насильственной глобализации человечества. Но даже и не осуществленная в полной мере, эта «глобализация» изменила коренным образом политико-правовое и социокультурное бытие всей феодальной Европы. Вспомним хотя бы знаменитый Гражданский Кодекс Наполеона, который лег в основу правовых систем большинства европейских стран в XIX столетии. Реставрация феодализма в полной мере стала невозможной даже после ухода Наполеона Бонапарта со всемирно-исторической сцены.

Отметим удивительное пересечение духовных вселенных и физического бытия двух великих людей: Гегеля и Наполеона. 13 октября 1806 г. – в ночь великой битвы при Иене, данной и выигранной Бонапартом, Гегель завершил работу над трудом «Феноменология духа» – своим величайшим произведением, которое принесет ему мировую известность. Философ писал: «Самого императора – эту мировую душу – я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поис-

тине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним... Иметь такие успехи от четверга до понедельника мыслимо только для этого исключительного человека, и не изумляться ему просто невозможно» [Гегель, 1971. С. 255]. Здесь Гегель говорит о сокрушительном разгроме прусской армии. Философ назвал императора «мировая душа», ибо он до конца жизни искренне верил в то, что именно Наполеон являет собой совершенного человека.

Подлинное отношение Гегеля к проводимой Бонапартом «глобализации» можно понять не из опубликованных трудов, а из его писем. Гегель опасался обвинений в антипатриотизме и наиболее откровенно высказывается по этим вопросам в письмах к своему проверенному годами другу – философу Фридриху Нитхаммеру, единственному человеку, с которым Гегель сохранял близкие отношения, начиная с учебы в Иене и до самой смерти.

Именно из этих дружеских писем ясно, что Гегель высоко оценивает Наполеона именно как выразителя исторического наследия французской революции, принесшего в феодальную Германию на штыках победоносной французской армии элементы прогрессивного общественного уклада. Такую «глобализацию» Гегель оценивал как прогресс в истории Европы.

Двадцать девятого августа 1807 г. Гегель пишет Нитхаммеру: «В гневе Наполеон сказал вюртембергскому министру: “Я превратил Ваших князей в суверенов, но отнюдь не в деспотов”. Если немецкие князья вообще не имели понятия о свободной монархии и даже не стремились его претворить в жизнь, то Наполеон стремился организовать все. Но порой возникает совершенно иное, чем то, что мыслилось» [Briefe..., 1969. P. 130]. В последних словах явственно видна знаменитая мысль Гегеля о «хитрости разума»: в реальной истории всегда наличествует печальное и чаще всего разительное несоответствие результатов исторического процесса идеальным устремлениям его участников.

Наполеоновская глобализация была прогрессивной и потому, в том числе, что великий государственный деятель закреплял новые прогрессивные экономические отношения четким и ясным законодательством, нацеленным на всю подвластную ему Европу. Это понимал Гегель и всячески приветствовал. О введении знаменитого «Кодекса Наполеона» в Германии Гегель высказывается так: «Однако важность ‘Кодекса’ не идет ни в какое сравнение с важностью надежды на то, что будут введены в действие хотя бы некоторые незначитель-

ные части французской или вестфальской конституций. Добровольно это вряд ли случится из собственных побуждений и соображений тоже, ибо откуда они возьмутся? Это произойдет лишь в том случае, если на то будет воля неба, т. е. французского императора, и если исчезнут прежние характерные разновидности централизации и организации, в которых нет ни справедливости, ни гарантии, ни популярности, но лишь произвол и мудрствование отдельного лица» [Гегель, 1971. С. 291].

В целом, политические взгляды Гегеля и та трактовка современности, которую мыслитель дал в «Феноменологии духа», образуют органическое единство. Как и великий Гёте, Гегель с изрядной долей скептицизма относился к освободительной борьбе немцев против Наполеона, хотя эта борьба столь вдохновляла романтические натуры наподобие Иоганна Фихте. Гегель же до самой смерти Наполеона в 1821 г. надеялся на грядущую победу императора над затравившими его пигмеями. Падение Наполеона Гегель рассматривает как трагическое событие мировой истории. В своих письмах философ подвергает яростной критике «посредственность, которая справляет свой триумф» [Brieft..., 1969. P. 138], имея в виду европейских политиков, одолевших совместными усилиями величайшего гения в человеческой истории и тем самым отбросивших вспять саму эту историю. Даже когда Бонапарт уже находился на Святой Елене, Гегель сожалел об исторической неудаче, постигшей императора, и не оставлял надежды, что мировой дух сделает усилие и пошлет к черту «торжествующих блох и клопов» [Ibid. P. 142].

Если глобализация начала XIX в. проходила под эгидой гениального человека и была лично им вдохновляема, то насильственные интеграционные процессы, происходящие в мире после распада СССР, совершенно внеличностны, являясь результатом стремлений мирового финансового капитала. Интересы этого капитала могут выражать совершенно безликие и ничтожные в интеллектуальном или моральном плане субъекты. Более того, ничтожность и мизерность первых лиц всячески приветствуется в эпоху глобализации. И если личность первого лица будет хотя бы несколько значительнее среднего политкорректного стандарта, то такой лидер безжалостно устраняется не только из политического континуума, но порой и из самой жизни.

Видимо, в современную эпоху из политики окончательно исчезли великие люди. Согласно Гегелю, великие люди отличаются пониманием того, что нужно и что своевременно. Их субъективные по форме действия являются объективно необходимыми по своему содержанию. Частные цели подлинно великих людей «содержат в себе

тот субстанциальный элемент, который составляет волю мирового духа. Их следует называть *героями*, поскольку они черпали свои цели и свое призвание не просто из спокойного, упорядоченного, освященного существующей системой хода вещей, а из источника, содержание которого было скрыто и не доразвилось до наличного бытия из внутреннего духа, который еще находится под землей и стучится во внешний мир...» [1935. С. 29].

Наполеоновская глобализация, оказывая действенное влияние на формирование единого экономического пространства в Европе, существенно изменила сферу духа, в том числе литературу, искусство и философию всей Европы. Влияние на всю европейскую культуру фигуры самого Бонапарта, под тенью которого прошел весь XIX в., трудно переоценить и сегодня. Происходящие ныне процессы глобализации, напротив, затрагивают исключительно сферу материального производства и губительно воздействуют на духовность, фактически аннигилируя ее. У «цивилизованного потребителя» нет никаких идеалов, кроме искусственно порождаемых потребностей. Потребитель является рабом достигнутого материального достатка и стремится лишь к его сохранению. В «Феноменологии духа» Гегель диалектически проанализировал отношения господина и раба и охарактеризовал человека как вождедующее самосознание, которое достигает своего удовлетворения и признания лишь в самосознании другого человека: «Отношение обоих самосознаний, следовательно, определено таким образом, что они *подтверждают* самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть. Индивид, который не рисковал жизнью, может быть, конечно, признан *личностью*, но истины этой признанности как некоторого самостоятельного самосознания он не достиг» [1959. С. 102]. Сытая жизнь для раба дороже свободы. В этом суть рабского самосознания.

И в современную эпоху побеждает именно рабское самосознание, хотя рабы глобализации отнюдь не считают себя рабами. Свобода духа у них превращается в свободу потребления. Люди добровольно идут в духовное рабство, навязываемое ими политиками и СМИ, ибо они отвыкли или даже неспособны мыслить самостоятельно. Разумеется, современные глобализационные процессы многолики и противоречивы, они намного сложнее «глобализации» наполеоновской эры, но в обобщенном виде их можно свести к следующим основополагающим тенденциям.

Во-первых, в мире наблюдается насильственное распространение либеральной демократии даже в тех странах, в которых логика и традиции исторического развития всячески противоречат этому наси-

лию. Рожденная на земле Эллады демократия – явление исключительно западной культуры, и ее механический и бездумный перенос на Восток приводит к длительным историческим трагедиям. Наполеон, в отличие от современных адептов глобализации по-американски, стремился принимать в расчет политические, экономические и социокультурные различия народов, оказавшихся под его властью. Бонапарт и вся пропагандистская машина императорской Франции всячески подчеркивали благость тех изменений, которые вводились в старой Европе. Гегель недаром писал в «Философии права» по поводу легитимности, рожденной революцией Франции: «В словах Наполеона, сказавшего перед заключением Кампоформийского мира: “Французская республика так же мало нуждается в признании, как мало нуждается в признании солнце”, заключается лишь сила существования, которая уже сама собою ручается за признание, хотя бы последнее никогда и не было высказано» [1934. С. 350].

Во-вторых, ныне адептами глобализации искусственно принижается роль государственного регулирования и искусственно увеличивается рыночный элемент в мировой экономике. Это не может не приводить к периодическим кризисам мирового масштаба. Хотя, как известно, из Великой депрессии начала 30-х гг. XX в. США вышли лишь с помощью «Нового курса» Ф. Рузвельта, включавшего применение механизмов государственного регулирования и контроля. Да и Наполеон понимал необходимость государственного контроля над рыночной стихией.

В-третьих, невиданный ранее в истории человечества темп технологического обновления способствовал подлинной революции средств массовой информации, созданию невиданного ранее мирового информационного пространства, где всячески воспевается и восхваляется засилье бездумной идеологии потребления. Что сказал бы молодой романтик Бонапарт, тринадцать раз прочитавший во время Египетского похода «Страдания юного Вертера» Гёте, о той воистину глобальной пошлости и всеобщем скудоумии, что заполнили ныне умы и сердца народов всего мира! Тот же Гегель не отрицал важности материальной составляющей человеческого бытия, когда в «Философии духа» раскрывал личностный и социальный механизм развития потребностей. Но процесс развития человеческой сущности предполагает, по Гегелю, переход от состояния подчиненности души телесности к такому состоянию, когда именно телесность подчиняется душе (см.: [Гегель, 1977. С. 207]). Это высшее состояние человека соответствует всеобщей сущности людей. Гегель пишет: «Истинная свобода состоит в тождестве меня с другим, я только тогда

истинно свободен, если и другой так же свободен и мной признается свободным» [1977. С. 241].

Задача построения «земного рая» в облике правового государства ныне далека от реализации как никогда прежде за всю новую историю человечества. Сам Гегель дистанцировался от концепции идеального государства, которую можно найти в трудах Канта или Фихте с его проектом «замкнутого торгового государства». Гегель считал, что такое государство перестает быть государством в собственном смысле слова. С точки зрения мыслителя, государство порождается осознающим себя определенным народным духом. Оно всегда имеет характер особенности, а не всеобщности. На этой идее основано и его понимание внешнего государственного права.

В «Философии права» Гегель пишет: «Нет претора над государствами; существуют в лучшем случае лишь третейские судьи и посредники между ними, да и те существуют лишь случайно, т. е. согласно особенной воле. Кантовское представление о вечном мире, поддерживаемом союзом государств, который улаживает всякий спор и, в качестве признаваемой каждым отдельным государством власти, устраняет всякие недоразумения и этим делает невозможным решение их посредством войны, – это представление предполагает согласие государств, которое исходило бы из религиозных, моральных и каких бы то ни было других оснований и соображений, вообще исходило бы всегда от особенной суверенной воли и благодаря этому оставалось бы случайностью. Спор между государствами, поскольку особенные воли не приходят к согласию, может быть решен лишь войной» [1934. С. 351].

Глобализация осуществляется в современную эпоху чаще всего не очень достойными, в том числе и военными средствами. Если Франция в наполеоновскую эпоху несла народам Европы мощный культурный посыл, генеалогически восходящий к Декарту, Паскалю и Монтеню, то современные США навязывают всему миру социокультурные стандарты, в основе которых лежат идеология бездумного потребления, агрессивный культ толерантности и воспевание однополюсной любви.

Итак, общим в рассматриваемых глобализационных процессах является насилие – прежде всего, военная сила, с помощью которой осуществлялись как интеграционные процессы в Европе два столетия тому назад, так и глобализация в современном мире. Интеграционные процессы, как правило, вызываются и стимулируются историческими и социокультурными катаклизмами и трагедиями: события двухсотлетней давности были порождены Французской революцией, а происходящие ныне процессы стали возможными после

уничтожения мировой системы социализма и, как следствие, возникновения однополярного мира. Но «глобализацию» наполеоновской эпохи, свидетелем и аналитиком которой был великий Гегель, можно рассматривать как прогресс с точки зрения всемирной истории. Отсталый социально-экономический уклад и отживший общественный строй сменялся на более передовой. Но Наполеон не ставил перед собой человеконенавистнических целей, а войны во имя достижения политического и экономического господства революционной Империи в большинстве случаев не затрагивали интересы и жизнь гражданского населения. Современная война уничтожает, прежде всего, мирное население, и в прокрустово ложе либеральной демократии безжалостно загоняется весь мир.

Современная глобализация, проводимая под эгидой и во имя интересов США, является явлением регрессивного порядка для истории человечества, ибо искусственно возвращает значительную часть человечества в более отсталую по сравнению с социализмом общественно-экономическую формацию. Вряд ли Гегель нашел бы хорошие слова для оценки современной глобализации, ибо в ходе этого процесса все величие человеческого духа подменяется на грубую ирреальную подделку, на какой-то постмодернистский симулякр.

Величайший ученик и последователь Гегеля Карл Маркс предвидел многие сюжетные ходы грядущей истории человечества, в том числе показал бесчеловечную сущность монополистического капитала. Адепты глобализации по-американски готовят индустриальное и духовное рабство для человечества, подлинное объединение которого на основах действительного равенства и гуманизма возможно лишь при осуществлении великого принципа из Коммунистического Манифеста: свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Этот марксистский принцип противоречит всей сущности современной глобализации, и он не мог бы возникнуть без титанической деятельности одного из творцов немецкого идеализма – Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

Список литературы

Гегель Г. В. Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 4: Феноменология духа. 444 с.

Гегель Г. В. Ф. Соч. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. Т. 7: Философия права. 380 с.

Гегель Г. В. Ф. Соч. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Т. 8: Философия истории. 470 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 71 с.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 2001. 352 с.

Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.

Лукач Д. Политические убеждения и понимание истории Гегелем в период написания «Феноменологии духа» // Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. С. 492–509.

Тимофеев А. И. Что бы мог сказать Гегель о проблемах глобализации? // Глобализация в социально-философском измерении: Сб. материалов конф. СПб.: Санкт-Петербург. филос. об-во, 2003. С. 86–90.

Briefe von und an Hegel / Hrsg. von J. Hoffmeister. Hamburg, 1969. 589 S.

Материал поступил в редколлегию 19.07.2017

P. A. Gorokhov¹, E. R. Yuzhaninova²

¹*Russian Academy of National Economy and Public Administration
24 Kuracha Str., Orenburg, 460000, Russian Federation*

²*Orenburg State University
13 Pobeda Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation*

erliz@yandex.ru; yuterina@yandex.ru

VIEW OF GLOBALIZATION PROCESSES THROUGH THE PRISM OF HEGEL'S HERITAGE

The article compares the processes of globalization of modernity with the era of the Napoleonic wars, when an attempt was made to integrate Europe into a single political, economic and socio-cultural whole. The historical and philosophical bases of these comparisons are the works of G.W.F. Hegel. The authors conclude that while the integration processes in the beginning of the XIX century had a historically progressive character, the modern globalization – on the contrary – is a phenomenon of regression for the history of mankind.

Keywords: globalization, philosophy of history, philosophical understanding, G. V. F. Hegel, Napoleon, progress, social and cultural integration.

References

- Briefe von und an Hegel. Hrsg. von J. Hoffmeister.* Hamburg, 1969.
- Gegel G. W. F. *Filosofia duha* [The Philosophy of Mind]. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Mysl' Publ., 1977, vol. 3. (In Russ.)
- Gegel G. W. F. *Lektsii po istorii filosofii: Kniga 1* [Lectures on the History of Philosophy: Book 1]. St. Petersburg, Nauka, 2001. (In Russ.)
- Gegel G. W. F. *Raboty raznykh let: V 2 t.* [Works of Different Years: In 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1971, vol. 2. (In Russ.)
- Gegel G. W. F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1959, vol. IV: Fenomenologiya duha [Phenomenology of Spirit]. (In Russ.)
- Gegel G. W. F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe socialno-economiceskoe izdatelstvo, 1934, vol. VII: Filosofiya prava [Philosophy of Law]. (In Russ.)
- Gegel G.W.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe socialno-economiceskoe izdatelstvo, 1935, vol. VIII: Filosofiya istorii [Philosophy of History]. (In Russ.)
- Lucach D. Politicheskie ubegdeniya i ponimanie istorii Gegelem v period napisaniya «Fenomenologii ducha» [Political beliefs and understanding of the history of Hegel in the period of writing «Phenomenology of the spirit»]. D. Lucach. *Molodoi Gegel i problema kapitalisticheskogo obschestva* [Young Hegel and the Problems of Capitalist Society]. Moscow, Nauka, 1987, p. 492–509. (In Russ.)
- Timofeev A. I. Chto by mog skazat Gegel o problemakh globalizatsii? [What would Hegel say about the problems of globalization?]. *Globalizatsiya v socialno-filosofskom izmerenii: Sbornik materialov konferentsii* [Globalization in the Socio-Philosophical Dimension: Proceedings of the conference]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2003, p. 86–90. (In Russ.)

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-238-249

С. В. Бердаус

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

s.berdaus@yandex.ru

РАННЯЯ И ПОЗДНЯЯ ЭТИКА Э. ГУССЕРЛЯ

На основании сложившейся традиции деления этики Гуссерля на ранний и поздний периоды, дана характеристика каждого периода, указаны их основные лейтмотивы, цели и задачи. Ранний этап этики Гуссерля рассматривается с двух аспектов – трансцендентального и дисциплинарного. Показано, что для раннего этапа свойственно постулирование гомогенности природы трех видов разума (теоретического, практического и аксиологического). Следствием этой гомогенности являются параллелизм (Parallelismus) логики и этики и стремление Гуссерля сконструировать этику по образцу логики. Поздний этап характеризуется стремлением Гуссерля наладить взаимодействие практической философии с конкретными проблемами актуальной практики. Гуссерль уделяет много внимания остросоциальным вопросам и даже участвует в своего рода патриотической пропаганде. Представленный обзор показывает, насколько неоднородна по структуре и оригинальна по своему содержанию и генезису этическая мысль Гуссерля.

Ключевые слова: Гуссерль, историография, феноменологическая этика, практическая интенциональность, параллелизм логики и этики, трансцендентальная феноменология.

Феноменология Э. Гуссерля привлекала и привлекает к себе внимание в первую очередь как эпистемологический проект, как методология. Заостренность Гуссерля на вопросах познания, логики и т. п., а также в целом антисистемный настрой феноменологии привели к тому (хотя формально это не основная причина), что исследования по его этике оставались в тени. Однако тенденции последних десятилетий, связанные с попытками посмотреть на феноменологию другими глазами, например, через призму метафизической проблематики или теологической, а также связанные просто с намерением более целостного понимания этого направления, делают невозможными дальнейшее игнорирование его этической составляющей.

Для русскоязычных исследователей ситуация осложняется уже привычным дефицитом как переводов, так и крайне медленным входением в тему. Однако на сегодняшний день ситуация меняется в лучшую сторону.

Соответственно целью данной статьи будет анализ как этических работ самого Гуссерля, так и исследований, посвященных этим работам. В своем изложении мы будем отталкиваться от сложившейся традиции делить этику Гуссерля на ранний и поздний периоды.

Предварительно отметим, что знакомство с этическими сочинениями Гуссерля было затруднено по разного рода причинам. Большинство из этих сочинений представляют собой материалы лекций, а также разного рода заметки. После прихода к власти в Германии национал-социалистов, Гуссерль, в силу своей национальной принадлежности (по происхождению он был евреем), подвергался гонениям – отстранению от должности, запрещению участвовать в философских конгрессах, и издание его работ, разумеется, было невозможно. После его смерти в 1938 г., Герман Лео Ван Бреда перевез в Лёвен (Лувен) неизданные работы Гуссерля, чем спас их от конфискации и уничтожения. Начавшийся формироваться в послевоенное время архив Гуссерля (Гуссерлиана) насчитывал многие тысячи рукописных страниц, и ученым предстоял тяжкий труд по систематизации этих манускриптов и их изданию. Все это заняло, конечно, очень много времени.

Итак, приведем те тома Гуссерлианы, в которых так или иначе затрагивается этическая проблематика (хронология дана с учетом написания работ, а не издания этих томов).

1. Том 28 («Собрание сочинений»¹): Лекции по этике и аксиологии (1908–1914) [Husserl, 1988].

2. Том 25 («Собрание сочинений»): Фихтевский идеал человечества (1917) [Husserl, 1987]. Русский перевод [Гуссерль, 2010].

3. Том 9 («Материалы»): Априорная аксиология и этика; Социальная этика (1919–1920) [Husserl, 2012].

4. Том 37 («Собрание сочинений»): Введение в этику (1920–1924) [Husserl, 2004].

¹ Гуссерлиана состоит из четырех серий: основной является «Собрание сочинений» (Gesammelte Werke), которая включает книги и статьи, опубликованные Гуссерлем при жизни, и подборку его рукописей; серия «Документы» содержит биографические и библиографические материалы и переписку Гуссерля; серия «Материалы» в основном включает расшифровки лекций, которые были прочитаны Гуссерлем, а также дополнительные рукописи; кроме того, есть серия «Собрание сочинений» (Collected Works), в которой опубликованы английские переводы некоторых основных текстов.

5. Том 27 («Собрание сочинений»): Пять статей об обновлении (1922–1924) [Husserl, 1989]. Русский перевод [Гуссерль, 1997].

6. Том 42 («Собрание сочинений»): Поздняя этика [Husserl, 2013].

Из этого списка работ к раннему периоду феноменологической этики мы с уверенностью можем отнести только произведения, опубликованные в 28-м томе. Все остальные работы из этого списка можно относить к позднему периоду.

Ранний период

С теоретической точки зрения ранние этические произведения Гуссерля были плотно вписаны в контекст феноменологических идей. Для того чтобы кратко изложить смысл и содержание этой сопричастности этики и феноменологии в целом, выделим следующие два аспекта.

1. *Трансцендентальный аспект*. В «Идеях к чистой феноменологии» [Гуссерль, 2009], особенно в разделе «Феноменология разума» Гуссерль намечает расширение поля феноменологических исследований посредством включения в них предметной области практической философии – практического и аксиологического разума. Он постулирует при этом гомогенную природу трех видов разума (теоретического, практического и аксиологического), а также пригодность алгоритмов описания ноэтико-ноэматических структур теоретического разума для двух других. Эта гомогенность (надо признать, слабо исследованная в историко-философской литературе) выступает основной концептуальной базой «Лекции об основных вопросах этики и аксиологии 1914 г.» [Husserl, 1988. S. 2–159] – одного из ключевых произведений его ранней этики. Например, за счет идеи гомогенности Гуссерль находит компромисс в традиционном споре этики разума (Кант) и этики морального чувства (Юм). Включив в сферу интенциональности эмоции как трансцендентальный феномен, Гуссерль – в противовес Канту, чья этика весьма избирательно относится к чувству (допуская, например, чувство уважения к нравственному закону, но и то только потому, что это чувство мотивирует действовать в соответствии с этим законом) – намерен установить баланс между рациональным и нерациональным, баланс, адекватно отражающий как восприятие реальности, так и феноменологическую специфику и структуру совершения поступков в этой реальности. Более фундаментальным следствием переплетения (*Verflechtung*) видов разума является метаморфоза в понимании и толковании такого свойства сознания, как интенциональность. Тесно связана с тенден-

цией практического толкования феноменологии в целом и интенциональности в частности проблематика феноменологии воли.

2. *Дисциплинарный аспект.* В «Лекциях об основных вопросах этики и аксиологии 1914 г.» Гуссерль говорит об этике так же и как о дисциплине, научной дисциплине. Он подчеркивает необычайную важность этой дисциплины для современности, квалифицируя этику как «логику» правильного поступка. Причина подобной квалификации, которая именуется самим Гуссерлем как параллелизм (Parallelismus) логики и этики, укоренена в вышеописанной гомогенности теоретического и практического разума.

В силу того, что Гуссерль хочет сконструировать этику по образцу логики, первая должна соответствовать основной специфике второй, а именно формальности: «в этической сфере, в сфере рациональной практики должно быть что-то вроде аналитики, что-то вроде формальной практики, комплекса принципов и законов, которые абстрагируются от “материи” практики и выражают закономерности в чистой форме, аналогично тому, как формально-логические законы поступают относительно знания, абстрагируясь от так называемой материи знания» [Husserl, 1988. S. 37]. Даже наличие аналитики и попыток формального представления таких базовых для этики, элементов как поступок, мотив, воля, а также попыток введения аналогов формальных законов в этический дискурс (например, закона исключенного четвертого) не в состоянии сделать из феноменологической этики действительно формальную этику². Представляется, что Гуссерль искал в формализме скорее факторы научной строгости, обоснованности, т. е. все то, что позволит избежать психологизма, с которым основатель феноменологии боролся во всех сферах, как в теории познания, так и в этике (см.: [Husserl, 1988. S. 10–35]).

Поскольку Гуссерль возлагает на этику как дисциплину особую роль, проектирует ее как некий универсальный механизм оценки поступков, целей и средств («этика – это научная дисциплина, точнее искусство обучения (*Kunstlehre*)³, которое постигает высшие жизнен-

² Противоположную позицию мы находим у Т. Питрека, который пытается выйти за рамки «этического» трансцендентализма и воспринимает формальную этику скорее как метаэтику. Эпистемологизированный подход к формальной этике Гуссерля мы находим в статье Питрека «Реконструкция феноменологического метода для метаэтики» [Pietrek, 2004. P. 69–108].

³ Искусство обучения (*Kunstlehre*) – важный концепт для Гуссерля. В статье В. Вана [Wang, 2013] «*Kunstlehre*» и прикладная феноменология» посредством сравнительного анализа концепта искусства обучения в работах Гуссерля и Гадамера с понятием «фронесис» у Аристотеля, автор показывает, что разработкой концепта искусства обучения и репрезентацией его как идеала для логики и этики, Гуссерль

ные цели, а с другой стороны, пытается установить правила, которые бы облегчили отдельно взятому действующему субъекту разумное обустройство жизни и деятельности с учетом этих целей» [Husserl, 1988. С. 384]), ему важно было прояснить такой базовый вопрос для любой этической системы, как природа нормативности. В своей монографии «Гуссерль» Д. В. Смит [Smith, 2007] ставит вопрос относительно природы ценностей, лежащих в основе гуссерлевской нормативности, и отвечает на него в том духе, что для философа этот вопрос в целом не был принципиален. Вот как об этом пишет сам Гуссерль: «...при простой констатации смысла предложений должностования нас не касается вопрос, является ли это признание в каком-либо смысле “объективно значимым” или нет, следует ли вообще проводить различие между субъективно и объективно “хорошим”. Достаточно отметить, что нечто считается ценным...» [Гуссерль, 2011. С. 54].

Поздний период

Если на раннем этапе развития Гуссерль обеспокоен построением парадигмы, в рамках которой могли бы взаимодействовать практическая философия с конкретными проблемами актуальной практики, нежели самими этими проблемами, то в поздний период (именуемый в исследовательской литературе «субъективизм») он, с одной стороны, пытается привести в действие эту парадигму, а с другой – уделяет много внимания остросоциальным вопросам, и даже участвует в своего рода патриотической пропаганде [Гуссерль, 2009/2010]. В этой связи среди исследователей ведется дискуссия относительно того, является ли поздний этап отрицаем раннего либо же его логическим продолжением. К занимающим первую позицию можно отнести Дж. Доноху [Donohoe, 2004. P. 128], а также С. Лойдолт, которая считает, что развитие поздней этики связано с осознанием Гуссерлем факта невозможности познания этической действительности посредством объективной, доказательной науки, поскольку последняя все-гда внеперсональна [Loidolt, 2009]. К представителям второй позиции можно отнести Х. Пойкера, по мнению которого развитие этической мысли Гуссерля, если принимать во внимание именно фи-

пытается «заземлить» некогда теоретическое знание (неважно о теоретической ли логике идет речь, или о практической этике) до уровня партикулярного знания, знания *hit et nunc*. Аналогично описанной Аристотелем рассудительности, которая не способна выработать универсальные безусловные правила поведения, но должна всякий раз согласовывать их с частными обстоятельствами.

лософский вектор, носило эволюционный характер [Reucker, 2011]. И действительно, если мы обратимся к широкому кругу экзистенциальных, психологических, т. е. в целом междисциплинарных тем, которые исследованы в поздних лекциях по этике, опубликованных в 42-м томе Гуссерлианы [Husserl, 2013], например: умирание и смерть как мировые события, обусловленность поступков инстинктами и бессознательным и т. п., то станет очевидно – «формальные» алгоритмы ранней этики, предназначенные для описания трансцендентальных структур практического разума, в поздних лекциях «обрастают» предметным содержанием. Но был и другой вектор, где Гуссерль выступает не столько как философ, но как мыслитель, лично вовлеченный в исторический процесс.

В связи с насыщенностью событий, представляющих действительность в Германии и мире в 1910–1930-е гг., для Гуссерля невозможно было сохранять академическое спокойствие и вести оторванную от этих событий научную жизнь. И дело здесь не только в политической вовлеченности или же какой-то иной социальной ангажированности. Напротив, Гуссерль в своем отношении к социально-политической ситуации прошел драматический путь, который начался с «национально-патриотического и пропагандистского энтузиазма, естественным образом перетекающего в энтузиазм научного и философского поиска» [Лаврухин, 2009/2010. С. 102]; (см. также: [Харт, 2009/2010; 2013], что нашло свое выражение в лекциях «Фихтевский идеал человечества» [Гуссерль, 2009/2010], прочитанных «для смешанной аудитории из молодых солдат, вернувшихся с фронта, а также для студентов и вольнослушателей Фрайбургского университета» [Харт, 2009/2010. С. 363] в целях укрепления духа молодых людей. Однако после смерти младшего сына на поле боя, поражения Германии в Первой мировой войне и установления кризисного положения как в экономике, так и культуре, мировоззренческие ориентиры Гуссерля меняются, он констатирует наступление «самого универсального и глубокого грехопадения человечества во всей обозримой истории... философского бедствия человечества» (цит. по: [Лаврухин, 2009/2010. С. 102]). Отражение этого перелома в мировоззрении нашло место в «Лекциях об обновлении (Erneuerung)» [Гуссерль, 1997], опубликованных в японском журнале «Kaizo» в начале 20-х гг. XX в. В качестве главного шага на пути «обновления» Гуссерль видит отказ от европоцентризма и образование «универсального этического человечества».

Попытка Гуссерля существовать одновременно в двух мирах – в мире чистого знания, абсолютной истины и в мире мнения, быть одновременно и философом, и крайне равнодушным к событиям брэнного мира практиком-гуманистом, возымела свои последствия. Одним из таких последствий можно считать его последнюю, крайне противоречивую работу «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». Это произведение выступает своего рода точкой схождения практической и теоретической мысли основателя феноменологии. Это наслоение и даже вживление этического содержания в эпистемологию Гуссерля дало основание Х. Силс-Боррасу говорить о том, что феноменология имеет своим основанием этику (мотивы рефлексивной ответственности) или еще шире – утверждать, что феноменология – это этический проект [Siles-Borras, 2010. P. 5].

Представленный краткий обзор основных тем этики Гуссерля показывает, насколько неоднородна по структуре и оригинальна (не в смысле причудливости, а в смысле отсутствия подражательности) по своему содержанию и генезису его этическая мысль. Безусловно, она открывает жанр современных неклассических этик, однако, надо признать, что более или менее точно определить ее координаты в этой сфере достаточно сложно, поскольку она в равной мере обнаруживает в себе зачатки таких направлений, как метаэтика, нормативная этика, прикладная этика, так и экзистенциально ориентированных этических систем.

В завершение этой статьи мне хотелось бы выразить согласие с исследовательницей практической феноменологии С. Феррарелло, которая пишет, что все, «что произошло после Гуссерля – экзистенциализм, герменевтика, философские и психологические теории телесности, формальные и материальные этики – не является чем-то отстраненным от его философии, но скорее активно вовлечено в плодотворные идеи, уже присутствующие в его мысли» [Ferrarello, 2016. P. 1]. Особенную же солидарность выразим мнению, что «самые известные работы современников и последователей Гуссерля (в особенности посещавших его лекции, семинары, состоявших в переписке и т. д.) являются плодами постоянного диалога с его идеями – диалога, порой невидимого для современных студентов, не знакомых с работами основателя феноменологии» [Ibid.]. В этой связи знакомство и исследование феноменологической этики Гуссерля позволят пролить свет на множество интереснейших философских предприятий XX в.

Список литературы

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2009. 489 с.

Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике / Пер. Э. А. Бернштейна. М.: Академ. проект, 2011. 563 с.

Гуссерль Э. Статьи об обновлении / Пер. К. Бандуровского // Вопр. философии. 1997. № 4. С. 109–135.

Гуссерль Э. Фихтевский идеал человечества. Три лекции / Пер. В. Молчанова // Ежегодник по феноменологической философии. 2009/2010 [II]. С. 366–394.

Лаврухин А. В. Практическая философия Э. Гуссерля: проект обновления культурного человечества Европы // Ежегодник по феноменологической философии. 2009/2010 [II]. С. 100–118.

Харт Дж. Гуссерль и Фихте (в связи с лекциями Гуссерля «Фихтевский идеал человечества») / Пер. О. Иващук // Ежегодник по феноменологической философии. 2013 [III]. С. 209–250.

Харт Дж. Предисловие к публикации перевода на русский язык лекций Э. Гуссерля «О фихтевском идеале человечества» / Пер. О. Иващук // Ежегодник по феноменологической философии. 2009/2010 [II]. С. 363–365.

Donohoe J. Husserl on Ethics and Intersubjectivity: From Static to Genetic Phenomenology. New York: Humanity Books, 2004. 197 p.

Ferrarello S. Husserl's Ethics and Practical Intentionality. London; New York: Bloomsbury, 2016. 269 p.

Husserl E. Apriorische Wertelehre und Ethik, Soziale Ethik // Husserl E. Einleitung in die Philosophie Vorlesungen 1916–1920: Husserliana, Materialien, Bd. 9 / Hrsg. von H. Jacobs. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer, 2012. S. 118–180.

Husserl E. Einleitung in die Ethik: Vorlesungen Sommersemester 1920–1924: Husserliana, Gesammelte Werke, Bd. 37 / Hrsg. von U. Melle. Dordrecht: Springer Science, Business Media, 2004.

Husserl E. Fichtes Menschlichkeitsideal (Drei Vorlesungen 1917) // Husserl E. Aufsätze und Vorträge: 1911–1921: Husserliana, Gesammelte Werke, Bd. 25 / Hrsg. von T. Nenon und H. R. Sepp. Dordrecht; Boston: Martinus Nijhoff Publ., 1987. S. 267–292.

Husserl E. Fünf Aufsätze über Erneuerung // Husserl E. Aufsätze und Vorträge 1922–1937: Husserliana, Gesammelte Werke, Bd. 27 / Hrsg. von T. Nenon und H. R. Sepp. Dordrecht: Kluwer, 1989. S. 3–43.

Husserl E. Grenzprobleme der Phänomenologie. Analysen des Unbewusstseins und der Instinkte. Metaphysik. Späte Ethik (Texte aus dem Nachlass 1908–1937): Husserliana, Gesammelte Werke, Bd. 42 / Hrsg. von R. Sowa und T. Vongehr. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer Science, Business Media, 2013. 665 S.

Husserl E. Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914: Husserliana, Gesammelte Werke, Bd. 28 / Hrsg. von U. Melle. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publ., 1988. 523 S.

Loidolt S. Husserl and the Fact of Practical Reason – Phenomenological Claims Toward a Philosophical Ethics // Santalka. Filosofija. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 50–61.

Loidolt S. Ist Husserls späte Ethik «existenzialistisch»? Überlegungen zu Texten der «Grenzprobleme» (Hua 42) // Journal Phänomenologie. 2011. Vol. 36. P. 34–44.

Peucker H. Husserls Ethik zwischen Formalismus und Subjektivismus // Die Aktualität Husserls / Hrsg. von M. Scherini, V. Mayer und C. Erhard. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2011. S. 278–298.

Pietrek T. A Reconstruction of Phenomenological Method for Metaethics // New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy. 2004. Vol. 4. P. 69–108.

Siles-Borras J. Ethics of Husserl's Phenomenology: Responsibility and Ethical Life. London; New York: Continuum, 2010. 209 p.

Smith D. W. Husserl. London; New York: Routledge, 2007. 451 p.

Wang W.-S. «Kunstlehre» and Applied Phenomenology // Open Journal of Philosophy. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 308–313.

S. V. Berdaus

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

s.berdaus@yandex.ru

EARLY AND LATE ETHICS OF E. HUSSERL

The author follows the common division of Husserl's ethics into early and late periods, and gives a description of each period, indicating their leitmotifs, goals and objectives. The early stage of Husserl's ethics is viewed from two aspects – transcendental and disciplinary. It is shown that the early stage is characterized by the homogeneity of the three kinds of mind (theoretical, practical and axiological). The consequence of this homogeneity is the parallelism (Parallelismus) of logic and ethics and Husserl's intention to construct ethics following the pattern of logic. The late stage is characterized by the intention of Husserl to arrange the interaction of practical philosophy with specific problems of actual practice. Husserl did not turn away from acute social problems and even participated in a kind of patriotic propaganda. The presented review shows how heterogeneous in structure and original in its content and genesis is the ethical thought of Husserl.

Keywords: Husserl, historiography, phenomenological ethics, practical intentionality, parallelism of logic and ethics, transcendental phenomenology.

References

Donohoe J. *Husserl on Ethics and Intersubjectivity: From Static to Genetic Phenomenology*. N. Y., Humanity Books, 2004.

Ferrarello S. *Husserl's Ethics and Practical Intentionality*. London, New York, Bloomsbury, 2016.

Hart J. Gusserl' i Fikhte (v svyazi s lektsiyami Gusserlya «Fikhtevskii ideal chelovechestva») [Husserl and Fichte (in Connection with Husserl's Lectures "Fichte's Ideal of Humanity»)]. *Yearbook on phenomenological philosophy*, 2013 [III]. p. 209–250. (In Russ.)

Hart J. Predislovie k publikatsii perevoda na russkii yazyk lektsii E. Gusserlya «O fikhtevskom ideale chelovechestva» [Preface to the Publication of the Translation into Russian of Lectures by E. Husserl "On the Fichtean

Ideal of Humanity"]. *Yearbook on phenomenological philosophy*, 2009/2010 [II]. p. 363–365. (In Russ.)

Husserl E. Apriorische Wertelehre und Ethik, Soziale Ethik. Husserl E. *Einleitung in die Philosophie Vorlesungen: 1916–1920 (Husserliana: Materialien; Bd. 9)*, hrsg. von H. Jacobs. Dordrecht, Springer, 2012, S. 118–180.

Husserl E. *Einleitung in die Ethik Vorlesungen Sommersemester: 1920–1924 (Husserliana: Gesammelte Werke; Bd. 37)*, hrsg. von U. Melle. Dordrecht, Springer Science, 2004.

Husserl E. Fichtes Menschlichkeitsideal (Drei Vorlesungen 1917). Husserl E. *Aufsätze und Vorträge: 1911–1921 (Husserliana: Gesammelte Werke; Bd. 25)*, hrsg. von T. Nenon und H. R. Sepp. Dordrecht, Martinus Nijhoff Publ., 1987, S. 267–292.

Husserl E. Fikhtevskii ideal chelovechestva. Tri lektsii [Fichte's Ideal of Humanity (Three Lectures)]. *Yearbook on phenomenological philosophy*, 2009/2010 [II], p. 366–394. (In Russ.)

Husserl E. Fünf Aufsätze über Erneuerung. Husserl E. *Aufsätze und Vorträge: 1922–1937 (Husserliana: Gesammelte Werke; Bd. 27)*, hrsg. von T. Nenon und H. R. Sepp. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1989, S. 3–43.

Husserl E. *Logicheskie issledovaniya. Prolegomeny k chistoi logike [Logical Investigations. Prolegomena to Pure Logic]*. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2011. (In Russ.)

Husserl E. Stat'i ob obnovlenii [Articles on Renewal]. *Questions of Philosophy*, 1997, no. 4, p. 109–135. (In Russ.)

Husserl E. *Grenzprobleme der Phänomenologie. Analysen des Unbewusstseins und der Instinkte. Metaphysik. Späte Ethik. Texte aus dem Nachlass 1908–1937 (Husserliana: Gesammelte Werke; Bd. 42)*, hrsg. von R. Sowa und T. Vongehr. Dordrecht, Springer Science, 2013.

Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]*. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2009. (In Russ.)

Husserl E. *Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914 (Husserliana, Gesammelte Werke, Bd. 28)*, hrsg. von U. Melle. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1988.

Lavrukhin A. Prakticheskaya filosofiya E. Gusserlya: proekt obnovleniya kulturnogo chelovechestva Evropy [The Practical Philosophy of E. Husserl: the Project of Renewing the Cultural Humanity of Europe]. *Yearbook on phenomenological philosophy*, 2009/2010 [II]. p. 100–118. (In Russ.)

Loidolt S. Ist Husserls späte Ethik «existenzialistisch»? Überlegungen zu Texten der «Grenzprobleme» (Hua 42). *Journal Phänomenologie*, 2011, vol. 36, p. 34–44.

Loidolt S. Husserl and the Fact of Practical Reason – Phenomenological Claims Toward a Philosophical Ethics. *Santalka. Filosofija*, 2009, vol. 17, no. 3, p. 50–61.

Peucker H. Husserls Ethik zwischen Formalismus und Subjektivismus. *Die Aktualität Husserls*, hrsg. von M. Scherini, V. Mayer und C. Erhard. Freiburg, Verlag Karl Alber, 2011, S. 278–298.

Pietrek T. A Reconstruction of Phenomenological Method for Metaethics. *New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy*, 2004, vol. 4, p. 69–108.

Siles-Borras J. *Ethics of Husserl's Phenomenology: Responsibility and Ethical Life*. London, New York, Continuum, 2010.

Smith D.W. *Husserl*. London, Routledge, 2007.

Wang W.-S. «Kunstlehre» and Applied Phenomenology. *Open Journal of Philosophy*, 2013, vol. 3, no. 2, p. 308–313.

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-250-257

А. А. Санженakov

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sanzhenakov@gmail.com

ДЕЛЁЗ: ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ТВОРЧЕСТВО

Рассматривается историко-философское наследие Ж. Делёза и предпринимается попытка выявить специфику работы Делёза с текстами философов прошлого. С этой целью подход Делёза анализируется с двух аспектов – сначала выявлено, что сам Делёз думал об истории философии, а затем приводятся комментарии некоторых исследователей на работы Делёза по истории философии. Выявлено, что, с точки зрения французского философа, история философии в классическом исполнении является репрессивной дисциплиной, которую надо преодолеть. С другой стороны, показано, что негативное отношение Делёза к истории философии и отдельным философам прошлого было обусловлено его антиплатонизмом и попыткой выстроить альтернативную линию метафизики. В целом, история, по Делёзу, призвана не хранить прошлое (быть доксографией), но, напротив, создавать условия для творчества и создания нового.

Ключевые слова: история, история философии, философия истории, Делёз, методология.

Жиль Делёз известен не только своими философскими сочинениями («Логика смысла» и «Различие и повторение») и совместными работами с Ф. Гваттари («Тысяча плато», «Кафка», «Анти-Эдип», «Что такое философия?»), но и сочинениями историко-философскими. Собственно, начинал он именно как историк философии. Ему принадлежат интерпретации Юма [Deleuze, 1953], Канта [Deleuze, 1963], Ницше [Deleuze, 1962; 1965] и др. Отечественные и зарубежные исследователи не раз обращались к этому любопытному феномену – «истории философии Делёза». Мы используем кавычки и слово «феномен», поскольку творчество французского философа на историко-философском поле до сих пор не получило однозначной оценки. В настоящей статье мы рассмотрим историко-философский подход Делёза с двух сторон: сначала мы обратимся к самому Делёзу и узнаем,

что он думает об истории философии как таковой и о собственном историко-философском методе, затем мы приведем некоторые внешние оценки исследователей.

Делёз об истории философии

Первое, что следует отметить в оценке Делёзом истории философии – это признание им явно репрессивного характера этой дисциплины. История философии – это то, что надо преодолеть, что является скорее препоной или, выражаясь образным языком, неким необходимым реверансом в сторону неугодного, но властного человека. «Я принадлежу к поколению, к одному из последних поколений, которое в той или иной мере было истерзано историей философии. История философии выполняет в самой философии очевидную репрессивную функцию; это, собственно говоря, философский Эдип: “Ты не можешь рисковать и не можешь говорить от своего имени, поскольку не прочитал того и этого, и этого о том, и того об этом”. Что касается моего поколения, то многие от этого комплекса так и не избавились, а остальные изобретали свои собственные методы и новые правила, новую тональность»¹ [Делёз, 2004. С. 16]. Оказавшись перед выбором: либо молчать, либо говорить от имени именитых философов прошлого, Делёз выбирает третий путь – говорить от имени философа прошлого, но в новой «тональности». Это решение он называет «компенсацией» [Там же. С. 17].

Второй момент касается уже собственно историко-философского метода Делёза. По его собственному признанию, процесс написания работы по истории философии напоминает ему акт непорочного зачатия, в результате которого рождаются «монстры». Только через такое понимание он избавился от комплекса, который ему внушала историко-философская наука: «я избавился от комплекса благодаря, как я полагаю, представлениям об истории философии как о процессе духовного соития (*ensulage*) или, что то же самое, непорочного зачатия. Я воображал, что подкрадываюсь к какому-то автору сзади и что мы зачинаем с ним ребенка, который был бы похож на него и вместе с тем родился бы монстром» [Там же]. Обезоружив-

¹ А. В. Дьяков разъясняет причины сложившегося положения дел во Франции сильной историко-философской традицией: «Пласт историко-философской литературы здесь столь мощный, что почти перекрывает глубинные породы: трудно разглядеть, к примеру, Платона, поскольку существует множество разных традиций его прочтения, к одной из которых должен примкнуть всякий новый исследователь» [2015. С. 13].

вание истории философии происходит через отказ от авторитетов, философы прошлого перестают быть менторами и вступают в прямой диалог с Делёзом. По сути дела, речь идет о некоем сотворчестве. Дж. Селларс, разъясняя специфику метода Делёза, обращается к творческому процессу написания и воспроизведения музыки, что, по его мнению, очень напоминает подход Делёза. Дело в том, что написать музыку – это не значит ее исполнить. Результатом написания музыки является партитура, которая должна быть еще «прочитана». Прочсть же ее можно по-разному. В качестве примера Дж. Селларс приводит Симфонию № 9 Бетховена, длительность исполнения которой колеблется от 59 до 74 мин [Sellars, 2007. P. 556]. Дирижер, принимающий решения относительно темпа исполняемой музыки, в этом примере уподобляется историку философии, как его понимает Делёз. Оба они, дирижер и историк философии, каждый по-своему, вступают в совместный творческий акт (первый с композитором, второй – с философом прошлого). Результатом подобного сотворчества были историко-философские произведения Делёза.

Исследователи об истории философии Делёза

Как мы уже сказали в начале статьи, среди исследователей творчества Делёза нет единого мнения о его экспериментах в области истории философии. Однако если мы приведем здесь хотя бы несколько оценок по данному вопросу, читателю станет более понятно, что именно представляет собой история философии Делёза. Одна из таких оценок принадлежит М. Хардту (Michael Hardt). В своей монографии «Жиль Делёз: ученичество в философии» он рассматривает ранние историко-философские работы Делёза, посвященные Бергсону, Ницше и Спинозе. Хардт полагает, что в этих работах Делёз решает общую для всего постструктурализма проблему – поиск способа «ускользнуть» (evade) от Гегелевского основания. В поисках новых оснований, Делёз обращается к Ницше, который наиболее подходит для этого в силу его антигегельянства. «Говорят, Ницше плохо знал Гегеля. В том смысле, что противников знают не слишком хорошо. Мы же, напротив, полагаем, что гегельянское движение, различные направления гегельянства, были ему известны не понаслышке; что, подобно Марксу, Ницше находил козлов отпущения для своей критики именно здесь. Интегральное целое ницшевской философии остается отвлеченным и невразумительным, если не раскрыть, против кого она направлена... Антигегельянство пронизывает творчество Ницше, подобно путеводной нити агрессивности» [Делёз,

2003. С. 46–47]. Несмотря на то, что хронологически книга Делёза, посвященная Ницше, вышла раньше, Хардт начинает рассмотрение эволюции антигегельянского проекта Делёза с Бергсона. Согласно Хардту, обращение к Бергсону было обусловлено желанием Делёза произвести критику «негативной онтологии и предложить на ее место абсолютно позитивное движение бытия» (или онтологическое движение) [Hardt, 2003. P. xiv]. Вообще рассмотрение наследия Бергсона в контексте онтологической проблематики, а не через призму психологии или феноменологии восприятия представляется несколько неожиданным, на что обращает внимание и Хардт [Ibid. P. 1]. Сам Делёз описывает переход от психологии к онтологии следующим образом: «...есть некое “прошлое вообще”, которое вовсе не особое прошлое того или иного настоящего, но оно подобно онтологической стихии, – вечное прошлое, данное на все времена и выступающее как условие “прохождения” каждого особого настоящего. Именно прошлое вообще делает возможными любые прошлые. По Бергсону, мы, прежде всего, перемещаемся назад в прошлое вообще: именно так он описывает *скачок в онтологию*. Мы действительно перескакиваем в бытие, в бытие-в-себе, в бытие-в-себе прошлого. Речь идет о том, что мы полностью покидаем психологию» [Делёз, 2001. С. 269]. Итак, по Делёзу, бергсоновское «прошлое вообще» является условием возможности настоящего, но речь, конечно, не идет о простой последовательности, где предыдущее событие становится условием возможности последующего. Речь идет об онтологическом фундаменте. Приведем пример с историей. Есть история конкретного государства или народа, и, казалось бы, именно посредством этой истории данное государство или народ живут, т. е. осознают свой сегодняшний день через день вчерашний. Однако эта очевидная связь не является предельной и фундаментальной, но сама нуждается в более глубоком основании, в роли которого может выступать, например, процессуальность.

Генезис антигегельянского проекта Делёза, по мнению Хардта, заставил французского философа обратиться к наследию Ницше, с тем чтобы перевести онтологические спекуляции в этический горизонт, в поле ценностей. Обращение к Спинозе преследовало ту же цель, но расширяло исследовательское поле не только на этику, но и на практику в целом [Hardt, 2003. P. xiv]. Таким образом, реконструированный Хардтом проект Делёза выглядит схематично так: Бергсон (онтология) – Ницше (этика) – Спиноза (практика). Первым результатом этого проекта, по мнению Хардта, была демонстрация того, что главная линия метафизических спекуляций – от Плато-

на до Гегеля и Хайдеггера – не является единственной [Hardt, 2003. P. 115]. В самом деле, проект Делёза подразумевает прежде всего отказ от монополии Платонического наследия в метафизике, именно поэтому он обращается в поздних работах к стоической онтологии (к их понятию чистого смысла, к *лектону*). В онтологии стоиков его привлекал именно ее антиплатонизм: если у Платона мир вещей есть производное мира идей, то у стоиков, напротив, бестелесные события есть результат смешения двух тел [Делёз, 2011. С. 13–37].

Другой исследователь М. Белл (Martin Bell) полагает, что подход Делёза к написанию истории философии определяется его взглядом на природу философии. С точки зрения французского мыслителя, философия начинается с проблем или вопросов, но она не нацелена на решение этих проблем и поиски ответов. В связи с этим философ интересует не то, хороший ли ответ / решение они предлагают, но правильный ли они вопрос / проблему ставят [Bell, 2005. P. 95]. Но помимо (или в силу) хорошо продуманного и остро поставленного вопроса философы производят концепты: *сущность* Аристотеля, *cogito* Декарта, *монада* Лейбница и т. д. Белл обращает внимание, что Делёза интересуют в истории философии не столько авторы (Ницше или Юм), сколько концепты, созданные ими. В «Эмпиризме и субъективности» Делёз замечает, что мечтает об истории философии, которая состояла бы полностью из понятий, созданных великими философами.

Крэйг Лунди (Craig Lundy) в своей монографии «История и становление: философия творчества Делёза» рассматривает философию Делёза как философию творчества. И в этой связи, по мнению Лунди, историко-философское наследие Делёза имеет особое значение. Поскольку «история играет решающую роль в акте трансформации и процессе, посредством которого возникает что-то новое». Артикуляция этой роли истории как ключевой точки для философии творчества Делёза – задача К. Лунди. Сам Делёз противопоставляет историю и становление таким образом, что первая всегда пишется с точки зрения «оседлости», государственности, в то время как вторая связана с «номадическим», кочевым мировосприятием. Данное противопоставление осмысливается Делёзом и его соавтором Ф. Гваттари, чтобы предложить новую онтологию и метод для истории [Lundy, 2012. P. 64]. Если государственная история имеет темпоральную и событийную определенность, то номадическая история лишена этого и тем самым она предельно свободна и независима. Государство по природе своей является иерархичной структурой, призванной выстаивать внутри себя линии подчинения и ограничения. Кочевой образ жизни

представляет собой чистую сингулярность, и в силу этого в его рамках не могут выстраиваться связи, свойственные государственному типу. Как отмечает Ланди, рассмотрение Делёзом истории в новом ключе привело к тому, что темпоральный аспект в истории заменяется на пространственный и географический [Ibid. P. 65].

Подводя итог, постараемся выразить общий характер отношения к истории философии нашего автора. Прежде всего, философия прошлого для него не является однородной, он там обнаруживает союзников (прежде всего эмпиристов) и врагов (рационалистов). Эта предвзятость связана с его стремлением уйти от довлеющих авторитетов прошлого и желанием найти альтернативный интеллектуальный путь. По сути, мы имеем дело с приматом философии над историей философии, или же преодолением истории философии как доксографии через трансформацию историко-философского поиска (поиск ответа на вопрос, что думал философ такой-то по такому-то вопросу) в поиск философский (диалог с философом прошлого с целью развития его идей в новом контексте). В каком-то смысле это отказ от воспроизведения старого и известного в пользу творения нового. Поэтому и философию, и историю философии Делёза следует рассматривать не как продуцирование знания, но как создание условий для творческого производства.

Список литературы

Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академ. проспект, 2011.

Делёз Ж. Ницше и философия / Пер. с фр. О. Хомы; под ред. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2003.

Делёз Ж. Письмо суровому критику // Переговоры. 1972–1990 / Пер. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. С. 13–25.

Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза / Пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: ПЕР СЭ, 2001.

Дьяков А. В. Жиль Делёз и история философии: новые пространства // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 3 (35). С. 12–18.

Bell M. Transcendental Empiricism? Deleuze's Reading of Hume // Impressions of Hume / Eds. M. Frasca-Spada, P. J. E. Kail. Oxford: Clarendon Press, 2005. P. 95–106.

Deleuze G. Empirisme et subjectivité. Essai sur la nature humaine selon Hume. P.: Presses Universitaires de France, 1953.

Deleuze G. La Philosophie critique de Kant. P.: Presses Universitaires de France, 1963.

Deleuze G. Nietzsche et la Philosophie. Paris: Presses Universitaires de France, 1962.

Deleuze G. Nietzsche: sa vie, son œuvre, avec un exposé de sa philosophie. P.: Presses Universitaires de France, 1965.

Hardt M. Gilles Deleuze: An Apprenticeship in Philosophy. London: UCL Press, 2003.

Lundy C. History and Becoming: Deleuze's Philosophy of Creativity. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2012.

Sellars J. Gilles Deleuze and the History of Philosophy // British Journal for the History of Philosophy. 2007. No. 15 (3). P. 551–560.

Материал поступил в редколлегию 05.07.2018

A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sanzhenakov@gmail.com

DELEUZE'S HISTORY OF PHILOSOPHY AS CREATIVITY

The article is devoted to the attempt to reveal the specific nature of Deleuze's work on the history of philosophy. For this purpose the author analyzes the historical method of Deleuze from two angles. First, he explores the Deleuzian point of view on the history of philosophy. Second, he presents commentators' account on the work of Deleuze on the history of philosophy. It is shown that, in the opinion of the French philosopher, the history of philosophy in the ordinary sense is a repressive discipline which needs to be overcome. On the other hand, it is shown that the Deleuzian negative attitude towards the history of philosophy and some philosophers of the past arises from his anti-Platonism and an attempt to build an alternative line of metaphysics. In general, the history, according to Deleuze, should not aim to preserve the past (to be a doxography), but, on the contrary, should provide the conditions for creativity.

Keywords: history, history of philosophy, philosophy of history, Deleuze, methodology.

References

- Bell M. Transcendental Empiricism? Deleuze's Reading of Hume. *Impressions of Hume* / ed. by M. Frasca-Spada and P. J. E. Kail. Oxford, Clarendon Press, 2005, p. 95–106.
- Deleuze G. *Empirizm i sub'ektivnost'. Kriticheskaya filosofiya Kanta. Bergsonizm. Spinoza* [*Empiricism and Subjectivity. Kant's Critical Philosophy. Bergsonism. Spinoza*]. Moscow, 2001. (In Russ.)
- Deleuze G. *La Philosophie critique de Kant*. Paris, Presses Universitaires de France, 1963.
- Deleuze G. *Logika smysla* [*The Logic of Sense*]. Moscow, 2011. (In Russ.)
- Deleuze G. *Nietzsche et la Philosophie*. Paris, Presses Universitaires de France, 1962.
- Deleuze G. *Nietzsche: sa vie, son œuvre, avec un exposé de sa philosophie*. Paris, Presses Universitaires de France, 1965.
- Deleuze G. *Nitsshe i filosofiya* [*Nietzsche and Philosophy*]. Moscow, 2003. (In Russ.)
- Deleuze G. Pismo surovomu kritiku [Letter to a Harsh Critic]. *Peregovory. 1972–1990* [*Negotiations. 1972–1990*]. St. Petersburg, 2004, p. 13–25. (In Russ.)
- D'yakov A.V. Zhil Delez i istoriya filosofii: novye prostranstva [Gilles Deleuze and the History of Philosophy: New Spaces]. *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Scholarship Notes: e-journal of the Kursk State University*]. 2015, no. 3 (35), p. 12–18. (In Russ.)
- Hardt M. *Gilles Deleuze: An Apprenticeship in Philosophy*. London, UCL Press, 2003.
- Lundy C. *History and Becoming: Deleuze's Philosophy of Creativity*. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2012.
- Sellars J. Gilles Deleuze and the History of Philosophy. *British Journal for the History of Philosophy*, 2007, no. 15 (3), p. 551–560.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, заведующая отделом Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Бердаус Светлана Владимировна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Бровкин Владимир Викторович – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Гончарова Галина Савитовна – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Горохов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал в г. Оренбурге), Оренбург

Ерохина Елена Анатольевна – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Карпович Валентин Никонович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Костюк Всеволод Григорьевич – старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Мадюкова Светлана Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

- Обухов Андрей Александрович** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета
- Останин Вадим Владимирович** – кандидат философских наук, доцент, Алтайского государственного аграрного университета, Барнаул
- Персидская Ольга Алексеевна** – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск
- Петров Владимир Валерьевич** – кандидат философских наук, доцент Института философии и права Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН
- Решетников Владимир Алексеевич** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Института социальных наук Иркутского государственного университета
- Самсонов Всеволод Владимирович** – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск
- Санжеников Александр Афанасьевич** – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск
- Седыченко Татьяна Юрьевна** – аспирантка Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск
- Солодова Галина Сергеевна** – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, Новосибирск
- Суботялов Михаил Альбертович** – доктор медицинских наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирского государственного университета
- Суворов Владимир Викторович** – кандидат физико-математических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Тарбастаева Инна Семеновна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Хлебалин Александр Валерьевич – кандидат философских наук, заместитель директора Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Института философии и права Новосибирского государственного университета

Шевченко Александр Анатольевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Широкова Марина Алексеевна – доктор философских наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул

Шмаков Владимир Сергеевич – ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Южанинова Екатерина Рафаэлевна – кандидат философских наук, доктор педагогических наук, доцент Оренбургского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы по широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематике. Журнал выражает общий настрой и позицию Сибирского отделения Российского философского общества, философского факультета Новосибирского государственного университета, а также дух новосибирского Академгородка, совмещающий интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональности аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс по каталогу Роспечати – 18289 (договор № 6585 от 02.11.2006). Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые ре-

цензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
философский факультет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора; почтовый адрес места работы (с индексом); e-mail; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 20 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы и адрес места работы на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, почтовый адрес места работы с индексом, должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см, Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 20 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится

цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы). Ссылки на архивные документы и документы из сети Internet оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Internet кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

6. Размер изображений не должен превышать 190 × 270 мм. Рекомендуемый размер фотографий 100 × 150 мм. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Просим Вас *не изменять исходный электронный формат* создаваемого Вами графического объекта. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 165.0

И. И. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

xyz@philosophy.nsc.ru

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ПЕРВИЧНОСТЬ МЕТАФИЗИКИ

Приведен ряд примеров, демонстрирующих преимущества рассуждений с точки зрения натуралистических представлений при анализе классических постановок скептического аргумента: неопределенность указания в рамках семантического приоритета, неопределенность и релятивизм онтологических допущений как следствие принятия во внимание проблемы недоопределенности теории данными и конструктивистских представлений об онтологии.

Ключевые слова: натуралистический поворот, скептицизм, семантический приоритет, недоопределенность, конструктивизм, реализм.

Основной текст статьи

Список литературы

I. I. Ivanov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

xyz@philosophy.nsc.ru

NATURALISTIC TURN: PUTTING METAPHYSICS FIRST

The paper aims to illustrate one of the main features of the naturalistic turn – overcoming of the sceptic's challenge by «putting metaphysics first» (M. Devitt). The sceptic's argument is viewed as a consequence of the wrong direction of thought from a priori epistemology and/or semantics to a priori metaphysics. The naturalistic turn gives us a chance to give up the sceptic's argumentation by allowing to argue from empirical metaphysics to empirical epistemology and/or semantics. Various examples of the advantage of the naturalized view are given. In particular, it is shown how to avoid scepticism, which is a follow-up of the indeterminateness and underdetermination problems and constructivist ideology.

Keywords: naturalistic turn, scepticism, semantic priority, underdetermination, constructivism, realism.

References

Сведения об авторе

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006. P. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие подстрочных сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример². В качестве подстрочных сносок допускаются ссылки на источники в Интернете, например³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [Петров, 2002. С. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в [Rorty, 1979].

³ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html(дата обращения 11.09.2001).

(сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образец оформления списка литературы

Горан В. П. Исторические истоки христианской догмы о сотворении мира «из ничего» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 123–132.

Карпович В. Н. Термины в структуре теории. Новосибирск: Наука, 1978.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопр. философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Aach J. Psychologism Reconsidered: A Revaluation of the Arguments of Frege and Husserl // *Synthese*. 1990. Vol. 85. P. 315–338.

Benacerraf P. Tasks, Super-Tasks and the Modern Eleatics // *Zeno's Paradoxes* / Ed. by W. C. Salmon. Indianapolis, USA; Cambridge: Hackett Publ. Company, 2001. P. 103–129.

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1974. Vol. 47. P. 5–20.

Gödel K. On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I // Kurt Gödel. *Collected Works* / Eds. S. Feferman, T. R. Dawson, S. C. Kleene, G. H. Moore, R. M. Solovay, T. van Heijenoort. New York, 1986. Vol. 1.

Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1979.

Образец оформления References

Aach J. Psychologism Reconsidered: A Revaluation of the Arguments of Frege and Husserl. *Synthese*, 1990, vol. 85, p. 315–338.

Benacerraf P. Tasks, Super-Tasks and the Modern Eleatics. *Zeno's Paradoxes*. W. C. Salmon (ed.). Indianapolis, USA; Cambridge, Hackett Publ. Company, 2001, p. 103–129.

Goran V. P. Istoricheskie istoki khristianskoi dogmy o sotvorenii mira «iz nichego» [Historical Origins of The Christian Dogma of Creation of The World From Nothing]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 1, p. 123–132. (In Russ.)

Gödel K. On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I. *Kurt Gödel. Collected Works*. S. Feferman, T. R. Dawson, S. C. Kleene, G. H. Moore, R. M. Solovay, T. van Heijenoort (eds.). New York, 1986, vol. 1.

Karpovich V. N. *Terminy v strukture teorii* [Terms in the Theory Structure]. Novosibirsk, Nauka, 1978. (In Russ.)

Tselishchev V. V. Ratsionalisticheskii optimizm i filozofiya Kurta Godelya [Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2013, no. 8, p. 12–23. (In Russ.)

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1974, vol. 47, p. 5–20.

Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1979.

Образец оформления сведений об авторе

Иванов Иван Иванович – кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, заведующий кафедрой философии и социологии; р.т. (383)000-00-00, e-mail: xyz@philosophy.nsc.ru

Таблица транслитерации символов

Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация
А	A	К	K	Х	KH
Б	B	Л	L	Ц	TS
В	V	М	M	Ч	CH
Г	G	Н	N	Ш	SH
Д	D	О	O	Щ	SCH
Е	E	П	P	Ы	Y
Е	E	Р	R	Ь	'
Ж	ZH	С	S	Э	E
З	Z	Т	T	Ю	YU
И	I	У	U	Я	YA
Й	I	Ф	F		